

О. И. Городовиков

**В БОЯХ
И ПОХОДАХ**

О. И. Городовиков

В БОЯХ И ПОХОДАХ

ВОСПОМИНАНИЯ

Рисунки В. Щеглова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1970

Издание дополненное и переработанное.

*В подготовке издания принимал
участие кандидат исторических наук
А. И. МЕЛЬЧИН*

Имя Оки Ивановича Городовикова, автора книги воспоминаний «В боях и походах», принадлежит к числу легендарных героев гражданской войны. Батрак-пастух, он после Великой Октябрьской революции стал одним из видных полководцев Советской Армии, генерал-полковником, награжден десятью орденами Советского Союза, а в 1958 году был удостоен звания Героя Советского Союза.

Его ближайший боевой товарищ по гражданской войне и многолетней службе в Вооруженных Силах маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный с большим уважением говорит об Оке Ивановиче:

«Трудно представить себе воина скромнее и отважнее Оки Ивановича Городовикова. Меня всегда удивляло, как удачно сочетается в его характере исключительно спокойная и умная рассудительность с лихим задором. В бою он бывал не просто храбр, а поразительно отважен, но его отвага не имела ничего общего с ухарством. Геройские подвиги он совершал как нечто самое обыкновенное, рабочее, обыденное. Всему этому он во многом обязан своей высокой дисциплинированности. Я не помню случая, чтобы Городовиков уклонился от выполнения данного ему приказа, чтобы он когда-либо не выполнил боевой задачи».

Жизнь Оки Ивановича Городовикова (1879—1960) — благородный пример того, как надо любить Родину, мужественно и самоотверженно беречь и защищать ее.

*Литературная запись
ИГОРЯ ВСЕВОЛОЖСКОГО*

Часть первая

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, СОЛДАТЧИНА

КАК Я СТАЛ ГОРОВОИКОВЫМ

Широким ковром раскинулась Сальская степь. С трех сторон окружают ее водные рубежи. С востока — Каспий, с запада — тихий Дон, с юга — река Сал и горько-соленый Маныч. С севера в Сальскую степь ведет сухопутный коридор, протянувшийся между реками Волгой и Доном. Этот коридор как бы соединяет Сальскую степь со Средне-Русской равниной.

Я родился на хуторе Эльмута в полукочевой калмыцкой семье, бродившей со своей кибиткой по беспредельным Сальским степям.

Нарекли меня древним именем Ока. Имена оставались еще у нас старые, а фамилии были уже обрусевшие. Местный буддийский священник, гилюнг, записал, что 1 октября 1880 года у калмыка Хаби Хардагина появился младенец мужского пола.

Отцу приходилось жить с русскими. Им было трудно выговаривать имя Хаби. Стали русские звать его Иваном. А писарь, который приезжал раз в год для записи родившихся и умерших, узнал как-то, что фамилия Хардагин по-калмыцки значит «чёрный годовик».

— Ты Иван? — спросил писарь отца.

— Иван.

— Годовик?

— Годовик, — отвечал отец, плохо понимавший по-русски.

Писарь обмакнул перо в чернила и записал меня в книгу: «Родился Ока Иванов Городовиков».

Так я стал Городовиковым.

С раннего детства я полюбил степь, полюбил ее необозримый простор, ее своеобразную, неповторимую красоту. Из века в век весной и поздней осенью миллионы всевозможных птиц пролетают над Сальской степью. Некоторые из них оседают в камышовых зарослях по берегам рек Маныча и Сала, другие продолжают свой путь. Любил я наблюдать за перелетом. Над степью стоит сплошной гомон. Высоко-высоко треугольником летят журавли. Со скользящим свистом проносятся над самой кибиткой стаи уток, а повыше строгим строем тянутся вереницы гусей. Мелкими и шумными стайками летят кулики. Иногда в синем океане небес, медленно взмахивая белыми крыльями, проплывают лебеди. А выше всех, кажется, что под самым солнцем, парят степные беркуты. Они кружат в вышине, высматривая очередную жертву.

Любил я бродить по степи. В ее высоких травах важно расхаживают дрофы, напоминающие своим видом домашних индеек, прямо из-под ног вспархивают проворные стрепеты, целыми выводками бегают в траве куропатки.

Для кочевника степь — родной дом. С давних времен в Сальских степях кочевали калмыки. Когда-то, несколько сот лет тому назад, отделившись от монгольского хан-

ства, они пришли в Сальские степи и приняли подданство Российской империи. «Калмак» по-монгольски — отделившийся. Слово «калмак» в русском произношении изменилось в «калмык» и так и осталось за этим кочующим народом.

Кочевники калмыки жили небольшими родовыми племенами. Пять-шесть кибиток, раскинутых у степного колодца или у какого-нибудь озера, составляли хутор. Постоит такой хуторок из войлочных кибиток недели две, пока скот не съест подножный корм, и снова перекечевывает на другое место. Постоянные переезды делали жизнь кочевника тяжелой и безрадостной.

...Один за другим тянутся, побрякивая колокольчиками, навьюченные верблюды. Чего только не везет на себе это безответное животное! На спине верблюда — разобранные кибитки, узлы с домашними вещами, к бокам привязаны мешки, в которых сидят дети. Их загорелые, грязные от пыли лица выглядывают из мешков, дети с интересом наблюдают за всем, что происходит вокруг. За верблюдами тянутся брички со скарбом. А по степи, следом за караваном, не спеша передвигаются табуны лошадей, стада коров и овец.

Идет кочевье целый день под палящими лучами солнца. Когда же наступит вечер и огненный шар солнца опустится за горизонт, кочевники останавливаются на отдых.

Старейшина рода, выбрав место для ночлега, дает команду остановиться. Он полноправный хозяин, самый богатый человек в роду. Он правит всем родом и «помогает» беднякам в нужде. Его помощь обходится бедняку дорого. Если старейшина хоть раз «помог» несчастному в его беде, то бедняку уже никогда не расплатиться с долгом. Закон, установленный старейшинами, говорит — взял одного барана в долг, отдавай два. И это никого не возмущает. Никто не задумывается над этой несправедливостью. Так было при дедах и прадедах.

И вот старейшина махнул рукой. Кочевье останавливается, разгружаются верблюды, устанавливаются кибитки, разжигаются костры, варится любимый калмыцкий чай, приправленный сливочным маслом, лавровым листом и солью. Некоторые из кочевников готовят будан — болтанку из молока и муки. Зажиточные калмыки

режут баранов и варят мясо. У костров хлопочут женщины и вертятся дети...

Жестоко эксплуатировали кочевников и калмыцкие попы (гилюнги). По закону каждый третий мальчик в семье предназначался для служения Будде. Таким образом, попов было великое множество, и трудовому народу приходилось всех их кормить. Существовал такой обычай: если умирал калмык, то в кибитку сейчас же являлись гилюнги и начинали молиться. Молитвы они читали на древнемонгольском языке, которого, кстати сказать, никто не знал, не знали его перевода и сами гилюнги. После чтения такой молитвы гилюнги, а их приходило трое или четверо, говорили присутствующим родственникам, что умерший находится при Будде и нуждается в коне, снаряжении и одежде и что он просит родственников передать ему все это через гилюнгов. Все полученное гилюнги присваивали себе. Таким образом попы одурачивали целые калмыцкие семьи, доводя их зачастую до полного разорения.

Страшный вред приносили гилюнги народу своими поучениями. Так, например, они учили калмыков не мыться и не купаться.

— Будешь мыться, черти схватят! — говорили они и объясняли: — Ведь черти любят чистых.

В знойные летние дни, когда водоемы превращались в вонючие лужи, из которых пили воду животные и люди, начиналась смертоносная дизентерия. В летнюю пору кочевнику негде хранить свои продукты, и он находит выход из затруднительного положения. Весь хутор обедает вместе. Режут баранов по очереди. Сегодня один, завтра — другой, послезавтра — третий. Так и ходят по кругу, съедая за обедом целого барана. В праздник пьют калмыцкий чай и араку (хмельной напиток), приготавливаемый из кислого молока.

В кибитках грязь, духота. Мух столько, что иногда не видно кошмы на потолке кибитки. Спали кочевники, как говорят, впокат. Укрывались одним одеялом. А если у кого в кибитке было сооружено подобие кровати, то на нее ложилась вся семья, поперек, взрослые и дети.

В каждой кибитке посередине было оборудовано место для костра. На костре варили еду, и он же служил для отапливания кибитки зимой.

Иногда в кочевьях появлялись джангарчи (народные сказители). Сядет такой джангарчи у кибитки, поджав под себя ноги, и начнет петь легенды из народного калмыцкого эпоса. Обступят его со всех сторон кочевники и слушают затаив дыхание. А он поет о прошедшем золотом веке древних богатырей, перечисляя их подвиги и приключения. И долго потом после ухода джангарчи вспоминают старики древние рассказы, слышанные ими от своих дедов, о сказочной стране Бумба, стране особенной, в которой нет смерти и увядания, где люди не старятся, живут в вечном довольстве и изобилии, ничего не делят на «мое» и «твое».

Прекрасная сказка о чудесной стране Бумба вселяла в кочевника веру в светлое будущее.

Особенно тяжело кочевникам зимой. Неделями завывают бураны. Снег толстым слоем покрывает степь. Голодает скот, голодает и сам кочевник. Ведь он не может запастись на зиму кормом для скота и продовольствием для себя и своей семьи. Единственное, что он в силах сделать, это припасти немного муки. Мука зимой становится основным продуктом питания. Из нее женщины пекут лепешки и делают болтанку.

В кибитке холодно. Посередине тлеет кизяк. Кибитка наполняется дымом. Дым ест глаза, лезет в горло. Простуженные дети кашляют, плачут и просят есть. Тревожные зимние ночи не приносят здорового и крепкого сна. Жилище содрогается от порывов ветра. Из степи доносятся завывание волков. Собаки скулят и лезут в кибитку. В такие ночи кочевник долго думает о том счастливом времени, когда наступит весна. Лежит кочевник на кошме, накрывшись с головой разным тряпьем, и представляет себе, как весной зазеленеет степь, появится много травы, скот оправится от зимней голодовки, кобылицы и коровы начнут давать молоко, овцы принесут приплод. Будет у него тогда много молока и мяса. Дальше его воображение рисует еще более соблазнительные картины. Вот он продает барашка и получает за него деньги. А за деньги все можно купить на любой ярмарке. Хорошо ему, когда в кармане позвякивает несколько монет или шелестит зеленая трешница. Бурдюки наполняются свежим чианом из коровьего молока; все будут пить кумыс и есть мясо. Начнутся традиционные весенние праздники, и

забудет кочевник о зимних трудностях и невзгодах. Все переменится как в сказке. Весна сделает чудеса. Люди перестанут хмуриться и станут приветливей. На их лицах засияют улыбки.

И действительно, весной в степи все оживает и делается приветливым и ласковым. Одни только государственные чиновники, появляющиеся каждую весну в калмыцких стойбищах, по-прежнему суровы и жестоки.

Каждую весну наш хутор посещал писарь из казачьей сотни, к которой до 1892 года были приписаны кочевые хотоны¹. Он придирчиво опрашивал кочевников и заносил в книгу всех тех, кто родился в этот год и кто умер.

Хотон, в котором жила наша семья, был приписан к Намровской сотне, а после 1892 года — к станице Платовской. Эта станица была названа Платовской в честь Матвея Ивановича Платова — известного казачьего донского атамана, отличившегося в 1812 году в бою на Бородинском поле. Под его командованием донские казаки и калмыки разбили прославленную наполеоновскую конную гвардию и обратили ее в бегство.

СЕМЬЯ

Ребят было шестеро. Родителям тяжело было содержать такую ораву. Мать уходила в степь, подбирала падалину и убоину и выбирала жилы. Из жил мать выделяла нитки. Была она большой мастерицей: дубила и красила кожи, одевала и обувала всю семью, шила из овчин штаны, кожаные сапоги. И хотя жили мы в самой убогой нищете, она мечтала о красивых вещах, о хорошей одежде для ребят и для мужа. Она красила жилы в яркие цвета и вышивала нам голенища сапог такими красивыми узорами, что все соседи заглядывались и завидовали.

Ребята много болели — то тифом, то оспой; переболел всеми болезнями и я.

Врачей поблизости не было, и лечил обычно больных гилюнг. Если у кого была опухоль, он прижигал ее раскаленным железом. Больных внутренними болезнями заставлял пить свою мочу. Ревматизм на хуторе лечили

---

¹ Хотон (калмыц.) — группа кибиток.

совсем необычно. Собирались охотники и устраивали охоту на волка. Пятнадцать — двадцать всадников рассыпались по степи. Загонщики гнали на них волка. Всадники гонялись за волком до тех пор, пока он не падал совсем обессиленный. Тогда охотники вспарывали волку живот, вынимали внутренности, а больной залезал в волчью шкуру. Вылезал он оттуда весь вымазанный в волчьей крови, твердо уверенный, что излечился.

Несмотря на такое «лечение», я все-таки выжил. У меня, очевидно, был железный организм.

Когда наступила восьмая весна моей жизни, меня отдали к богатому калмыку в пастухи.

ПАСТУШОНОК

Богачам нужны дешевые рабочие руки, нужны молодые, зоркие глаза. Весной в стадах родится множество барашков. Разве за ними углядишь? Разбегутся, разбредутся, утащат их степные орлы или голодные волки. Восьмилетний мальчишка — самый дешевый работник: съест он втрое меньше взрослого пастуха, платить ему можно гроши, а присмотрит за стадом не хуже большого.

Богач, к которому меня привела мать, положил мне жалованье: за три месяца службы две овечьи шкуры.

«Ого! — подумал я. — Это хорошо. Значит, на зиму у меня будут шуба и штаны. А главное, я их сам зарабатываю».

Шуба и штаны достались мне нелегко. Работать пришлось день и ночь. Скучал я по дому — домой не отпускали. Хотелось побегать с мальчишками, поиграть с ними в войну — времени для этого не хватало. Служил я своему богачу изо всех сил. Уставал здорово, не высыпался, всегда был голоден.

Кормил своих работников богатей плохо. Утром, в обед и вечером пили калмыцкий чай. Знаете, что такое калмыцкий чай? Варится в котелке плиточный чай с молоком, солью и маслом. К чаю полагается кусок сухой черной лепешки. Лепешка выдавалась одна на неделю, и мы старались растянуть удовольствие, откусывая каждый раз по маленькому кусочку. Иногда, расщедлив-

шись, хозяин разрешал нам варить суп из падали — издохлых баранов. Эти дни были для меня настоящим праздником. Я за обе щеки уплетал этот суп и вареное мясо.

Хозяин мой был жадный и жестокий. Часто нам от него доставалось. В ту пору богач мог избить своего работника до полусмерти, и ничего ему за это не было. Хозяина я боялся как огня. Старался не попадаться ему на глаза. Хоть и уставал, но в степи не засыпал, чтобы не проспать стадо.

Но вот однажды, набегавшись за день, я прилег в густую, высокую, еще не выжженную солнцем траву. По степи гулял ветерок. Я задумался о родной кибитке, о матери, о доме. Наверное, мать в степи сейчас собирает какие-нибудь целебные травы или сидит возле кибитки и шьет...

Когда я проснулся, большая остроухая серая собака стояла возле меня и лизала мне ноги. Собака подняла голову. Глаза ее светились зеленым огнем. «Да это же не собака, а волк! — догадался я. — Самый настоящий степной волк!»

Я так заорал, что волк от удивления сел на задние лапы. Тогда я вскочил и побежал. Ну и бежал же я! Волк и не думал меня преследовать, а я все бежал и орал неистовым голосом. Наконец я увидел веселые огоньки станицы. Вот я и спасен! Но где ж мое стадо? Меня словно ударил кто по голове. Я остановился. Если бы целая стая волков лизала мне пятки, я и то не смог бы сдвинуться с места. Стадо осталось в степи, и, наверное, голодный волк пожирает теперь моих барашков!

Стало совсем темно. В степь идти было страшно. Я долго стоял на месте. Впереди мигали веселые, теплые огоньки. Наконец я решился: «Пойду и все расскажу старшему чабану!»

Несколько раз подходил я к двери кибитки, а постучать боялся. И все же решился. Кто-то выругался, подошел к двери, отворил ее. Я вошел в полутемную, пропахшую копотью и потом кибитку. Передо мной стоял, грозно нахмутив брови, старый чабан.

— Где ты шатался? Где, интересно знать, твоё стадо? — сердито спросил он.

Я не успел ничего ответить. Чабан поднял свою огромную волосатую руку и ударил меня по голове. В глазах потемнело. А чабан ударил меня другой раз, третий...

— Спать ложись! — приказал он. — Утром хозяин с тебя шкуру сдерет. Прогулял отару!..

Я лег на земляной пол. Но спать уже не мог. Чабаны кругом храпели, бредили в тяжелом сне, а я все думал и думал: «Что-то будет завтра? Что сделает со мной хозяин? Стадо погибло, ночью в степи бродят волки, они разорвали всех барашков. Хозяин меня убьет. Конечно, убьет. Что же делать? Бежать, куда ноги унесут? Но что тогда будет с матерью и с отцом? Богач потребует с них деньги за стадо, а откуда они возьмут деньги? Им придется даром работать на хозяина всю жизнь!»

Где-то прокричал петух. Сквозь дверную щель я увидел кусок просветлевшего неба. Звезды скрылись. Начало рассветать. Поднялся старый чабан, подошел ко мне:

— Вставай, лентяй, иди к хозяину!

Я вскочил и прижался к стене кибитки. Я так заревел, что камни дрогнули бы от жалости.

Чабан тронул меня за плечо. Я весь сжался в комок, присел на корточки.

— Довольно реветь, — сказал чабан. — Что ты, девчонка, что ли? Твое стадо цело.

Что он, смеется? Издевается? Я не понимал.

Чабан продолжал:

— Я тебя, сопливого, вчера кричал-кричал, да ты словно сквозь землю провалился. Пригнал я сам твою отару. Иди гони ее в степь. Да в следующий раз смотри...

Не помня себя от радости, я побежал к своим барашкам. Я расцеловал их кудрявые мордочки.

Я был так счастлив, что забыл про побои, про тоску по дому, про все, про все!..

ДЕРУСЬ С ОРЛАМИ

Наступила дождливая осень. Дни стали серые и короткие. Подули ветры, которыми так славятся Сальские степи. Травы выгорели и пожелтели. Пришли холода,

За три месяца службы я заработал две овчины. Мать сшила мне полушубок. Я очень гордился своей обновой. Мне казалось, что ни у кого из пастухов, даже у самого старшего чабана, нет такого красивого полушубка.

Однажды я пас, как обыкновенно, свое стадо. Барашки мои выросли, превратились в красивых рослых баранов. Неподалеку от стада несколько степных диких орлов слетелись на тушу дохлого барана. Острыми клювами и когтями они рвали падаль, взлетали, снова садились. Вдруг они что-то не поделили и затеяли драку. Я с любопытством смотрел, как орлы били друг друга крыльями, клювами, кричали, и не заметил, что несколько старых орлов забивают маленького орленка. Он жалобно кричал и пытался вырваться. Ему приходилось совсем плохо. Я решил выручить его из беды и побежал на помощь орленку. Чтобы разогнать дерущихся птиц, я стал кричать и махать руками. Я страшно удивился, увидев, что орлы меня совсем не испугались. Они продолжали драться. Я подошел еще ближе. Тогда один огромный старый орел вырвался из стаи и кинулся на меня. Страшным клювом он ударил меня по голове. Я упал и уткнулся головой в землю. На меня налетела вся стая, обрушились сотни ударов. Если орлы разорвут полушубок, они меня заклюют насмерть! Я видел, как ловко ловили они в степи зайцев, как кидались на них с высоты и уносили бедных зверушек в поднебесье...

От боли и страха я неистово заорал. Орлы продолжали клевать меня и раздирать полушубок когтями. Вдруг послышался топот. Со всех сторон бежали и скакали на конях чабаны. Они кричали на птиц. Орлы во все не спешили оставить свою добычу. Взлетая, они задевали меня своими огромными крыльями. Я поднял голову. Орлы уже были высоко в небе. Меня окружили пастухи. Чабан сорвал с меня полушубок.

— Дешево отделался, парень! — сказал он. — Поклевали тебе спину до крови да в голове провертели дырку.

Тут только я увидел мой прекрасный, мой новый полушубок! Он лежал на земле. Я поднял его. Спина, плечи, рукава — все было изорвано в мелкие клочья.

На моем лице, наверное, было написано такое отчаяние, что все пастухи принялись меня утешать. Они

предложили попеременно носить их собственные полушубки.

— Ведь не сидеть же тебе, Ока, зимой безвыходно в кибитке! Не горюй! Пусть полушубок пропал, зато ты сам жив остался! С орлами шутки плохи.

Некоторые предлагали обратиться к хозяину с просьбой уступить подешевле новую овчину.

Пастухи горевали вместе со мной. И мое горе показалось мне уж не таким ужасным.

С той поры я не выношу орлов. На охоте я с особым удовольствием их стреляю. И, когда возьмешь в руки большую, бездыханную и уже не страшную птицу, вспоминается детство, степь и изорванный в клочки полушубок.

ГАЛЗАН

Был у меня любимый друг — пес Галзан. Он был большой, серый, лохматый и хорошо знал свое дело. Если лает — значит, разбегаются овцы. Мы с Галзаном шумим и бегаем до тех пор, пока овцы не соберутся в отару. Когда я дрался с орлами, пострадал и Галзан. Он защищался, а его так сильно ударила клювом в спину орлица, что пес взвыл от боли. Он схватил птицу, но она изорвала когтями его уши и ноздри. Бедный Галзан!

Не прошло и года, как случилась новая беда — мне пришлось навсегда потерять верного друга. Вот как это случилось. Приехал на хутор пьяный чиновник — собирать подати да заодно скупать по дешевке овец. Он «развлекался»: сидел на бричке и стрелял в небо из револьвера. Услышав выстрелы, мы с Галзаном поспешили на хутор. Галзан стал лаять на чиновника, побежал за бричкой, преследуя непрошенных гостей. Раздался выстрел — и бедный Галзан ткнулся мордой в траву. Я бросился к другу. Из лохматой головы текла тонкая струйка крови. В эту ночь я не мог заснуть. Я горько плакал. За что, за что пьяный чиновник застрелил моего верного и любимого друга?!

Наступила холодная снежная зима. В степи бушевали метели. В трубах завывал ветер. Зимой делать у хозяина было нечего. Родным пришлось взять меня домой. В бедной, полуголодной семье прибавился лишний рот.

Чтобы оправдать свое существование, пришлось и дома работать не покладая рук. Я прибирал кибитку, отметал снег, разводил огонь, варил калмыцкий чай и даже выполнял обязанности няньки. Это было самое неприятное, хуже службы у хозяина. Маленькая сестренка, которую я нянчил, вечно болела, вечно кричала.

На улице мальчишки играли в войну, в конницу, в разбойников, катались на санках, а я, глотая слезы горечи и обиды, ходил по кибитке и укачивал сестренку:

— Баю-бай, баю-бай... а-а-а...

С улицы доносились веселые крики, смех, возня. Сестренка заливалась плачем, а я ходил взад-вперед, взад-вперед и напевал:

— Баю-бай, баю-бай, а-а-а... Мама, она, может быть, есть хочет? — говорил я.— Покормите ее, мама.

Мать бросала работу и брала на руки сестренку. А я в один момент накидывал на плечи полушубок и выбегал на улицу к ребятам. Начинались игры. Бойцы наступали в конном строю на снежную крепость. В это время из кибитки выходила мать и кричала:

— Ока, Ока! Иди, шалопай, домой! Куда ты, негодный, запропастился?

Несмотря на возвращение домой. Брал снова на руки сестренку. Она снова отчаянно кричала. А я ходил и ходил по кибитке и до хрипоты напевал:

— Баю-бай, баю-бай... а-а-а...

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

В скучные зимние вечера огонь не зажигали: не было керосина. Только в особо торжественные дни, когда приходили к нам в гости соседи, мать зажигала коптилку, наполненную бараньим салом. Отец рассказывал сказки. Лежа в углу кибитки, я внимательно слушал.

«Жили два брата. Старший был умный, а младший

дурак. Звали его Турнта. Братья были бедные. Старший был чабан и пас чужих баранов. Турнта охотился. Он ловил капканами зверей.

Однажды старший брат спросил:

— Куда ты зверей деваешь, Турнта? Ты ведь их домой не приносишь.

— Я их отпускаю,— ответил дурак.

— Зачем отпускаешь?

— Когда я подхожу к зверю, он сидит в капкане и рычит. Я думаю — он приветствует меня. Вот я его и отпускаю.

Брат сказал Турнте:

— Дурак, убивай всех, кто попадет в твой капкан!

Дурак сказал:

— Хорошо.

Однажды мать братьев вышла собирать кизяк и попала в капкан. Старуха никак не могла освободиться. Она закричала:

— Турнта, скорей освободи меня! Я замучилась.

Турнта подошел и замахнулся дубиной.

— Турнта, Турнта, ведь я твоя мать! — закричала несчастная старуха.— Разве не узнаешь меня?

— Ничего,— сказал дурак.— Мне старший брат сказал: «Кто попадет в твой капкан, убивай всех».

Он убил старуху и принес к старшему брату.

— Твой приказ выполнен,— сказал дурак».

Слушали сказку соседи, охали и вздыхали, а отец продолжал:

«Нужно было похоронить старуху. Старший брат послал Турнту к замужней сестре за полотном для савана и за бараном для поминок. Забрал Турнта полотно и барана и идет домой. Видит дурак, камыш клонит от ветра свои лохматые головки. Турнта подумал, что камыш приветствует его и просит полотно. Разорвал полотно на части и развесил на камыш. Пошел дальше, встречает волка. Волк зарычал. Турнта подумал, что волк приветствует его и просит барана. Отдал Турнта волку барана, волк барана съел. Вернулся дурак домой с пустыми руками.

А однажды брат поручил Турнте пасти баранов. Турнта довел их до речки. Бараны остановились.

Турнта спросил:

— Вы что, в сапогах переходить боитесь?

Взял и отрезал у баранов копыта.

Пришел брат, увидел, что наделал дурак, и решил от него избавиться. Раскалил на огне большой камень и сказал дураку:

— Прижми к груди да не отпускай.

Дурак прижал раскаленный камень к груди, обжегся и умер со словами:

— Шипи, грудь моя, гори, я все же не оставлю камень — так приказал мне брат».

Соседи ахали и охали и начинали сами рассказывать — о злых духах, о кровожадных демонах, леших, чертях и домовых. А я лежал в своем уголке, слушал и замирал от страха.

Рассказывать страшные вещи у нас умели.

Умели рассказывать и смешные. Например, про зайца и льва:

«Бежал по степи заяц и захотел напиться. Увидел колодец, заглянул вниз и в ужасе поскакал куда глаза глядят. Он чуть не сшиб с ног лису.

— Куда так быстро бежишь, приятель? — спросила лиса.

— Ой! На дне колодца я видел страшного зверя: морда кривая, уши длинные, выпрыгнуть хочет.

Лиса испугалась не меньше зайца. Побежали вдвоем, наткнулись на медведя.

— Это что за непорядок? — зарычал медведь.

Тут и лиса и заяц наспех рассказали медведю про страшного зверя в колодце. Медведь тоже струсил и побежал за ними. Многих зверей повстречали заяц, лиса и медведь и всех своим страшным рассказом перепугали насмерть. Наконец повстречался лев.

— Что такое? — зарычал он басом. — А ну-ка, пойду посмотрю, что за зверь сидит в колодце.

Все наперебой стали умолять льва, чтобы он не ходил смотреть на страшного зверя. Но лев назвал их трусами и пошел к колодцу. Звери, еле дыша от ужаса, поплелись за ним.

— Где тут чудовище? — сказал лев, заглядывая в колодец. — Пусть-ка оно вылезет!

Он увидел в колодце свое отражение.

— Ишь ты, косматый! Вылезай!

Зверь же только рычал, но не вылезал. Тогда лев разбежался и прыгнул в колодец, чтобы расправиться со зверем. Подождали, подождали все и решили, что заяц прав: в колодце сидит лютый зверь и он съел их льва на-чисто. С тех пор ни один зверь никогда не подходил к колодцу».

Соседи смеялись, а отец продолжал:

«Однажды лиса пошла на охоту и нашла дохлого верблюда. Она съела два верблюжьих горба и пошла пройтись. Тут ей встретился волк, и они пошли вместе. А потом в кусте нашли зайца и забрали его с собой. Шли, шли, вдруг летит клочок бумаги. Лиса поймала его и приклеила себе на лоб. Ни заяц, ни волк не могли разобрать, что написано на бумажке. Тогда лиса им сама прочла:

— «Волку, лисе и зайцу я разрешаю поймать из табуна любую лошадь и поестъ конины. Подписал хан».

Лиса уговорила волка поймать по ханскому разрешению лошадь. Подошли к табуну, дождались, пока табунщики ушли. Поймал волк коня, заел его насмерть и стал глотать ляжку.

А лиса хитрая, сама наелась, наложила себе мяса в уши и под мышки.

— Ты что ж, лиса, мало кушаешь? — спросил волк.

— А я так много съела, что во все дырочки лезет. Видишь?

Волк стал жадно есть, чтобы опередить лису. И до того наелся, что, когда вернулись табунщики, не смог сдвинуться с места. Они его и прикончили. Зайца поколотили, а лиса убежала.

С тех пор эти звери не дружат».

Много сказок рассказывал отец. Глаза слипались, хотелось спать, но я старался не заснуть.

«Есть такой день — тушу, несчастный день, когда ничего нельзя делать, — говорил отец. — У одного ленивого старика всегда был тушу. Он лежал в кибитке и курил трубку. Бедной его старухе приходилось одной работать. Однажды она рано утром поставила во двор горшок с маслом. Старик вышел во двор и нашел горшок.

— Вот видишь, — сказала старуха, — в первый раз вышел из кибитки и сразу горшок с маслом нашел. Сварим сейчас калмыцкий чай, напьемся.

Сварила старуха старику чай, а на следующий раз устроила так, что ленивый старик нашел за кибиткой большой кусок баранины.

— Вот видишь? Поезжай теперь на охоту — может, что-нибудь и убьешь,— сказала старуха.

Поехал старик в степь, взял с собой собаку. Увидел он в степи зайца. Привязал собаку к лошади, чтобы не убежала, и погнался за зайцем. Зайца не догнал и коня с собакой потерял. Вдруг видит — в траве золотое кольцо блестит.

— Старик, не находил ли ты тут золотое кольцо? — спросили его два прохожих.

Старик сказал:

— Кольцо я не находил, но я колдун и скажу, где оно. Принесите мне свиную голову.

Сходили домой прохожие, принесли старику свиную голову. Съел он ее и сказал:

— А кольцо-то ваше — в траве.

Нашли прохожие в траве кольцо.

В другой раз старик поехал охотиться и встретил знакомых прохожих: они гнали в степь двух лошадей.

В это самое время у хана пропали две кобылы. Калмыки хотели посмеяться над стариком и сказали хану:

— Есть один старик, он за свиную голову укажет, где лошади

Хан позвал старика, дал ему свиную голову. Старик съел и лег спать. А утром указал хану воров.

Нашел хан кобыл и подарил старику стадо овец. Так разбогател ленивый старик».

КАК Я НАУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ

Пришла весна. Степь зацвела яркими цветами. Я снова пас баранов у богатея. А по соседству в степи взрослые пастухи-табунщики пасли косяки лошадей. Коннозаводчики в Сальских степях были богатые, они владели огромными табунами. Табунщики скучали. Они начинали развлекаться. Созывали нас, малышей, и предлагали:

— Покататься хочешь?

Еще бы не хотеть! Покататься на лошади было и моей заветной мечтой.

И вот табунщик закидывал на шею полудикого животного аркан. Меня сажали на спину полузадушенной лошади. Конечно, ни о седле, ни об уздечке не могло быть и речи. Обезумевшая лошадь не чуя под собою ног неслась в степь.

Почуя на себе седока, она начинала бесноваться, кидаться в стороны. Наконец внезапно останавливалась, и я кубарем летел через ее голову на землю.

Очнешься, бывало, а кругом уже стоят довольные табунщики и хохочут:

— Ну что, наездился?

— Лихой скакун!

— Печенки-то она тебе не отшибла?

Поднимешься, еле живой стоишь, но виду не подаешь.

— Ни капельки не больно! — отвечаю зубоскалам. — Хорошо проехался. Вот отдохну да еще раз покатаюсь.

После такой своеобразной «учебы» я вскоре стал отличным наездником. Правда, стоило мне это недешево: у меня перебиты обе ключицы.

ДРАЧУН

Один раз пастухи рассорились: не поделили степь. Всем казалось, что одна лужайка зеленее и сочнее других, и каждый хотел на этой лужайке пасти свой скот.

Началась перебранка, а потом драка.

В драке больше всего досталось мне, как самому зядлому драчуну. Я, правда, победил, но, к своему ужасу, заметил, что моя рубашонка и штаны изорваны в мелкие клочья. Что делать? Прийти домой в таком виде никак нельзя. Что скажут соседи? А мать? Ясно, что будет порка, и жестокая порка! Я решил дожидаться темноты. Сильно хотелось есть, но все же терпеливо ждал вечера. Погнал домой скот голышом, трясясь от холода. Темень такая, что хоть глаз выколи. С трудом нашел двор хозяина. Загнал стадо и поплелся домой.

Вот и кибитка. Огонь горит — значит, дома не спят, меня ждут. Стараюсь бесшумно открыть дверь — какое там! Дверь заскрипела.

— Ока, это ты? — спросила мать.

Я замер.

— Да ты что, дрянной мальчишка, язык в степи потерял?

Я прижался к стене.

— Ока, где ты?

Мать вышла и дотронулась до меня своей жесткой рукой. Она сразу поняла, что я голый. Ну и досталось же мне! Я еле вырвался и побежал в степь, спотыкаясь о кочки.

Мать бежала за мной, крича:

— Ока, погоди же! Ока!

Меня словно нес ветер.

— Ока! Ока, ну полно, остановись!

Я устал и замедлил бег.

— Ока, сынок, ну полно, деточка, иди ко мне, не бойся, не буду бить.

Наконец она меня догнала:

— Ну разве ты не знаешь, что мне не на что купить тебе новую рубашку! У тебя она одна...

Мать вдруг заплакала. Заревел и я. Она обняла меня и стала уговаривать вернуться домой. Я согласился с условием, чтобы мать шла впереди. А то вдруг она снова надумает меня бить и налетит на меня сзади? Я был недоверчив, потому что везде видел лишь хитрость и обман.

Мать пошла впереди. Она меня не тронула. Ведь она любила меня!

ПОВАР

Когда мне исполнилось десять лет, я стал настоящим пастухом. Пас я уже не только баранов и овец, но и коров и волов. Под моим началом находилось большое стадо. Получал я уже целый рубль в месяц. Чувствовал себя совсем взрослым. И как взрослый, который помогает семье, я каждый месяц отдавал весь свой заработок матери. Меня стали считать в семье кормильцем и относились ко мне с большим уважением. Все лето я пас скот. А поздней осенью в хмурый, пасмурный день мать сказала мне, чтобы я собирался в дорогу. Едет на ярмарку наш сосед, богатый и изворотливый калмык. Он берет меня с собой.

Вечером сосед пришел к нам и сказал, что пора ехать. Я накинул халат, вышел на улицу, запряг лошадей. По-

грузил в телегу конину, которую мой новый хозяин приготовил для продажи на ярмарке, и мы поехали. Ехать пришлось далеко — верст пятьдесят.

Ярмарка раскинулась в большой, многолюдной стаине. Сколько было на ярмарке фокусников, цыган, нищих, слепцов, сколько самого разнообразного люда! А сколько каруселей!

Мой хозяин широко развернул торговлю. Я варил и жарил целые пуды конины. Покупатели шли густой толпой и поедали все, что я успевал сварить и нажарить. Торговал хозяин и днем и ночью. Спать было некогда.

За все это хозяин платил мне двадцать копеек в сутки. Я чувствовал себя богачом! Наконец ярмарка кончилась. Народ стал разъезжаться.

Хозяин встретил приятелей и отправился в харчевню. На дворе шел мелкий осенний дождь. Мне хотелось спать, а спать было негде. После долгих поисков возле какой-то кибитки я увидел спящего человека. На нем был надет теплый ватный халат. Вот счастье-то! Я мигом улегся к спящему под халат, согрелся и заснул.

Проснулся я от страшного шума. Кричали люди, блеяли бараны, ржали застоявшиеся кони. Станичники разъезжались по домам. Хозяин мой уехал один. Мне нужно было идти пятьдесят верст пешком. Я не растерялся. За семь дней ярмарки я заработал рубль сорок копеек — целое состояние! Я пошел покупать родным подарки. Купил три пачки чаю на девяносто копеек. С полтинником в кармане я отправился домой.

Напевая песню и лихо танцуя, я пришел на хутор. Мать уже беспокоилась и страшно обрадовалась, что я вернулся целым и невредимым.

«Ну,— думалось мне,— теперь я настоящий повар. Могу варить, жарить, готовить обед». Недолго думая я нанялся к гильонгу в повара. Священник платил мне рубль в месяц. За этот рубль я не только варил попу калмыцкий чай, но и убирал четыре комнаты, кухню, дворовые постройки.

У попа было много мебели, ковров, посуды. Вставал я затемно, вытряхивал ковры, стирал пыль с мебели, мыл полы. Вечерами к хозяину приходили его друзья попы. Усаживались ужинать, играли в карты. Мой поп то и знай покрикивал:

— Эй, Ока! Поддай водку!

Водку всю выпьют, приходится опять бежать за пять верст. Часто я бегал за водкой по нескольку раз в ночь. А ели попы сколько! Накормишь, напоишь их досыта — и снова на столе ничего нет.

— Эй, Ока! Поддай закуску! — кричит мой поп.

И я бегал взад-вперед с закуской.

Спал хозяин мой днем. Весил он пудов семь. Ляжет в кровать и командует:

— А ну, Ока, полно лодыря гонять! Почеси мне пятки!

Это было самое обидное — чесать жирному буйволу пятки! А он удовольствие получал: хрюкал, кряхтел, сопел...

Наконец я попросил отца забрать меня домой.

ПОГОНЩИК БЫКОВ

Отец устроил меня на работу к русскому кулаку. Кулак положил мне жалованье: выделил полдесятины земли и дал пшеницы для посева. Весь урожай с этого клочка земли шел в мою пользу. В урожайный год я мог собрать пудов двадцать пять — тридцать пшеницы, зато в сухой, неурожайный год за семь месяцев работы можно было получить всего пудов пять-шесть, не больше.

Работа была нелегкой: в косилку впрягались быки, на косилку садился хозяин, а я должен был идти и быков погонять.

Быки работали в четыре смены. Они могли выдерживать непрерывную ходьбу три, самое большее четыре часа. Я же, тринадцатилетний мальчишка, выдерживал такую непрерывную ходьбу пятнадцать — восемнадцать часов!

После работы в поле мне нужно было еще напоить и накормить быков и лошадей. Ложился я поздно, когда над степью нависала звездная ночь. Ляжешь в углу кибитки на старую, рваную овчину, только уснешь — слышишь окрик хозяина:

— Вставай, Ока!

На дворе уже утро, хозяин стоит одетый и торопит:

— Вставай, Ока! Вставай!

А не встанешь сразу, так хлестнет тебя нагайкой, что вскочишь и опрометью летишь на двор.

И снова начинается день, и снова весь день на ногах, и снова кричишь, погоняя быков:

— Цоб-цобе, цоб-цобе!.. Цоб-цобе, цоб-цобе!..

ПОПАЛ В КОЛОДЕЦ

В Сальских степях колодцы были большой редкостью. Некоторые колодцы были мелкие — метров в шесть глубиной, другие глубокие — метров до двадцати. Воды же в мелких колодцах было всего на каких-нибудь полметра. И вообще все колодцы были убогие, без сруба — просто вырытые в степи широкие и глубокие ямы. Подойдешь к такой яме, заглянешь — и дна не видно. А попробуй из такого колодца достать воды ведром — измучаешься. Стоишь в липкой грязи, грязь ползет, того и гляди, оступишься и свалишься в колодец.

Однажды в жаркий летний день я поил быков. Большим ведром я доставал из колодца воду и выливал в корыто. Быки пили долго, с жадностью.

Я все опускал и опускал ведро в колодец, а они всё пили и пили. Казалось, они могут выпить ведер сто. Наконец все напились. Надо было возвращаться обратно. Тут я надумал вскочить на лошадь лихим степным приемом. С разбегу я вспрыгнул чуть не на шею лошади. В правой руке я держал ведро. Ведро больно ударило лошадь по шее, она испугалась и осадилась назад. Поскользнувшись в грязи, лошадь свалилась в колодец. Я успел соскочить, пытался за гриву вытащить лошадь, но и сам полетел в яму. С большим грудом, едва не захлебнувшись, я взобрался на голову перепуганной лошади. Она храпела и била копытами. Выбраться из колодца было невозможно. Помощи ждать было также неоткуда.

Наступила ночь, а мы все барахтались в колодце. Я слышал, как быки жевали свою бесконечную жвачку.

Ночь казалась длинной-предлинной. Лошадь моя совсем притихла. Ноги у меня онемели. Мне стало казаться, что нас никогда не отыщут и мы погибнем с голоду. Будто тысяча часов прошло, пока стало светать.

Запели птицы. Зажужжали мухи — наверное, уже облепили быков со всех сторон. А помочь все не приходила. Вдруг я услышал шум и разговор.

— Помогите! — закричал я.

Никто не отозвался.

— Помогите! — кричал я изо всей силы.

— На, держи веревку, подлец! — услышал я над собой голос, и конец веревки больно ударил меня по голове.

Я увидел хозяина.

— Не мальчишка ты, а сатана! Как это тебя угораздило вместе с лошадью в колодец слететь?

Грубая ругань показалась мне в ту минуту сладчайшей музыкой. Обеими руками я ухватился за веревку и почувствовал, что поднимаюсь кверху. Через минуту я был на твердой земле. Хозяин больно хлестнул меня нагайкой и сказал:

— Если лошадь покалечил, ни одного зерна не получишь.

Лошадь вытащили. К счастью, она оказалась невредимой:

...Пришла осень, и тут выяснилось, сколько я заработал: всего девять пудов пшеницы.

Мать начала плакать:

— Мы не переживем голодную и холодную зиму!

Мне до слез стало жаль мать.

Я пошел к богатому баю-калмыку и нанялся к нему в работники на зиму. Кормил богач плохо, все больше калмыцким чаем. Днем чай с сухой лепешкой и перед сном чай — вот и вся еда. От голода даже, бывало, не заснешь: ворочаешься, ворочаешься, есть хочется. У нового хозяина я служил кучером. Кроме того, в свободное время должен был помогать хозяйке убираться в доме.

Однажды хозяина вызвали в город на военную подготовку, и остался я с хозяйкой один. Хозяйка была страшно жадная и трусливая. Верила в домовых и чертей. А тут еще стали поговаривать о шайке воров, грабившей богачей в округе.

Хозяйка продолжала меня кормить лишь калмыцким чаем с сухими лепешками, я прямо отощал от голода. Утром встанешь с постели, голова кружится. Я уж собрался уйти к родным, да вдруг надумал: «А что, если я попугаю трусливую хозяйку?» Сказано — сделано. На следующую

же ночь набрался храбрости и что было силы ударил кулаком по стене.

Хозяйка завизжала от страха, вбежала ко мне в комнату:

— Ока, Ока, что же ты спишь? Воры!

— А я не собираюсь помирать из-за вашего добра,— сказал я зевая.— Я уж лучше уйду...

Я встал с диванчика и стал надевать свой ватный халат.

Хозяйка, вся в слезах, стала уговаривать меня остаться.

— Может, ты хочешь что-нибудь вкусенького, Ока?— рыдала она.— Подожди, я сбегаю принесу тебе сметаны.

Она кинулась в кладовую, где под десятью замками хранились припасы, и притащила целый бурдюк со сметаной. Я съел всю сметану, а на следующий день заявил хозяйке, что мне у нее очень опасно жить, так как грабители могут и меня убить с ней заодно.

Обезумев от страха, хозяйка стала закармливать меня вкусными вещами. Я согласился остаться и охранять ее от «воров».

— Я уж вас не брошу, что будет, то будет,— сказал я.

Так я и дожил благополучно до приезда хозяина. А приехал хозяин — и все пошло по-старому. Вскоре я ушел домой.

ХОЧУ БЫТЬ НАЕЗДНИКОМ

Был праздник. В большие праздники у нас на хуторе устраивались конные состязания. Все, кто имел своих коней, принимали участие в скачках.

Ребята, женщины, девушки и старики садились верхом на лошадей и скакали наперегонки до соседнего хутора.

Девичий смех звенел над степью. Мальчишки кувыркались на спинах у лошадей.

Старики опытным взглядом определяли, кто скачет лучше.

Были у нас и лихие джигиты, которые чудеса выделывали: на полном скаку поднимали с земли платок, лихо кололи чучела, рубили лозу.

Как мне хотелось принять участие в скачках! С какой завистью я, взобравшись на высокий курган, смотрел на счастливых!

Я не мог принимать участия в общем веселье. У моего отца не было никакой, даже самой паршивой лошаденки. Слезы градом текли у меня из глаз. Мне было и больно и обидно.

Моей заветной мечтой было — когда вырасту, стать лихим наездником, джигитом. Иметь своего коня, лихо рубить лозу, чучела, вот так же, как джигиты, на полном ходу соскакивать с коня на землю, взлетать на него обратно и снова нестись карьером... И отличиться в скачках, перегнать всех наездников, стать первым джигитом на весь хутор...

Увы! В ту пору это были только мечты.

МОЯ ПЕРВАЯ ЛОШАДЬ

Однажды я решил сходить с товарищами в соседнюю станицу. Родные отпустили меня на одни сутки. Пришли мы в станицу, подобрали компанию, затеяли игру. Прошел день, а уходить не хотелось. Прошел и второй день, а я все не уходил домой. Наконец на третий день я спохватился: «Что-то теперь будет? Нет, лучше уж совсем не возвращаться».

Товарищи посоветовали мне остаться работать у какого-нибудь богатого калмыка. Так я и сделал. Порасспросил жителей, кому нужны работники. Они указали одного бая. Пошел к нему.

— Да,— отвечал бай,— мне нужен работник. Прослужишь полгода, дам тебе лошадь.

Что ж, условия совсем не плохие! Я с радостью согласился. Да и как мне не радоваться? У меня будет впервые в жизни собственная лошадь!

Теперь я приду домой без всякого страха. Вот, мол, вы думали, что я где-нибудь шатаюсь, а я работал, и работал не плохо. Лошадь заработать не всякий сможет!

У моего нового хозяина было двести баранов, шестьдесят голов крупного рогатого скота и четыре лошади. За всем этим стадом я и должен был ухаживать, а по-

мимо того в мою обязанность входило варить калмыцкий чай, готовить обед, прибирать дом.

Работы хватало!

Поработал я у бая неделю и, как видно, понравился ему. Он решил меня оставить. Но лошадь, предназначенную мне в уплату, надо было кормить, а бай был скуп. Он и предложил мне съездить верхом к родным и отдать лошадь. Не помня себя от радости, я выскочил на двор, сел на лошадь и поскакал домой. Добрался я до дому. Открыл дверь кибитки, вошел. За столом сидела вся семья.

Я поздоровался, мне никто не ответил. И только старший брат поднялся из-за стола и сказал:

— Знаешь что, Ока! Мы все думали, что с тобой что-нибудь случилось, беспокоились, бедная мать все глаза проплакала из-за тебя. Хотели ехать тебя разыскивать, думали, мертвый где валяешься, а ты зря шатался. Если ты с нами не считаешься, то лучше уходи от нас совсем. Матери и отцу такого сына не надо, и я тоже отказываюсь от тебя. Знай, что нет у тебя больше ни матери, ни отца, ни братьев, ни сестер.

Брат подошел к двери, толкнул ее ногой и тихо добавил:

— Уходи от нас и не приходи больше. Ты нам не нужен, Ока.

— Я вам не нужен? — сказал я. — Хорошо, я уйду. Но возьмите себе лошадь, которую я заработал. Она стоит на привязи у вашего двора. А меня не поминайте лихом.

В эту минуту в кибитку вбежала моя маленькая сестренка и закричала отцу:

— Баджа¹, баджа, посмотрите, какую лошадь привел Ока!

Все выбежали на улицу и стали любоваться лошадью. Отец посмотрел ей в зубы и как большой специалист определил, что лошадь здоровая, крепкая, была на хорошем корму, но ей лет двадцать, не меньше.

— Ну,— сказал отец,— как бы стара она ни была, года четыре она свободно проработает. А для нас лошадь большое подспорье. Сколько тебе придется за нее отработывать, Ока?

---

¹ Б á д ж а — отец.

— Шесть месяцев. Хозяин считает, что я заработаю в месяц пять рублей, а лошадь стоит тридцать рублей. Проработаю до весны, и лошадь будет наша.

Брат подумал и сказал:

— Цена этой лошади не больше двадцати пяти рублей. Хватит тебе работать за нее и пять месяцев. А если твой богач не согласится, то я не разрешу тебе у него работать.

С этими словами он вскочил на лошадь и сказал:

— Садись, Ока!

Мы поехали вдвоем к хозяину, и брат долго с ним торговался. Наконец брат, забрав лошадь, уехал домой, а я остался у бая работать на пять месяцев.

ТРОЕ СУТОК В БУРАНЕ

К зиме на степных просторах начинают разгуливать ветры. Трава за лето выгорает, скоту нечем питаться. Надо подаваться на юг, и кочевник начинает перекочевывать к Манычу и дальше, к низовьям Терека. Там, в зарослях камыша, можно найти укрытие для скота и сухую траву. Из поколения в поколение передавался молодым пастухам опыт перегона скота. С детства приучались они определять погоду, запоминали рассказы старших, как выйти из иного трудного положения. Кочевник по одному ему известным приметам мог определить приближение бурана, грозы или внезапного ливня.

К тринадцати годам я уже был опытным чабаном, но ростом был мал.

Мне довелось с одним старым чабаном и двумя подпасками перегонять отару овец. Осень выдалась сухая. По утрам стояли заморозки, а днем солнышко пригревало. Хозяин доверил нам отару в две тысячи овец. К декабрю мы должны были их пригнать к берегам Маныча. Корма в степи было много, и стадо двигалось медленно. Когда нам по пути попадались хорошие пастбища, мы задерживались. Овцы, вволю наевшись, отлеживались в густом ковыле.

Мы уже подходили к Манычу, как загуляла пурга. Ветер намел сугробы. Казалось, снег растает, но снег лег плотно. Продукты наши кончились.

— Пойдем к камышам, я отправлюсь в стойбище за едой,— сказал старый чабан.

И мы снова погнали овец. К вечеру удалось добраться до места. Отсюда до стойбища оставалось тридцать верст. Здесь, среди камышовых зарослей, можно было укрыть овец от пурги.

Мы разожгли костер, порылись в котомках. Набралось несколько лепешек да два куска вареной баранины.

— Да, хочешь не хочешь, а утром надо отправляться за едой,— сказал старший.

В шалаше, сооруженном из камыша, было довольно тепло. Рано утром, едва взошло солнце, старый чабан взял с собой двух подпасков и отправился в стойбище. С двухтысячной отарой овец да собаками я остался один среди пустынной степи.

День выдался морозный. Солнце светило ярко. К вечеру я соорудил над погасшим костром шалаш и, улегшись в теплой золе, уснул крепким сном. Проснулся я рано. В небе еще светили звезды; стояла необыкновенная тишина. Собаки, свернувшись калачиком, пристроились у шалаша.

К полудню потеплело. Овцы забеспокоились и начали сбиваться в кучки. Я поторопился загнать их в заросли камыша. Проверил провизию. В сумке оставалось всего-навсего две с половиной лепешки да кусок баранины. «Ну,— думаю,— дней на пять продуктов хватит».

По степи пронесся ветер, поднял тучу снежинок. Степь задернулась белой завесой. Наползли тучи. Стало темно. Овцы сбились и залегли. Я бросился к шалашу, но его и след простыл — ветер разметал. Белесая мгла окутала степь. Снег кружился плотной стеной. Нельзя было рассмотреть, где небо, где земля. Вихрем проносились снежные смерчи. Они сталкивались и рассыпались. Собаки поджали хвосты.

Я прикрыл голову руками, повернулся спиной к ветру, но меня продувало насквозь. По спине потекли струйки воды. У нас говорили: не двигаться — значит погибнуть. Пришлось вскочить на ноги. Собаки превратились в снежные холмики. Я начал хлопать себя по бокам и приплясывать. Стало немного теплее. Я приободрился.

Наступила ночь. «Только бы не свалиться. Только бы не уснуть!» — думал я и плясал, плясал под завывание бурана.

Однако сутки не пропляшешь! Ноги начали слабеть. Я догадался: рухнул в сугроб. Как крот, начал рыть себе нору. Под снегом стало теплее. Зато заоченела спина, промерз бок. Пришлось вылезти из норы и опять пуститься в пляс. До утра не сомкнул глаз, а буран все не утихал, даже пуще разгулялся.

Стало светать. Руки и ноги еще кое-как согрелись, спина же совсем заледенела. И тут мне вспомнились рассказы отца и деда. Подбежав к отаре, я схватил первую попавшую под руку овцу и, держа ее за передние ноги, перекинул себе на спину. Теплое брюхо животного начало согревать спину. От спины тепло пошло по всему телу. Но теперь руки и ноги стыли. Тогда, чтобы разогреться как следует, с овцой на спине я снова начал плясать.

К полудню проглянуло солнышко и чуть-чуть потеплело. Я попытался разложить костер, однако ничего не получалось. Подкрепившись куском лепешки с вареной бараниной, я решил отдохнуть. Мои собаки, продрогшие за ночь, побегали и снова в снег завалились. Я лег рядом с ними, пригрелся, вздремнул. Пока я спал, нас окончательно занесло. Снова понадобилось вылезать наружу, пускаться в пляс. Так, то танцуя с овцой на спине, то отдыхая в сугробе, я прожил два дня.

Наступило третье утро. Силы меня совсем покидали. Я с трудом поднимал барашка на спину и еле-еле передвигал ноги. Казалось, вот-вот упаду и не поднимусь больше никогда. И вдруг небо прояснилось. Снег заискрился и засверкал. Собаки вылезли из своих снежных нор. Овцы начали выходить из укрытия. В степи показалось несколько всадников; я стал им кричать, размахивать руками. Всадники повернули коней. Это были люди из нашего стойбища; они разыскивали меня!

Приехавшие дали мне несколько лепешек, мяса, сказали, что скоро вернется мой старший чабан. И действительно, через несколько часов он появился со своими помощниками.

— Ты батырь!¹ — сказал он мне. — Поезжай теперь в хутор и отдохни.

В хуторе меня встретили радостно:

— Ока, ты настоящий батырь!

— Тебе можно доверить отару!

Мой хозяин равнодушно курил трубку. Потом, как бы между прочим, сказал:

— А я думал, что ты замерз, Ока. Ну, раз не замерз, отдохни...

СТАНОВЛЮСЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

В семнадцать лет я уже был вполне самостоятельным человеком. Я поступил к богатому калмыку на молотилку. Работал поденно, таскал четырехпудовые мешки пшеницы. Получал сорок копеек в день. Кормил хозяин меня хорошо, и осенью я получил от него сорок рублей. На эти деньги я купил всей семье подарки. А мать купила целую четверть керосина. То-то была радость!

Теперь я знал, что не пропаду. Могу быть табунщиком, хлебопашцем, умею смотреть за лошадьми. В Сальских степях было много крупных коннозаводчиков. Они были обязаны сдавать лошадей для царской армии. Перед сдачей в армию лошадей надо было приручить к человеку, обучить их ходьбе в поводу. Для работы с этими полудикими животными нужны были молодые, проворные люди. Вот я и поступил конюхом к коннозаводчику Супрунову. Работа эта была опасная, требовала большой сноровки. Коннозаводчик платил мне огромную сумму — пятнадцать рублей в месяц. Я смог приодеться и помогать семье.

Однажды хозяин послал меня за сто пятьдесят верст, на шахты богача Парамонова, закупить угля.

Когда я вернулся, дома меня ждало горе. Отец лежал в кибитке мертвый, и семья готовилась к похоронам. Смерть отца совсем пригнула к земле мою бедную мать.

Через сорок девять дней после похорон, по обычаю, нужно было устраивать большие поминки. Где достать деньги? Неужели продать последнюю скотину? Да, при-

---

¹ Б а т ы р ь — герой.

ходилось продавать: надо было отвезти гилюнгу четыре смены одежды — зимнюю, весеннюю, летнюю и осеннюю. Предполагалось, что гилюнг передаст одежду умершему отцу. «Не привезешь одежды — будет отец ходить на том свете раздетый», — убеждал гилюнг. И мы продали быка и с трудом заработанную мною лошадь. Получили сто рублей. На пятьдесят рублей купили одежды. Взяли с собой в путь и молочную корову — гилюнг говорил, что корову передаст отцу: ведь отцу трудно жить без молока. Мы решили поголодать, но сделать так, чтобы отец наш ни в чем не нуждался.

Приехали в монастырь и стали терпеливо ждать гилюнга. Наконец вышел толстый священник:

— Ну, что вы привезли своим близким?

Мы передали дары святому отцу. Гилюнг понял, что заработал неплохо, и, усадив нас возле себя, стал читать молитву за упокой души.

Тут я увидел, как сам главный гилюнг подошел к богатому скотоводу Кудырову.

— Твоя старуха мать, — сказал он, — на том свете обязательно попадет в рай, потому что, когда умирал твой отец, он пожертвовал тысячу рублей золотом, коней, много разных вещей.

Богач ответил, что вносит пятьдесят рублей золотом, пятнадцать лошадей и десять молочных коров, лишь бы его старухе матери на том свете жилось хорошо.

«Бедный мой отец! — подумал я. — Значит, ты не попадешь в рай, весь век будешь нищим, здесь умер от голода и там будешь голодать. Ведь кто больше заплатит, тот попадет в рай, а тебя, наверное, сбросят с пути!»

Гилюнг снова начал молитву, прочитал ее, все встали. Мать тихо подтолкнула меня в спину. Все стали платить гилюнкам за молитву. Я отдал им пятьдесят рублей.

Вернулись мы домой совсем нищими. Младшие братья и сестры есть просят. Дома холодно, грязно. Гилюнки отобрали у нас последнее. Снова надо работать, работать, работать! И я работал у своего коннозаводчика за пятерых.

Осенью, когда в Сальских степях начинает задуть пропахший пыльной горечью суховей, писарь вручил мне повестку с печатью станичного атамана. В повестке мне предлагалось явиться на военную службу в Девятый донской казачий полк.

Калмыки Сальского округа издавна считались лихими наездниками. Они слыли бесстрашными воинами. За это царское правительство выделило их из среды других «инородцев». С начала девятнадцатого столетия «по милости царской» калмыки служили в донских казачьих сотнях.

«Царской милостью» весьма гордились калмыки-богачи. Беднякам же эта «милость» обходилась недешево. На службу нужно было прийти со своим конем, с седлом, с острой казачьей шашкой, с полной обмундировкой: шинелью, мундиром, шароварами, фуражкой, сапогами, бельем. Денег на покупку всего этого бедняку взять было неоткуда. И впрягался бедняк в кабалу к богатею, работал за гроши день и ночь. Но денег все равно скопить не удавалось. Приходилось просить помощи у станичного атамана, унижаться. Превеликих трудов стоило снарядиться бедняку калмыку в далекий путь.

Мне пришлось заложить свой земельный пай на шесть лет, чтобы купить коня, шашку и снаряжение.

Наступил день отъезда. Вместе со мной уезжало восемнадцать молодых парней-калмыков. Нас провожали матери и сестры. На станичной улице отчаянно рыдала гармошка. По всей станице лилась пьяная песня. С нами прощались, будто провожали навек. Наконец урядник скомандовал:

— По ко́ням!

Мы сели на оседланных коней. Облако пыли скрыло от нас родные лица.

Походным порядком мы прибыли в Новочеркасск. Остановились на погрузочной станции. Командир сотни повел нас в город на обед. Это был первый город, который я увидел в жизни. Мне все казалось необыкновенно красивым. Я шел в самом конце колонны. Мне страшно захотелось одному погулять по городу. Я шепнул товарищу:

— Сбегаем за папиросами!

Он согласился. Незаметно для командира мы отошли в сторону и бросились бежать. Купив папирос, мы пустились догонять нашу сотню, но товарищей нигде не было видно. Целый день пришлось нам бродить по городу. Никто нас не понимал — ведь мы почти не говорили по-русски. Пошел дождь и промочил нас до костей. Мы искали вокзал и никак не могли его найти — все дома, как близнецы, были похожи один на другой. Поди узнай, который из них вокзал. Наконец какой-то прохожий сдал нас жандарму.

Жандарм узнал, кто мы такие, и отвел в комнату дежурного по вокзалу. Здесь сидел военный комендант. Он приказал нам остаться у него до утра. Завтра с десятичасовым поездом он отправит нас догонять нашу сотню.

Комендант ушел, оставив нас с писарем и казаками. Писарю было скучно. Он стал расспрашивать нас:

— Кто вы такие? Откуда?

Наконец он сказал:

— Вот что, молодчики! Вы, наверное, умеете танцевать по-своему, по-калмыцки.

Я ответил:

— Умеем.

— Ну, так вот,— важно заявил писарь,— я приказываю вам до самого утра танцевать и петь на своем языке, а ежели вы моего приказа не исполните, то знайте, завтра я вас никуда не отправлю.

Началась мучительная ночь. Сначала пошел я танцевать. Танцевал долго, голова кружилась от голода, и ноги не повиновались. Потом танцевал мой товарищ. Потом снова я. Набралась полная комната людей — все пришли полюбоваться на «чудо», отысканное писарем. Все смеялись над нами, а я все танцевал и танцевал. Писарь не унимался. Довольный своей выдумкой, он командовал:

— А ну, танцуй еще! Танцуй, танцуй, не то никуда не отправлю!

К счастью, пришел комендант. Все разошлись. Наш спаситель отвел нас в поезд. Поезд тронулся. На станции Лозовой мы с радостью увидели наш состав. Командир сотни пожурил нас и велел в наказание отднемалить сутки по вагону. Но разве это было наказание? Я готов

был дежурить не сутки, а год, лишь бы не плясать больше для проклятого писаря!

Мы ехали в вонючих теплушках, на которых белой краской было написано: «40 человек, 8 лошадей».

Донской полк стоял в маленьком городишке Янове, в Польше, в девяноста верстах от железнодорожной станции Люблин. Все дальше и дальше удалялись мы от родных Сальских степей. Мелькали станции, поля, деревни. Сначала мы пытались шутить, разговаривать, петь песни. Кто-то наигрывал на гармонике. Потом все смолкло. Каждый думал о предстоящей службе в полку.

Думы были невеселые. Слишком много рассказов нас слушались мы от бывалых стариков!

Наконец мы прибыли в Люблин, а из Люблина в Янов, в полк. Нас встретил сотенный вахмистр. Рядом с ним стояли дядьки-ефрейторы. В первый же день прикрепленный к нам дядька предупредил:

— Без моего разрешения в город не ходить. Тут полно жуликов, они вас начисто оберут. Деньги сдайте мне. В город ходить только со старшими.

После переключки пошли в казармы. Старые бревенчатые казармы стояли на краю грязного городишка. Шел косой мелкий дождь. Крыша протекала, на полу и на нарах растекались мутные лужи. Тут нас и расположили.

Сразу же пришли земляки-старослужащие. Расспросили про житье в станице, про родных, а потом скомандовали:

— Ну, зеленъ! Ставь магарыч дядькам, чтобы не обижали, не драли да учили получше.

Мы порылись в карманах, собрали остатки денег и передали дядьке-ефрейтору. Дядька побежал за водкой.

Так началась казарменная жизнь...

Зимой все дыры в стенах казармы затыкали лесным мхом. Спать было холодно, не попадал зуб на зуб. По утрам урядник Куличкин — эдакое толстомордое обрюзгшее животное с тусклыми глазами — обучал нас «словесности». Урядник ненавидел калмыков, считал их «нехристями», «инородцами», называл «калмычьём косоглазым». Заложив руки в карманы, он ходил перед своими учениками и командовал:

— А ну, Городовиков, изложи мне титул государыни императрицы!

Титул царской жены был длинный и путаный. Я начинал:

— Ее императорское величество госуда...

— Не так! Повтори еще раз.

— Ее величество государыня Александра...

— Не так! А ну-ка, повтори еще раз!

— Ее императорское Александра Федоровна...

— Ты у меня запомнишь! — тычет кулаком в лицо Куличкин. — Я тебе покажу! Повтори еще раз!..

На изучение титула царицы или какой-либо из ее дочерей уходило несколько занятий. Титул твердили до седьмого пота. И, как водится, чем больше заучивали, тем больше сбивались и ошибались, к великому неудовольствию Куличкина. Урядник изошрялся, чем бы допечь ненавистных ему молодых калмыков. Он сразу отделил их от других казаков, зажиточных кулацких сынков. За наш счет Куличкин облегчал своим землякам тяжелую службу.

В церковные праздники мы шли вне всякой очереди в караул. Мы несли неисчислимые наряды. Когда казаки отдыхали, мы выполняли за них всю грязную работу: убивали навоз, чистили уборные, таскали мусор — и так без конца. За день умаешься, как тощая лошадь на пахоте. Не успел шагнуть в казарму, опять кто-нибудь кричит:

— Эй, калмычье косоглазое!

Попробуй оборонись словом — обидные прозвища полетят из всех углов казармы.

Кормили в полку скверно. Весь наш дневной рацион состоял из сырого, часто пополам с полóвой хлеба, полфунта мяса, кислой капусты, каши и кипятку. Чаю и сахару не полагалось. По утрам вместо чаю приносили на десятитерых бачок кипятку и немного черствого кислого хлеба. Вода в бачке была мутная, в одном и том же бачке обычно варили суп и кипятили воду.

На тощем солдатском пайке, на корме для коней наживали большие капиталы подрядчики, каптенармусы, офицеры, командиры сотен.

От скверной пищи мы часто мучились животами. Чтобы избавиться от изжоги, мы соскабливали, а иногда просто слизывали мел со стен казармы. За это «лекарство» нам обычно крепко доставалось. Приходил урядник, выискивал виновника; если не находил, брал пер-

вого попавшегося ему на глаза, ставил под ружье, или, как метко выражались казаки, «на солнце ковер сушить».

Наконец нас распределили по взводам. Я попал в первый взвод. От моих восьми рублей, взятых из дому, оставались гроши. Да и эти гроши пришлось отдать дядьке. Началась учеба. Я учился упорно и вскоре учился читать и писать, стал рубакой, стрелком и джигитом. Начальство начало поговаривать, что я буду со временем неплохим кавалеристом.

В 1904 году в Варшавском военном округе происходили маневры. Меня вызвал командир сотни и говорит:

— Ты, Городовиков, у меня в сотне самый лихой и отчаянный наездник. По приказанию командира корпуса нужно съездить за заказным письмом на станцию. Предупреждаю тебя, что противник — в белых фуражках. Смотри не попадись.

— Не попадусь, ваше благородие,— ответил я и поскакал за письмом.

До станции я добрался благополучно, получил письмо на имя генерала. Отправился в обратный путь. Примерно на полпути я увидел, что сбился с дороги. Поехал наугад, попал в густой, темный лес. Ясно, заблудился. Местность совсем незнакомая. Поглядел в небо, вижу — курится дымок. Значит, жилье близко. Поехал на дымок. Подъехал к домику лесничего. Смотрю, шесть всадников в белых фуражках. Неприятель! Я быстро повернул лошадь и стал удирать. Не тут-то было! Всадники пустились за мною вдогонку. Я решил ни за что не сдаваться. Взял пику на руку и стал отбиваться, совсем забыв, что маневры не война, а игра.

Я знал, что стоит лишь поддеть пикой мундштучный повод, как лошадь взвьется на дыбы. Первый подскочивший ко мне драгун не смог удержаться в седле и очутился на земле, а его лошадь, испугавшись, умчалась в сторону. Ловко орудуя пикой, я выбил из седел еще троих, двоих оставшихся отогнал от себя и пустил во весь карьер своего дончика. Таким образом, донесение не попало в руки «противника», а о проявленных мной сметливости и мужестве посредники сообщили в ставку.

Адъютант, принявший от меня пакет, велел подождать. Потом появился офицер генерального штаба. Он

передал мне благодарность от самого царя, а адъютанту приказал записать мои имя и фамилию.

Кончились маневры. Командир полка объявил перед строем мне благодарность. Полк ушел на зимние квартиры, и все понемногу стали забывать маневры. Но однажды командир эскадрона построил солдат и объявил, что царь за проявленное геройство и сметку на маневрах жалует рядового Городовикова грамотой и серебряным рублем. Тут же перед строем командир эскадрона вручил мне рубль и пакет с грамотой.

Командир эскадрона возбудил ходатайство о назначении меня в учебную команду. Командир полка не возражал: хотя я был почти неграмотным, царский рубль явился своего рода аттестатом. Приемная комиссия решила зачислить меня в учебную команду без экзаменов.

Быстро пролетело время. В учебной команде я считался одним из лучших солдат. Через шесть месяцев после окончания учебной команды меня произвели в младшие унтер-офицеры.

В это время шла русско-японская война. 9-й донской кавалерийский полк получил распоряжение отправиться на фронт. Предстоял далекий и трудный путь из Польши на поля далекой Маньчжурии. Полк выступил, но до места назначения не дошел. Началась революция 1905 года. Волнения прокатились по всей России, перебросились в Польшу, и полк возвратили обратно для подавления революционного движения в Польше.

Наш командир сотни был жадный и любил деньги. На маневрах, по его указанию, мы промышляли у крестьян корм для коней, а добрая половина полагающегося от казны коням фуража оставалась командиру как «экономию».

Сотенный созывал взводных урядников на «инструктаж» и говорил:

— Чтоб воровать что — ни под каким видом! Воровать, братцы, от бога грех, от людей стыд. Надо уметь по-казацки взять так, чтобы никто не видел. Понятно?

Взводные отвечали хором:

— Так точно, ваше благородие!

— Лошадям нагрузка будет большая, а овсеца при-

дётся уменьшить. Но смотрите, чтоб лошади в теле не упали. Ежели что, шкуру спущу... Понятно?

— Так точно, ваше благородие, понятно!

— Имейте в виду: у меня три дочери, стало быть, надо по крайней мере три тысячи приданого. Понятно?

Взводные делали соответствующие выводы, и командир сотни здорово наживался во время маневров «на приданое дочкам».

В мрачных казармах воздух был вечно спертый и пропитанный запахом прелой шерсти и промокших портянок. Спали мы на деревянных нарах, вповалку. Постельного белья не полагалось. Привезенный из дому мешочный матрац набивали гнилой соломой, подкладывали под голову соломенную подушку — вот и вся постель. Клопы, блохи, вши были постоянными жильцами казармы.

До чего хотелось вырваться из опостылевшей казармы, уйти в степь, хоть на минуту почувствовать себя вольным! Но разве это возможно? Дезертировать бесполезно. Куда пойдет калмык? Домой, в станицу? Там все равно найдут, и будет еще хуже: отошлют в тюрьму. Тогда навсегда распрощайся со степью зеленой, с донскими станицами, с семьей!

Существовал, правда, один секретный и верный способ освободиться от службы. Об этом способе по ночам шептались калмыки. Служил в полку некий фельдшер, который за двадцать пять рублей снабжал желающего освободиться каким-то страшным, им самим составленным зельем.

Знали ребята, что дело это рискованное. И все же, доведенные до отчаяния муштрой и издевательствами, шли к фельдшеру. «Добрый человек», взяв задаток, давал калмыкам бурую жидкость и поучал, как пользоваться ею. Снадобье было сильнодействующим ядом. Через некоторое время солдат начинал болеть, шел на комиссию и увольнялся. Из восемнадцати калмыков, призванных вместе со мной в армию, тринадцать освободилось «по чистой». Помню, с какой радостью они уезжали домой, к семье. И как мы им завидовали! Денег у нас на «лекарство» не было: жалованья мы получали двадцать восемь с половиной копеек в месяц, да и то полкопейки вычиталось на свечи и лампадки к «святым иконам».

...В 1905 году напуганное революцией, восстанием на броненосце «Потемкин» царское правительство немного «улучшило» голодное обеспечение солдата. Прибавили четверть фунта мяса, стали выдавать сахар — двадцать пять граммов в день — и даже один грамм чая. В котле появились свежие овощи. Выдали постельные принадлежности: две простыни, две наволочки, одеяло (белье, конечно, мы стирали сами). Даже жалованья прибавили: стали выдавать вместо двадцати восьми с половиной пятьдесят копеек в месяц!

Но по-прежнему лют был урядник Куличкин, по-прежнему допекал он солдат на «словесности», заставлял до седьмого пота ходить гусиным шагом по казарме.

Возведенная усилиями начальства непреодолимая стена неприязни между калмыками и остальными казаками оставалась столь же высокой и крепкой. У нас, «нехристей-инородцев», было такое положение, что мы и думать не могли о каком бы то ни было правовом равенстве с остальными казаками. На всех занятиях, начиная с уборки коня и кончая стрельбой, во время нудной, бессмысленной «словесности» калмыки подвергались постоянным насмешкам и унижениям. И, как бы лихо ни рубал калмык, как бы лихо ни соскакивал он на всем карьере с коня и тут же ни вскакивал обратно, все равно не считали его настоящим казаком. А я умел и лозу рубить, и на полном ходу с коня свеситься, платок с земли поднять, и на полном скаку обернуться и мишень прострелить. Лихим стал джигитом, не хуже любого казака.

В промышленных районах Польши вспыхнули восстания рабочих. Царское правительство стало посылать на усмирение рабочих воинские части. Наша сотня получила назначение в город Домбров. Нас отвели в бараки одного из крупных заводов. Сразу же меня вызвал командир сотни:

— Вот что, Городовилов! На каждую лошадь ты получаешь по пятнадцати фунтов овса. Десять фунтов трать, а пять фунтов с каждой лошади — мне. Вот тебе ключ от кладовой.

Во взводе было двадцать лошадей. Значит, каждый

день командир сотни будет зарабатывать два с половиной пуда овса. Неплохо!

Город Домбров был объявлен на военном положении. На заборах, на стенах домов расклеили приказ:

«Все граждане не имеют права ходить по улицам после десяти часов вечера. В случае появления граждан на улицах патрулирующие казаки должны немедленно их арестовывать. В случае неподчинения патрулю казаки имеют право на месте расстреливать неподчиняющихся».

За каждого расстрелянного бунтовщика казак получал по двадцать пять рублей и медаль. Некоторые казаки с целью наживы стали убивать прохожих и выдавать их за бунтовщиков.

Я думал: «За что же они убивают беззащитных людей? Разве за убийство человека полагается получать плату и медали?» Ляжешь спать и всю ночь ворочаешься с боку на бок. Что ж это делается?

Ответ на свои недоуменные вопросы я нашел в книгах и прокламациях, попадавших к нам в казарму. Если командир сотни находил эти книги, он страшно сердился, немедленно сжигал их и кричал:

— Эти книги пишут бунтовщики, жулики, арестанты и каторжники!

Однажды ночью командир сотни поехал по срочному вызову в штаб. Я и еще пять казаков сопровождали его, он один ехать боялся. Мы проезжали мимо небольшого домика. Неожиданно раздался звук, похожий на выстрел. Командир сотни приказал обстрелять домик. Я случайно заглянул в окно. В комнате на полу играли ребята, двое взрослых мирно сидели за столом, женщина хлопотала у печки. Конечно, никто отсюда не стрелял.

Когда я об этом доложил сотенному, тот сначала обругал меня, а потом сказал:

— Ну ладно, ступай, только быстро.

Я вбежал в дом.

Оказалось, хозяйка уронила большую сковороду на цементный пол, и это мы приняли за выстрел.

Когда я доложил сотенному, командир нахмурился и приказал трогаться в путь.

— Эх, Городовиков,— сказал он мне сердито,— промазал ты случай получить награду. Я бы тебя лично представил.

Я оторопел. За какой подвиг я бы мог получить награду? За убийство беззащитных людей и ребятишек?

Впоследствии мне не раз приходилось присутствовать и при обысках, которые производили жандармы. Жандармы избивали мирных жителей и допытывались, где спрятано оружие. Царская служба мне совсем опротивела.

Какой радостью было для меня освобождение от злой солдатчины! Ведь за четыре с половиной года службы я ни разу не был в отпуску.

Мы, отпускники, в конном строю прибыли в Люблин. Снова погрузились в теплушки и в несколько дней доехали до Новочеркасска. Родина была близка, осталось сто пятьдесят километров.

Конь нес меня степной дорогой. Я вдыхал чудесный воздух родных степей. Проезжал знакомые сальские станицы, ночевал у казаков и крестьян. Наконец на третий день поздно вечером увидел огни родного хутора. Пока добрался до хутора, огни погасли. Я никак не мог найти своей кибитки, наполовину зарывшейся в землю. Доехал до ветряка, три раза объехал хутор, наконец нашел свою кибитку. Привязал коня, нащупал дверь, больно стукнулся головой о низкую притолоку. Родные зажгли огонь. Я был дома!

Мать от счастья плакала и не могла насмотреться на мои блестящие нашивки. Еще бы! Я вернулся домой в чине старшего урядника, во всем обмундировании и со своей лошастью!

После первых объятий мне рассказали о станичных делах. Ни одного из моих сослуживцев, ушедших раньше по воле лекаря из полка, не осталось в живых. Снадобье полкового лекаря и после ухода из казарм продолжало свое губительное действие: тринадцать «счастливых» умерли от медленного отравления и разрушения организма.

ЗНАКОМСТВО С БУДЕННЫМ

Вернувшись со службы, я решил, как говорится, «людей посмотреть и себя показать». В праздничный день, вечером, начистив до блеска сапоги, я отправился в харчевню. В те времена только в харчевне можно было

За одним из столов сидел коренастый унтер-офицер в форме драгунского полка с двухрядной гармонью.

встретить знакомых, посудачить, узнать все станичные новости.

На огонек харчевни, как мошкара, собирались станичники. В харчевне было полно народу. Место найти было почти невозможно. За одним из столов сидел коренастый унтер-офицер в форме драгунского полка. Лихо сдвинув набекрень фуражку, он растягивал двухрядную гармонь. Унтер поглядел на меня веселыми глазами, поманил пальцем и сказал:

— Место ищешь, казаче? Садись!

Мне, калмыку-казаку, унтер-офицер предлагает место у своего стола! Я удивился, но подошел.

— Ты кто такой? — спросил унтер.

— Я Городовиков. Живу здесь, на хуторе, вернулся со службы.

— Ну, а я тоже вернулся со службы. Драгун Семен Буденный. Садись.

Раньше я Буденного не встречал, но о такой фамилии слышал. Знал, что семья их живет в станице Платовской, да еще говорил кто-то, что они иногородние и от бедности переселились сюда из Воронежской губернии.

— В казачьих частях служил? — спросил унтер и сразу же неодобрительно отозвался о казачьих частях.

Я не остался в долгу:

— Ну-ну, ты полегче! Драгун-то я скольких за ногу на маневрах с коня стащил! Слыхал, про драгун даже пословица есть: «Стой, остановись! Драгун с коня упал!»

Унтер-офицер не обиделся. Он рассмеялся и сказал, что хоть казаки и лихие рубаки, но у них нет шпор. А у драгун есть и шпоры и кавалерийское седло. Унтер стал хвалить свой род войск, а я, конечно, стал хвалить свой. Разговор зашел о военной службе. Тут мы уже перестали спорить. И драгун и казаков одинаково плохо кормили, одинаково обворовывали офицеры. Обругав царскую службу, Семен Михайлович запел песню. Пел он хорошо. Под звуки гармошки он запевал одну за другой песни и прибаутки, а песен и прибауток у него, видно, был неистощимый запас. Наконец он заиграл плясовую. Казаки расступились, и я пустился вприсядку. Надо сказать, в дни молодости плясал я лихо. Пляска моя вызвала всеобщее одобрение.

Поздно вечером мы расстались, пообещав друг другу встретиться в следующее воскресенье.

Так началась наша дружба. Мы стали запросто заходить друг к другу. Семен Михайлович жил с матерью и отцом в маленькой хатке на окраине станицы.

— Служишь, служишь,— говорил он,— а придешь домой — ни земли нет, ни хозяйства. За хату налог плати, за корову налог плати, за курицу плати...

Жизнь иногородних среди богатого казачества была тяжелой. Придя в «вольные» степи, иногородние чувствовали себя отщепенцами. Селились они по окраинам станиц, лепили мазанки, и лишь немногие, арендуя землю, с трудом обзаводились хозяйством. Большинство батрачило у казаков-богатеев. Конечно, никаких прав иногородние в станице не имели. Богачи их обкладывали непомерными налогами. Например, если обзаводился кто коровой, брали налог — пятерку с головы.

Между богатым казачеством, казачьей беднотой и иногородними извечно шла непримиримая вражда. Часто неприязнь перерастала в кулачные схватки и кровавые побоища.

Помню, Буденный не раз говорил:

— Почему так получается на свете? У нас и клочка земли нет, а у богатеев коннозаводчиков в Сальских степях сколько земли гуляет! Несправедливо!

Среди крестьян и бедных казаков Семен Михайлович пользовался непререкаемым авторитетом знающего человека. Ему часто приходилось выступать перед богачами представителем от бедноты во всех щекотливых делах, во всех спорах.

Самым сложным был налоговый вопрос. Решался он обычно так: собирались казаки на сход, богачи рассаживались чинно на скамейках, а молодежь и беднота устраивались позади всех. В полной парадной форме приходил станичный атаман. Он важно, не сгибаясь, раскланивался на все четыре стороны и объявлял сход открытым.

Богачи обычно старались провести высокий налог. А мы, станичная голь, изыскивали всяческие лазейки и возможности как-нибудь скостить сумму налога. Тут пустились в ход все средства, чтобы уломать богачей.

Самым магическим средством была горилка. Буден-

ный начинал так: выходил к народу и, прежде чем сказать слово, нарочито громко просил подсобить ему снять с телеги бочонок водки. Неведомо откуда появлялись кружки. Бочонок быстро опорожнялся.

— После горилки душа богачей ласковой становится,— говорил Буденный и начинал доказывать, что требуемую сумму налога внести никак невозможно.

После Семена Михайловича я, как коренной житель, просил слова и убеждал сход уважить просьбу.

Сход соглашался снизить налог.

Мы с Буденным стали большими друзьями.

ВОЙНА

В жаркий июльский день я обучал на плацу ребятишек военному делу. Вдруг у станичного правления поднялась суматоха. На взмыленном коне прискакал гонец. На крыльцо вышел станичный атаман. Гонец отдал ему пакет с сургучными печатями.

Гонец с пакетом — необычное явление для станицы. Подгоняемые любопытством, казаки спешили к правлению. Гонца засыпали вопросами. Свернув толстую махорочную сигарку, он сплюнул и как ни в чем не бывало сказал:

— Война! С немцами будем биться.

Слово «война» было страшное. Оно мгновенно облетело все хаты.

В станице сразу запричитали бабы, будто по десятку покойников; загудел набат, созывая станичный сход.

Писарь прочитал собравшимся приказ. Все стояли молча, с обнаженными головами. Вышел станичный атаман и, нарочито неестественно выпятив грудь колесом, произнес речь, закончив ее словами, знакомыми казаку с малых лет:

— За веру, царя и отечество!

Казаки расходились со схода молчаливые и угрюмые. Распрощались и мы с Буденным.

— Прощай, Городовиков,— сказал он,— не поминай лихом! Может, и не встретимся более. А хороший ты парень, калмык!

Меня угнали на австрийский, а Семена Михайловича — на турецкий фронт.

И вот я снова в теплушке, снова на мне солдатская шинель. Вместе со мной тысячи русских, калмыков, татар едут на фронт. Вместо казарм — сырые окопы, грязь, вши. Нудно и тоскливо тянется жизнь!

Чем ближе к семнадцатому году, тем больше «крамольных» разговоров, тем чаще слышатся заявления солдат:

— Скоро ли кончим воевать?

— Повоевали! Довольно!

— Не кончат — сами кончим...

Как-то в окопах я впервые нашел большевистскую листовку. В ней просто и ясно говорилось о том, что послужило причинами войны, кто виноват в страданиях народа, и разъяснялось, что революция — единственный выход для народа из империалистической бойни. Особенно запомнились слова:

«Отобрать у помещиков землю...»

Это было близко и понятно нам, простым людям. Я вспоминал великолепные пастбища коннозаводчиков, богатые земли, которыми владели они вокруг станицы Платовской. Перед глазами вставала нищая жизнь калмыцкой бедноты и безземельных иногородних.

О Ленине я впервые услышал от офицеров. Напуганные нарастанием «крамольных» мыслей у солдат, они вынуждены были беседовать с нами на политические темы. И, помню, даже поп занялся политикой. И он и офицеры возводили несусветную клевету на Ленина, на большевиков. А тут появились и сами большевики. Они говорили простые слова, и смысл их был ясен каждому:

— Долой империалистическую войну!

— Бери землю!

— Захватывай власть!

Большевики на фронте вели агитацию за братание между солдатами воюющих армий. Большевики призывали превратить войну империалистическую в войну гражданскую и направить оружие против помещиков, против самодержавия. Все чаще воинские части отказывались идти в наступление. Даже многие казачьи сотни стали «ненадежными».

Царская армия стала разлагаться.

В одном из боев я был ранен. Меня отправили на лечение на родину, в Донскую область.

Слез я с поезда на станции Великокняжеская, натянул покрепче котомку на плечи и пошел пешком на родной хутор, еле волоча ноги. Вот наконец увидел огоньки. Залаяли собаки, перебудили сонных хуторян. Вот и наша полуразрушенная кибитка. Вошел я без стука, родные ужинали. Радостно встретили они меня. Думали, не вернусь живым. Тут же рассказали, что болен брат — болит горло, весь горит. Я отвез его к фельдшеру, фельдшер сказал — ангина, прописал лекарство. Взял я в аптеке лекарство, приехал домой, вижу: весь двор заставлен богатыми повозками, сытые лошади нехотя жуют овес.

— Что это, мать? Кто к нам приехал?

— А я вызвала гилюнгов, — говорит мать, — во главе с бакшой, старшим священником.

— Зачем вы это сделали, мать? Доктор уже помог брату.

Вошел я в кибитку.

— А мы здесь за вас молимся, молимся, — говорит бакша Буринов.

А мать закармливает гилюнгов всем, что есть в доме. Целый день они ели и пили, а для отвода глаз лепили каких-то кукол из теста, шептали над ними молитвы и выбрасывали кукол в окно, говоря:

— Сгинь, сгинь, нечистая сила, уйди вон, болезнь!

Поздно вечером, наевшись до икоты, гилюнги уехали. Мать отдала им дойную корову с теленком и двадцать пять рублей. А один из гилюнгов, увидя в сарае двух годовалых бычков-близнецов, сказал матери:

— Ты бы их нам отдала, ведь это они принесли вам горе и болезнь.

Мать беспрекословно отдала близнецов. Я стоял за сараем и не мог смотреть без слез, как гилюнги выводили из сарая последних бычков.

Дом снова был пуст — ни одной животины, только где-то в углу скулил дворовый пес. Это было все наше хозяйство.

Выздоровев, я решил не возвращаться на фронт. Госпитальный писарь устроил мне «назначение» — взводным командиром в 39-ю отдельную казачью сотню.

Эта сотня охраняла завод и рудники промышленника Пастухова. Стояла она в районе станции Сулин. Командовал сотней мобилизованный в военное время отставной пожилой есаул. Остальные три офицера были попросту маменькиными сынками. Шахтеры-большевики, само собой разумеется, завязали знакомство с казаками.

Они разясняли, что война за три года унесла миллионы человеческих жизней, что четырнадцать миллионов здоровых работников взято в армию и оторвано от хозяйства, что в Петрограде бастуют рабочие, которые требуют хлеба и окончания войны.

Со мной познакомился один кузнец. Звали его Михайлом. Поговорив о том о сем, он стал давать мне книжки, листовки. Заводил душевные разговоры. Кузнец полюбился мне. Однажды я пошел с ним на рабочую сходку. Рабочие собрались под землей, в глубокой темной шахте. На меня шахтеры поглядывали сначала с опаской — ведь на мне была форма старшего урядника казачьих войск. Потом попривыкли. А однажды кузнец дал мне несколько брошюр и листовок. Я снес их в казарму, рассовал под подушки, разбросал на конюшне и положил в карманы шинелей. Я заметил, что казаки охотно читают найденные листовки, обсуждают их и прячут от меня и от офицеров подальше. В листовках ведь было написано близкое и понятное казакам!

Первая удача окрылила меня. Ночью я, как взводный командир, обязан был проверять, все ли благополучно в казарме. И вот, придя с очередной сходки, проверяя, все ли на месте, я проходил мимо дремлющего дневального и подсовывал листовки под подушки спящим казакам.

Однажды кто-то из казаков доложил командиру сотни, что в казарму проникла «большевистская зараза». Есаул в панике прибежал в казарму. Он вбежал в канцелярию, схватился за голову:

— У меня жена больная, трое детей маленьких! Погибают меня! Городовиков! Вот тебе секретное поручение: следи, кто разбрасывает. Донесешь мне.

— Слушаюсь, ваше благородие,— отвечаю.

А самого смех разбирает.

Через несколько дней есаул обнаружил на конюшнях новые листовки.

— Что же ты, Городовиков? Бунтовщики листовки разбрасывают! Чего ты смотришь? Никого не поймал?

— Никак нет, не поймал, ваше благородие.

— Черт знает что! Погубите вы меня! Погубите! Под суд попаду. Лучше следи, Городовиков!

— Так точно, слежу, ваше благородие.

— Как поймаешь, веди ко мне!

— Так точно, приведу, вашбродь.

— Я с него шкуру спущу!

— Так точно, спустите, ваше благородие.

— Можешь быть свободным.

— Слушаюсь.

Я повернул налево кругом и пошел к кузнецу. Вместе с ним мы отправились на очередную сходку...

Однажды учебные занятия были неожиданно прерваны. Нас, взводных, вызвали к командиру сотни на квартиру. Мы вошли в комнату. Есаул нервно ходил из угла в угол. Он сказал:

— Получена телеграмма... В Петрограде произошли великие события. Его императорское величество царь Николай Второй Александрович отрекся от престола.

Казаки отнеслись к вести о свержении царя без особой радости, как-то выжидательно. Кто победней, тайл надежды на лучшую жизнь. У богатого казачества появились опасения:

— Сравняют нас, казаков, с мужиками. Чего доброго, землю отрежут...

Вечером я пошел в рабочий поселок. Здесь уже знали о свержении царя. Поселок выглядел празднично. Пели «Марсельезу» и «Отречемся от старого мира».

Безногий калека-фронтовик, остановив меня посреди улицы, радостно обнял, крича во все горло:

— Свобода, казачок, свобода! Царя по шапке двинули!

Кузнец, посмеиваясь, сказал:

— Ну, вот с царем и покончили...

Начались собрания, митинги, споры.

Пришла свобода! А что изменилось? На заводе все по-старому. А у нас в сотне только в одном разница: офицеры стали от мордобоя воздерживаться.

Хозяин завода получил новый срочный военный заказ от Временного правительства. Война продолжалась.

Из родной станицы я получил письмо. Февраль прошел в Платовской мирно, и ничего в ней не изменилось. Коннозаводчики по-прежнему владели необъятными землями и табунами коней. Калмыков, иногородних и казаков продолжали в теплушках увозить на фронт. Для нужд войны забирали последних коней, скот и продовольствие.

— Вот видишь, Городовиков, — говорил кузнец, — до полной победы революции еще далеко. Пока власть находится в руках Временного правительства, народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба. Для полной победы надо сделать еще шаг вперед. Надо передать власть Советам.

В Новочеркасске собирался съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Меня избрали от сотни делегатом на съезд.

Съезд проходил в напряженной обстановке. С фронта прибыли первые партии солдат. Возвратились они озлобленные на правительство Керенского. Малоземельные казаки и иногородние, следуя лозунгам большевиков, требовали раздела земли.

Вернувшись со съезда в Сулин, я сразу попал в боевую обстановку.

ВОЗВРАЩАЮСЬ В СТАНИЦУ

Рабочие Пастуховского завода восстали против правительства Керенского. Я немедленно присоединился к ним. На следующий день мы выступили против казачьей сотни. Я шел с винтовкой в рядах рабочего отряда.

Мы были убеждены, что большая часть казаков примкнет к восставшим. Но и я и рабочие ошиблись. Керенский прислал свежее подкрепление. Моих товарищей по сотне, которым была поручена революционная работа с казаками, арестовали. Подошла артиллерия. Рабочее восстание было разгромлено.

Я решил уйти в Сальские степи. В Сулине мне больше нельзя было оставаться. Если бы меня поймали, расстреляли бы на месте.

Командир рабочего отряда одобрил мое решение. В тот же вечер, забинтовав лицо, чтобы не узнали случайно казаки, я вскочил на площадку уходящего из города поезда.

На рассвете на станции Александровск-Грушевск поезд остановился. К вагону подошел опоясанный крест-накрест пулеметной лентой красногвардеец и сказал:

— В двенадцати верстах идет бой. Кто хочет защищать бедноту, должен записаться в красногвардейский отряд.

Я вышел из вагона. На вокзале шел митинг. Оратор, очевидно большевик, говорил:

— Керенскому, всем буржуям и помещикам — крышка! В Петрограде, в Москве, во всех больших городах-центрах рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки...

. Тут же на митинге я записался в красногвардейцы. Записались и многие мои спутники. В отряде нам выдали винтовки и патроны.

Выстроив отряд, командир объявил:

— Сегодня ночью ожидается нападение белогвардейцев. Быть в боевой готовности!

Ночью вышли за город и рассыпались в цепь.

Дул холодный, пронизывающий до костей ветер. Красногвардейцы собирались группами и разводили костры.

Многие из рабочих обращаться с оружием не умели. Как только стало светать, командир отряда поручил мне с помощью нескольких фронтовиков обучить не умеющих стрелять. Здесь же в поле под угрозой нападения белых красногвардейцы быстро осваивали правила стрельбы.

Прошло несколько часов, а белые не показывались. Иззябшие, усталые от бессонницы красногвардейцы нетерпеливо спрашивали командира:

— Где же белогвардейцы, товарищ командир? Когда начнется бой?

Командир отвечал, что ночью белые находились в десяти верстах от города, где они сейчас и сколько их, неизвестно.

. Разумеется, разведки в то время не было, сторожевых дозоров тоже не было.

Завтрак подвезли из города в походных кухнях. По-

сле завтрака я пошел по цепи, чтобы посмотреть расположение отряда. Тут и там раздавались выстрелы. Стрельба никого не удивляла. Я подошел к молодому пареньку, палившему из винтовки.

— Куда палишь? — спрашиваю.

Парень нехотя поднял голову:

— А што?

— В белый свет палишь. Зря противнику себя выдаешь!

— Ну и что ж? Пускай противник сюда идет. Прятаться от белой сволочи, что ли?

— Да ведь понимаешь ты, что белогвардейцев больше, чем нас? Увидят нас, сразу разгромят.

Но парень только отмахнулся, как от надоедливой мухи.

В другом месте пулеметчики пробовали пулеметы. Они выпускали в воздух длиннейшие очереди.

В победе над белогвардейцами никто не сомневался. Молодежь горячилась, предлагая немедленно перейти в наступление на Новочеркасск и выбить оттуда офицерскую контру. Но мне было ясно, что в первом же бою белые казаки и офицеры, с малых лет обученные военному делу, нас потреплют. Так и случилось. Белогвардейцы с большими силами обрушились на наш отряд и сломили его сопротивление. После сулинского восстания я увидел, с каким героизмом дрались рабочие-красногвардейцы.

Остатки нашего красногвардейского отряда отошли по линии железной дороги.

Отряд распадался. Многие вступили в другие красногвардейские отряды. Уходили домой. Я решил обратиться в станицу Платовскую.

Путешествие это в ту пору было нелегким — юнкера и белогвардейцы хозяйничали на железной дороге. Я снова надел свою казачью форму.

В поезде, переполненном белогвардейцами, меня спросили:

— Ты кто? Откуда?

Я ответил:

— Казак из Сулина, еду домой.

Белогвардейцы приняли меня за своего и больше не приставали. В Новочеркасске я сел на крышу товарного

поезда и так доехал до Ростова. В Ростове на вокзале хозяйничали белогвардейские солдаты: пока я ждал поезда, неоднократно гас свет, кто-то стрелял в окна, раздавались отчаянные крики. Рядом со мной сидела женщина с двумя ребятишками. Ребятишки перепугались, кинулись ко мне, затряслись. Наконец паника прекратилась. Свет зажгли. Оказывается, белогвардейские солдаты грабили у пассажиров чемоданы.

Я решил раздобыть винтовку. Отправился с вокзала в город, отыскал местную казачью сотню. Представился дневальному. Дневальный доложил вахмистру. Ко мне вышел вахмистр.

— Разрешите у вас переночевать,— попросил я.— Я казак из Сулина, еду домой, в станицу.

Вахмистр посмотрел на меня и разрешил переночевать. Я прилег на койку.

Вскоре дневальный задремал. Я поднялся. Кругом раздавался храп. Я на цыпочках прошел в коридор. В коридоре стояли винтовки. Выбрал одну винтовку, взял тридцать патронов, тихонько вышел из казармы и через полчаса был на вокзале. К моему счастью, как раз отходил поезд.

На следующий день я был в Платовской и сразу же встретил Буденного.

— Ты откуда, Городовиков? — спросил он.

— С фронта прибежал. А ты?

— Тоже с фронта. Ну вот, еще раз нам привелось встретиться. Видно, придется теперь вместе воевать. Организуем ревком из фронтовиков. Будешь работать с нами?

— Буду.

В тот же вечер фронтовики собрались в избе Буденного и создали ревком. Впоследствии ревком превратился в станичный Совет.

КАК ЧУТЬ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ БУДЕННОГО

Семену Буденному тоже не сладко пришлось в царской армии. Вот что он мне рассказал.

Окончил он школу наездников, на соревнованиях отличался на выводке молодых лошадей. Стал он и стар-

шим унтер-офицером. Во время войны его эскадрон получил задачу — занять местечко Бжезины. Взводный — поручик Улагай перед самым боем заболел животом. Буденный на свой риск атаковал немецкий обоз и сопровождавшую его пехоту. Немецкие солдаты побросали винтовки, двух офицеров драгуны зарубили. За бой под Бжезинами Георгиевскими крестами наградили Буденного и эскадронного командира ротмистра Крым-Шамхалова, хотя тот в бою не участвовал. Потом газеты увеличили трофеи Буденного в десять раз...

Дивизию перебросили на Кавказский фронт против турок. Солдат плохо кормили. Лошадям не выдавали фураж. В эскадроне был норовистый конь, по кличке Испанец, которого никто объездить не мог — один Буденный совладал с его крутым нравом. Был в эскадроне и вахмистр Хистанов, ненавидевший Буденного за доброе отношение к солдатам. Сам вахмистр не раз «мордовал» солдат и, бывало, ссылался на коня Испанца: к Испанцу, мол, неосторожно избитый солдат подошел...

Однажды, когда солдаты обступили Хистанова и стали спрашивать: «Когда нас будут кормить?» — Хистанов напустился на Буденного, обвиняя его в том, что он научил солдат бунтовать. Хистанов на Буденного замахнулся; Буденный развернулся и крепко ударил вахмистра.

— Бунт, бунт! — закричал Хистанов и убежал жаловаться.

Тогда один из солдат предложил: всем, как одному говорить, что вахмистра изуродовал конь Испанец.

Забинтованный Хистанов вскоре пришел во взвод в сопровождении взводного командира. Тот стал допрашивать солдат:

— Ты видел, как Буденный ударил вахмистра?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечал один. — Господин вахмистр на господина унтера-офицера злобу имеет.

— А ты видал?

— Никак нет, — отвечал другой. — Як навесили торбы на лошадей, господин вахмистр проходил по коновязи. Проходивши мимо коня Испанца, господин вахмистр получили копытом по морде.

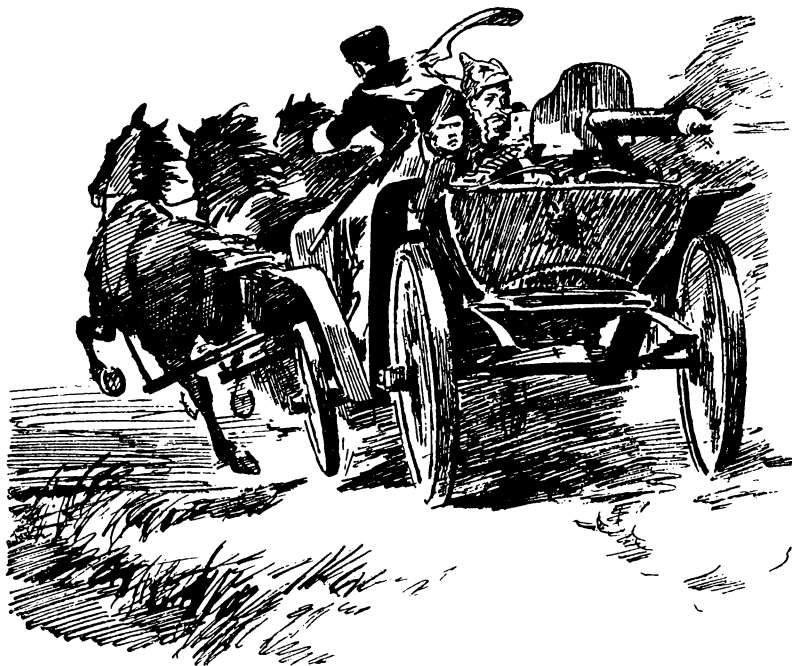
— Ты видал,— спросил третьего взводный,— кто ударил вахмистра? Отвечай.

— Конь Испанец копытом по морде, ваше благородие!

Солдаты не выдали Буденного. Но вахмистр добился-таки своего. Буденного отдали под полевой суд. В военное время это грозило расстрелом.

В последнюю минуту расстрел заменили снятием Георгиевского креста и медалей. Так заслужил за храбрость и потерял за доброе свое сердце Буденный «Георгия».

После он стал отважным разведчиком, не раз доставал «языка» и перед революцией имел четыре Георгиевских креста.

Часть вторая

**В БОЯХ И ПОХОДАХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

БОРЬБА НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Грозные тучи нависли над Сальскими степями. Вокруг станицы шакальими стаями рыскали отряды белогвардейцев.

Платовский станичный Совет объявил Платовскую на осадном положении. Эта весть подняла на ноги всю бедноту. На призыв Совета шли добровольцы. Собралось около трехсот человек. Многим не хватало оружия и лошадей. Железнодорожники помогли нам вооружить добровольцев винтовками.

В Совет приходили старики. Они были вооружены дробовиками, обрезам, косами и упрашивали, чтобы их тоже записали в революционный отряд.

А белые уже заняли мост через реку Маныч.

Наш отряд окопался против моста. Белые были намного сильнее нас.

Ночь прошла в перестрелке. На рассвете белогвардейцы открыли сильный артиллерийский огонь. Стреляло шесть орудий. Мы и не знали, что у белых есть артиллерия. Увлеченные боем, мы не заметили, как конница белых ударила с фланга, а пехота, развернувшаяся цепями, под прикрытием двадцати пулеметов повела на нас наступление.

Партизаны, впервые участвовавшие в бою, начали разбегаться.

Генерал Попов занял хутор Шара-Булук, неподалеку от Платовской. Вместе с ним вернулись на хутор коннозаводчики и богачи. Они начали кровавую расправу. Заподозренных в сочувствии большевикам отгоняли к хуторскому управлению и били плетьюми и прикладами. Требовали выдачи «главарей».

Один старик не вынес плетей и сказал, что во дворе старого Куняра спрятаны двое красных.

Толпа белогвардейцев бросилась к дому бедняка деда Куняра. Через несколько минут из дома вывели трех человек, связанных веревкой. Седой как лунь шестидесятилетний дед Куляр бесстрашно стал под дула винтовок. Он сказал:

— Да, я укрывал красных. Расстреливайте.

Подошел офицер и в упор выстрелил несколько раз в старика. Старик упал. Затем офицер вынул шашку и зарубил красногвардейцев.

Белогвардейцы сжали Платовскую железным кольцом. Отряды партизан стали отходить на север. Последними вышли из Платовской члены станичного Совета. Они не успели прорваться за реку, их захватила разведка белых.

Случайно оставшийся в живых член Совета товарищ Панченко рассказывал потом:

— Били плетьюми. Рубили шашками. Богач коннозаводчик Абуше Сарсинов ударил меня по лицу плетью. Теряя сознание, я услышал команду: «Пли!» При первом

выстреле я упал, притворился мертвым. Когда расправа закончилась, убитых стали раздевать. С меня сняли сапоги. До ночи я лежал под трупам. Ночью потихоньку встал и ушел.

С той поры голова товарища Панченко покрылась сединой, как черное поле первым снегом...

...Толпами сгоняли белогвардейцы на станичную площадь избитых, изуродованных, истекающих кровью большевиков. Коннозаводчик Абуше Сарсинов расправлялся с беднотой. Заподозренных в сочувствии Советской власти сначала били, а потом выводили за околицу и расстреливали. Милиционера Долгополова и начальника почты вывели за околицу, облили бензином и живьем сожгли.

Богачи расправлялись с ненавистными им бедняками иногородними, но не забывали и бедняков казаков и бедняков калмыков. Больше трехсот трупов валялось по станице. Пьяные белогвардейцы стреляли в прохожих. Хоронить расстрелянных белогвардейцы не разрешали. «Пусть лежат на страх большевикам»,— говорили они.

Когда крестьяне обратились с просьбой к священнику Буренову, чтобы он прекратил резню, поп поднял руки к небу:

— На все воля всемогущего бога!

Немногие уцелевшие от резни уходили в степь.

Не было больше розни. Не было ни калмыков, ни казаков, ни иногородних. Были бойцы, решившие драться с белогвардейцами не на жизнь, а на смерть.

БЕГУ ИЗ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ПЛЕНА

Остатки партизанского отряда отходили к Великокняжеской. Издали доносилась стрельба — это белогвардейцы заканчивали расправу над бедняками.

Мы ехали молча. Вдруг откуда-то внезапно затрещал пулемет. Мой конь со всего маха грохнулся на землю. Со всех сторон к нам скакали, размахивая обнаженными шашками, белогвардейцы. Мои товарищи отчаянно отбивались. Меня окружили. Один из белогвардейцев уже замахнулся шашкой. Вдруг кто-то заорал:

— Отставить! Ведь это Городовиков!

Меня схватили. Генерал Попов обещал за меня награду, и поэтому белогвардейцы не зарубили меня на месте, а привели в штаб. Молодой лысый офицер вполголоса стал расспрашивать конвоиров. Из его слов я понял, что моя фигура представляет для белых большой интерес. Офицер вышел.

На лавке спал, свернувшись, пушистый кот. Конвоиры стали дразнить кота.

В это время вошел генерал Попов, а следом за ним — офицер. Генерал посмотрел на меня и усмехнулся:

— А, Городовиков!

Он повернулся к офицеру и приказал:

— Сейчас же выстройте обе сотни мобилизованных калмыков.

В Платовской генерал с помощью коннозаводчика Сарсинова успел мобилизовать все калмыцкое население.

Когда сотни были построены, Попов направился к калмыкам. Вывели и меня. Генерал начал речь.

— Среди донских калмыков, — сказал он, — не должно быть ни одного большевика. Я за это ручаюсь. Городовикова я расстреляю в назидание вам.

Калмыки молчали. Генерал ждал одобрения.

Наконец послышались голоса офицеров:

— Правильно, ваше превосходительство. Расстрелять!

— Дежурного по караулу! — закричал генерал.

Явился дежурный по караулу. Каково же было мое удивление и радость, когда я узнал в нем Кулишева!

Кулишев был одним из наших активистов-красногвардейцев, которых посылал ревком для работы среди калмыков.

Меня отвели в подвал. С напускной суровостью Кулишев толкнул меня в бок. Я наклонился к нему и попросил закурить, прошептав:

— Я притворюсь больным. Буду вызывать тебя, приходи.

Чиркнув спичку, он едва заметно кивнул головой.

В подвале было темно и сыро. Я прилег на кучу рогож и только тут почувствовал, как сильно болит нога.

Внимательно ощупав ногу, я убедился, что перелома нет. Начал думать о побеге.

Услышав шаги часового, я нарочно громко принялся стонать. Часовой подошел к двери. Я стал просить, чтобы

он вызвал дежурного по караулу. Кулишев пришел. Он плотно прикрыл дверь, подошел ко мне и начал рассказывать о том, что в калмыцких сотнях идет разложение. Многие хотят бежать к большевикам.

Я выслушал Кулишева и сказал:

— Ты мой друг. Ты понимаешь, что через несколько часов меня убьют как собаку. Я должен бежать, помоги...

Кулишев подумал и крепко пожал мне руку.

— Я от тебя не отстану,— сказал он.

Я обрадовался:

— Значит, бежим вместе?

Кулишев кивнул головой и спросил:

— Может, еще сказать кому?

— Скажи братьям Адучиновым.

Братья Адучиновы были наши одностаничники, бедняки.

— Ладно,— согласился Кулишев.

План побега был прост. Кулишев, как дежурный по караулу, выводит лошадей, будто для проверки постов. Он берет с собой братьев Адучиновых, сменяет часового своим парнем, и с наступлением темноты мы бежим.

План побега был выполнен без сучка и задоринки.

Выехав за околицу, мы облегченно вздохнули, пришпорили лошадей и галопом понеслись на север.

Ночь в степи темна, как грива вороного скакуна.

Проскакав километра два, мы услышали все нарастающий топот погони. Резко свернув на юг, укрылись в балке, решив биться до последнего патрона.

Погоня проскакала стороной.

Блуждая по степи, объезжая хутора, усталые и разбитые бессонницей и волнениями, мы наткнулись на овчарню. Лай собак разбудил пастуха. Стали расспрашивать, как выйти на казенный мост. Пастух показал дорогу.

Вот и мост через Маныч. Перед мостом остановились в нерешительности. А что, если мост охраняют белые?

Уговорились, если окликнут, сразу открыть стрельбу и затем с криком «ура» стремительно прорваться.

Крякая, из-под моста вылетела утка. Где-то недалеко ей ответил селезень.

На мосту никого не было. Копыта коней дробно застучали по настилу.

В ту же ночь триста станичников Платовской ожидали смерти: белогвардейцы решили их расстрелять на рассвете.

Семен Михайлович Буденный совершил исключительно смелый налет на Платовскую. Взяв с собой семь товарищей-одностаничников, он на рассвете ворвался в станицу.

Храбрецы освободили арестованных и вооружили их винтовками, отобранными у конвоя. В станице завязался горячий бой. Белогвардейцев выбили из Платовской. Трофеями налета оказались белогвардейская батарея, винтовки, несколько пулеметов и множество патронов. В отряд немедленно вступили десятки станичников. Бежавшие от белогвардейцев станичники возвращались обратно.

В течение нескольких дней из станиц, с хуторов приходили казачьи партизанские отряды и вливались в буденовский отряд. Когда мы, убежав из плена, добрались до Буденного, он уже собирался увести свой отряд на станцию Гашун.

Станция Гашун была местом сбора всех партизанских отрядов Сальского округа.

Собрать конные партизанские отряды и объединить их в полки — такое решение приняло командование Десятой армии.

В Гашун прибыл Климент Ефремович Ворошилов.

ГАШУН — СТАНОВИЩЕ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ

Как слышали бабы, что партизаны уходят из Платовской, заголосили, запричитали:

- Без мужиков не остаемся!
- На издевку белякам оставаться, что ли?
- От мужиков не отстанем.

Бабы и ребятишки окружили нас плотным кольцом.

Буденный подумал и решил ребятишек и женщин не оставлять. Не пропадать же им, если вернутся белогвардейцы!

Когда день стал клониться к вечеру, из Платовской потянулся отряд с обозом. Ехали с семьями, с ребятами. Скрипели колеса. Степь наполнилась говором.

На ночлег располагались табором. Кругом расставляли посты и дозоры. У каждой телеги разжигали костер. Хозяйки домовничали, готовили ужин, как будто и не воевали мы, а так, всей станицей в ночное собрались.

Станция Гашун превратилась в огромное становище. Здесь собралось больше трех тысяч кавалеристов, тысяч десять пехоты, несколько батарей. Куда ни глянь, везде любопытные картины. Вот группа ребятшек играет на зарядных ящиках. На повозке, рядом с приготовленным к бою пулеметом, мать кормит грудью ребенка. А командиры партизанских отрядов собрались на совещание, созванное командующим Десятой армией товарищем Ворошиловым.

Мы впервые увидели Ворошилова. Говорил он просто, понятно. Из одиннадцати партизанских отрядов-сотен надо создать полк. Это очень поднимет боеспособность отрядов.

Некоторые командиры отрядов ворчали. Их пугал переход от «вольной» партизанщины к железной дисциплине и четкой организованности регулярной армии.

Климент Ефремович терпеливо разъяснял командирам вред партизанщины.

Говорил он так убедительно, что партизаны постепенно уgomонились, согласившись объединиться.

Я был назначен командиром эскадрона.

Не теряя времени, сразу же приступили к учебе. Многие бойцы хорошо управляли конем, но не умели действовать шашкой, в сабельном бою они робели.

Мои ученики с большим старанием обучались сабельному искусству. Каждый старался поскорее перенять, как обрушить сильный удар на противника, как выбить у него неуловимым движением клинка оружие. Но не пробовали еще конники шашку в бою, не было у них поэтому веры в холодное оружие.

Вскоре моим ученикам пришлось держать боевой экзамен.

Это было в начале августа 1918 года.

Однажды на золотистом коне прискакал всадник. Склонившись к шее коня, он еле держался в седле.

Всадник оказался матросом Хохулиным. Он прорвался через кольцо белогвардейцев, его преследовал белогвардейский разъезд. Хохулин прискакал к нам за помощью.

Мы отвели гонца к Ворошилову и Буденному. Они выслушали матроса.

Вот что он рассказал.

Село Мартыновка уже тридцать пять дней окружено белогвардейцами со всех сторон. Село расположено на реке Сал, в шестидесяти километрах от железной дороги, в ста километрах от станции Гашун. В Мартыновке стоят три тысячи красных пехотинцев и триста конников. У них есть орудия, но нет снарядов, есть винтовки, но иссякли патроны. Патроны у них самодельные.

Белогвардейцы обстреливают осажденных из пяти орудий. В селе нечего есть. Осажденные вырыли несколько рядов окопов в человеческий рост и отчаянно обороняются. Женщины и ребятишки помогают братьям и отцам. Белым, несмотря на бешеные атаки, до сих пор не удалось прорвать оборону. Но сейчас положение безвыходное. Обороняться больше нечем. Появились паникеры, которые поговаривают о сдаче белогвардейцам.

Ворошилов приказал кавалерийскому полку Буденного немедленно выступить на помощь мартыновцам.

Ночью двинулись в путь. На рассвете мы встретились с противником и вступили в бой. Вот здесь и держали боевой экзамен мои ученики.

Я стоял на пригорке и наблюдал за ходом боя. Вижу, по лощине передвигаются белогвардейские сотни. Навстречу им пошел мой эскадрон. Вместе с пятеркой старых рубак я остался в резерве. Ой, и не любили же партизаны сидеть в резерве! Как же это без дела сидеть, когда другие бьются?

Лавиной выскочила белая сотня. Низко пригнувшись к коню, ведет ее офицер. Глянул я на своих партизан и ужаснулся. Идут вразброс. Если ударят белогвардейцы по эскадрону, разом сомнут, изрубят.

Офицер, качнувшись, упал на землю.

Я подал команду:
— За мной, в атаку!

И, приподняв поводья, на полном карьере ринулась моя пятерка. Я наметил себе целью головного офицера. Взмахнул клинком — и офицер, качнувшись, упал на землю. Неожиданный удар с фланга внес смятение в ряды белогвардейцев. Партизаны осмелели и перешли в атаку. Бойцы отлично выдержали экзамен. После этого боя вера в холодное оружие укрепилась.

Противник упорно и ожесточенно оборонялся. Под вечер мы перешли в атаку по всему фронту. Семен Михайлович скакал впереди эскадронов.

В тыл к белым геройски проскочила пулеметная тачанка. Пулеметчики стали поливать беляков из пулемета. Это решило исход боя — белые в панике повернули лошадей и стали удирать. Мы гнались за ними не отставая. Пятнадцать километров продолжалась бешеная скачка. Великолепные быстроходные донские кони после дневного марша и боя все время шли полевым галопом. Многих белогвардейцев мы уничтожили в этом бою.

Сумерки застали нас в семи километрах от Мартыновки. К ночи мы вступили в село.

Мартыновцы были спасены. Не было предела ликование и радости, когда они увидели собственными глазами товарищей Ворошилова, Буденного и красных бойцов.

Не теряя времени, все жители Мартыновки с семьями и обозами, под охраной боевого отряда, двинулись из Мартыновки к станции Куберле.

Ворошилов телеграфировал в Царицын командованию:

«Мартыновцы вышли бодрыми и свежими после тридцатипятидневной осады. Они готовы продолжать борьбу».

МОСТ ЧЕРЕЗ САЛ

6 августа утром вместе с защитниками Мартыновки мы двинулись на станцию Куберле для соединения с главными силами.

Мы торопились отойти за реку Сал. Иначе нам грозила опасность быть отрезанными от Царицына.

С боями мы продвигались вперед. Обозы с семьями шли в середине, как бы конвоируемые нашими отрядами. Отряды, отражая белогвардейские атаки, организовали своеобразную круговую подвижную оборону.

Вот и река Сал. Хотя и близко до другого берега, но не переправишься — белогвардейцы взорвали мост. С шипением затормозил колеса наш бронепоезд, дохнул в небо черным дымом и остановился.

Кроме бронепоезда, с нами было около десяти составов, взятых на станции Великокняжеская. Паровоз был только у бронепоезда. К вагонам припрягались лошади, быки, сзади подталкивали люди. Такие составы двигались со скоростью двух километров в час.

Река остановила многотысячный поток сальских партизан и беженцев.

Буденный приказал строить мост.

По широкой степи раскинулись становища. Переключаются беженцы — платовские, мартыновские, великокняжеские... На далеких курганах вдруг вспыхнули белые пушистые облачка выстрелов. С визгом и грохотом полетели снаряды в становище, разбивая повозки, калеча и убивая людей.

Под огнем мы приступили к наводке моста. Наводили мост по способу Тамерлана или Александра Македонского: насыпали землю, на подводах подвозили песок и щебень, сотни женщин в подолах, в мешках, в корытах таскали землю. Им помогали ребятишки. Все чаще и чаще рвались снаряды. Белые хотели задержать нашу переправу через Сал.

Простая, но остроумная мысль родилась в голове одного из партизан. В сторону казачьих батарей наметали стога соломы, подожгли — и едкий желтый дым прикрыл строительство моста. Единственный раз в жизни я видел такую дымовую завесу!

Через двое суток огромная земляная насыпь была готова. На насыпь уложили шпалы, рельсы и легонько, вагон за вагоном, перекатали составы. По мосту на телегах перебрались беженцы — старики, женщины и ребятишки. Насыпь сползала, размывалась. Едва все успели переправиться, как бурливая вода размывла наше сооружение. Это хорошо: белогвардейцам уже не переправиться через реку!

Перейдя Сал, конники остановились на отдых в Ильинке.

...По указанию Военного совета приступили к формированию кавалерийской бригады. Меня выдвинули в помощники командира полка.

Бригаде назначили парад. Приказ о параде, подписанный Буденным еще с вечера, прочитали во всех эскадронах. Это небывалое явление взбудоражило всех бойцов. Едва забрезжил рассвет, как в бригаде началось движение. Незнакомое в то время слово «парад» больше всех волновало детвору. Ребятишки мешали взрослым чистить коней и приводить себя в парадный вид. Эскадроны построились по полкам, в каждом полку — до двух тысяч сабель. Разношерстно одетые, вооруженные кто винтовкой, кто обрезом, кто пикой, кто шашкой, красноармейцы гордо сидели на конях.

Смотреть парад собрались все обитатели лагеря. Ждали Семена Михайловича Буденного. Вдруг подлетел всадник. Взволнованный, он сообщил, что белогвардейцы окружили в Котельникове партизанский гарнизон. Гарнизон дерется третий день и просит помощи...

Эскадроны загудели:

— Надо выручать!

Буденный приказал: отставить парад, бригаде выступить на выручку партизан.

Закокали копыта. Бригада выступила в поход.

Под Котельниковом смелым ударом с тыла мы разнесли в пух и прах белогвардейский отряд.

В станице нас встретили восторженно. Полки лихо гарцевали по улицам. Это и был «парад». Вели пленных белогвардейцев—около тысячи пехотинцев и триста кавалеристов. Конвоиры зло поглядывали на них и ворчали:

— Порубать бы их надо было, моду придумали: белых в плен забирать. Цацкаться тут еще с ними!

Жестокость белых в отношении пленных партизан была всем известна. Обычно красноармейцы в плен не сдавались: белые все равно расстреляют или изрубят. А у нас приказ по бригаде категорически запрещал расстреливать и рубить пленных.

Мы стояли в Котельникове около трех дней. Котельниковский отряд включили в нашу бригаду. За три дня белые успели нас окружить. Мы прорвали окружение и с боями двинулись к Царицыну.

До Царицына оставалась сотня верст. Патроны были на исходе. Среди беженцев появились больные. Истощенные долгими переходами лошади еле тянули повозки.

КОННИЦА ПОД ЦАРИЦЫНОМ

Мы пробивались к Царицыну. До нас доходили сведения, что Царицын вторично окружен белогвардейцами, части под руководством Ворошилова отбивают натиск белых. Мы стремились на помощь защитникам героического города. По жаре и безводью, с упорными непрерывными боями шло вперед ядро будущей Конной армии.

21 октября мы встретились с частями Десятой армии и снова увидели Ворошилова. Воспрянули духом бойцы, облегченно вздохнули семьи.

2 ноября мы наголову разбили пять белогвардейских полков. 13 ноября мы изрубили большой офицерский отряд князя Тундутова. А 26 ноября совершили налет на Аксай, захватив большие трофеи и разгромив крупные белогвардейские части.

За эту победу нас благодарил Климент Ефремович Ворошилов и сообщил, что ходатайствует о награждении Семена Михайловича Буденного орденом Красного Знамени.

Красная конница выросла в сводную кавалерийскую дивизию.

В начале 1919 года белые начали третье наступление на Царицын. Генералы бросили на город семьдесят тысяч белогвардейцев.

Они повели стремительное наступление и начали теснить нас.

Слышу, ночью меня кто-то будит. Спросонок ругаюсь, норовлю повернуться на другой бок и снова уснуть. Сказалась усталость: двое суток не слезал с седла. Чувствую, кто-то настойчиво тормозит:

— Городовиков! Да вставай же! Ехать надо, быстро...

Это был Буденный.

По дороге Семен Михайлович рассказал мне, что бригаду потрепали, а комбриг серьезно заболел.

Затем Буденный заключил:

— Так-то вот, Городовиков! Придется тебе командовать бригадой.

— То есть как это — командовать бригадой? — удивился я.

— Очень просто. Принимай и команду. Партия тебе поручает.

...Мы приехали в большое село на Волге, Райгород, где стояла вторая бригада.

Нам отвели квартиру в поповском доме.

А утром я вступил в командование второй бригадой. Сейчас легко сказать: «вступил в командование», а тогда сколько волнений я пережил! Ведь я почти не умел писать, а тут — полки, артиллерия, обоз, люди доверены...

Подумал, подумал и решил: партия доверила, она и поможет.

В тот же день повел я бригаду в бой.

Бой длился до темноты. Наши части перемешались с противником. Трудно было понять, кто и куда стреляет. Мы расположились вместе с Семеном Михайловичем во дворе, недалеко от церкви. Вдруг слышим — скачет кто-то. Буденный окликает:

— Кто идет?

— Свои! Штаб ищем!

— Штаб здесь, — спокойно говорит Семен Михайлович, — заезжайте.

Во двор въехали всадники. Оказалось, это белогвардейцы. Они везли донесение в штаб полка. За ночь мы перехватили около тридцати ординарцев противника. Конники их встречали на улице, затем приводили к нам.

19 января белые обрушились на вторую бригаду и начали перебрасывать свои части, грозя отрезать бригаде путь отхода на единственную в этом районе переправу через Волгу.

Под градом пуль и снарядов проскакал Крымский полк через Волгу. За ним двинулся броневик. Лед трещал и гнулся, броневик дал полный газ и проскочил основное русло Волги. Впереди — разветвление Волги; лед не выдержал — машина провалилась, к счастью, недалеко от берега. Ее выволокли.

Переправу закончили в темноте. Вышли на берег; местность незнакомая. Карт нет. Мороз...

Обстановка тревожная. Отведя полк к правому флангу, я с группой всадников выехал вперед на разведку. Возвращаясь мимо сторожки лесничего, мы натолкнулись на засаду белых. С крыши застрочил пулемет. За нами с гиком бросились полсотни казаков. Привстав на стременах, кричу во весь голос:

— Занимай лесок!

Руки окоченели. Вижу, с правой стороны нагоняет меня всадник с вытянутой вверх рукой, в руке — граната. Выхватываю наган, стреляю — промах. Всадник кричит:

— Что делаешь, командир?

Я узнал в нем матроса, бывшего когда-то моим ординарцем...

Бойцы доскакали до леса, спешили, открыли огонь.

Как выяснилось потом, спаслись мы совершенно случайно, и спасителем нашим был матрос. Не умея владеть шашкой, он всегда возил ее притороченной к седлу. Когда белые внезапно атаковали нас, он выхватил из кармана ручную гранату без капсюля и, погоняя ею лошадь, во весь дух начал удирать от казаков. Белые, видя в руках у матроса гранату, боялись к нему приближаться.

Вспоминая потом этот случай с гранатой, мы от души хохотали, а матрос улыбался:

— Хоть ненарочно, а здорово вышло, ребята...

Боевые качества нашей конницы росли с каждым днем. Излюбленным тактическим приемом, приносившим неизменный успех, являлись ночные набеги в тыл противника всей бригадой. Обычно на дневки мы располагались в тридцати верстах от белых, высылали разведку и охранение. В полночь, соблюдая полную тишину, бригада снималась с места и шла в ночной налет.

Обнаружив белых, мгновенно всей бригадой обруши-

вались на них. Действия в поле, в открытом встречном бою также велись своими, излюбленными приемами. Подпустив противника на дистанцию пулеметного огня, орудия и тачанки вихрем вылетали на открытые позиции и обрушивали на врага шквал огня. Вслед за этим сразу же переходили в атаку конные группы. Буденный, командиры бригад и полков всегда лично водили свои части в атаку. В момент атаки, которая всегда была стремительной, пулеметчики и артиллеристы — у них были прекрасные лошади — не отставали от атакующих эскадронов. Часто оружейный расчет врубался вместе с нами в ряды белогвардейцев.

В белых станицах кулачье и офицеры вели бешеную агитацию за формирование новых белогвардейских частей. Им удалось сформировать отряд старых казаков в пятьсот сабель. Не один бой имели мы с «бородачами» и как-то однажды, захватив их врасплох на берегу Дона, разбили наголову. В этом бою погиб наш общий любимец бесстрашный командир полка Мирошниченко.

Миллионы людей, которых царский режим держал вдали от политики, теперь по-новому стали смотреть на жизнь. Неразрывные узы отныне связывали их с большевистской партией.

Толчком для моего вступления в партию послужил, казалось, совершенно незначительный случай.

В марте 1919 года, когда мы разгромили под Царицыном армию генерала Краснова и, преследуя, добивали ее остатки, я задумал организовать технический эскадрон. Название по меньшей мере странное: никакой техники в этом эскадроне не было. Это был просто эскадрон связи, причем связи живой. В то время обычно все управление боем и связь с частями осуществлялись исключительно посредством конных ординарцев.

Ну так вот. Проходя по Дону до Сальских степей, я набрал в эскадрон связи около двухсот добровольцев. Народ прямо на подбор: грамотные ребята, развитые, исполнительные. Любуюсь своим эскадроном, сердце радуется. «Золото, — думаю, — а не народ!»

Подходит однажды ко мне комиссар и говорит:

— Ока Иванович, а ты заметил, что эскадрон связи у нас здорово засорен?

Я посмотрел на комиссара с удивлением:

— Как это «засорен»?

— Да так вот. Чужого народу много.

— Кто это тебе сказал?

— Особый отдел.

Я снова в недоумении.

— Скажи, пожалуйста,— говорю комиссару,— что это за особый отдел?

Комиссар тут же преподал мне элементарный урок политграмоты. Он сказал, что в эскадрон просочились белые офицеры, урядники, прапорщики и исподтишка ведут подрывную работу, пытаюсь внести разложение в ряды бойцов.

В политике в ту пору я был младенцем. После беседы с комиссаром я стал пристально изучать людей, чаще беседовать со своим комиссаром.

Однажды он сказал:

— Как это так, Городовиков, воюешь ты против белых с первых дней революции, командиром большим стал, а в партию не вступил?

Такой оборот речи для меня был неожиданным да, признаться, в те дни и непонятным.

Подумал я и говорю:

— А скажи, товарищ комиссар, какая мне разница? Воюю я за Советскую власть и за свободу. Разве я не большевик?

Комиссар отвечает:

— Большевик-то большевик, да не совсем.

— Почему?

— Да вот, Ока Иванович, с политикой у тебя слабовато.

— Ну что ж! Я, братец мой, человек малограмотный. А политика — дело трудное...

Комиссар стал все чаще и чаще беседовать со мной.

Однажды я ему говорю:

— Комиссар, я вступаю в партию. Только смотри насчет политики помощь оказывай.

Комиссар обрадовался:

— Ну вот и хорошо, Ока Иванович!

Один за другим стали вступать в партию бойцы и командиры. Помню, один мой боец писал:

«Прошу вас принять меня, как сочувствующего, в

рабоче-крестьянскую партию коммунистов-большевиков. Желаю вступить в эту партию, так как я понял, что это есть действительно наша святая рабоче-крестьянская партия, в которой я, простой красноармеец, могу научиться жить партийной жизнью и научиться доброму делу помогать друг другу в нужде и горе, будем делиться друг с другом знанием и научимся новому знанию, и поэтому, товарищи, прошу принять меня в партию».

Таких заявлений тогда было много.

Комиссары нашей конницы наравне с командирами участвовали в боях, вызывая восхищение бойцов. Надо было видеть, с какой трогательной заботой бойцы оберегали любимого комиссара! Они говорили ему:

— Ты вперед нас не лезь! Убьют тебя, жалко будет. Парень ты свой, хороший.

Невозможно перечислить случаи, когда бойцы с риском для жизни буквально из огня спасали раненых политработников.

Многие комиссары отдали в боях свою жизнь.

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ ПОГОНИШЬСЯ...

Белоказачья дивизия генерала Голубинцева, состоявшая из четырех конных полков, орудовала у нас в тылу и творила много бед.

Было дано указание: «Ликвидировать Голубинцева». И вот, когда мы со своей дивизией появились в Островской, в станицу приехал Семен Михайлович.

— Городовиков, — обратился он ко мне, — ты должен достать «языка»¹. Надо точно узнать, где эта чертова дивизия Голубинцева. Мы шлепнем ее, только мокрое место останется.

Я выслушал приказание Буденного и, взяв с собой эскадрон, поехал в разведку за «языками».

Выехал на восточную окраину Островской. Вдруг вижу — вытягивается какая-то конная колонна... Выскочил вперед — узнать кто. Оказывается, голубинцы.

---

¹ Достать «языка» — значит захватить в плен неприятельского офицера или солдата, который сможет рассказать о расположении своих частей.

Смотрю — слева группа всадников. Я скачу на них. Они повернули. Я догнал одного и замахнулся шашкой.

— Бросай оружие, — кричу, — и скачи за мной!

Поскакал за другим — уж очень хотелось привести Буденному два «языка». Оглянувшись, смотрю — мой пленный повернул и удирает в станицу, а тот, за которым я гнался, ускакал.

Я повернул обратно, нещадно ругая себя:

— Погнался за двумя зайцами, ни одного не поймал!

Да, собственно говоря, «зайцы» были уже не особенно нужны. Дивизия Голубинцева была найдена. Оставалось только ее разбить наголову.

НАЛЕТ НА ХУТОР ЭЛЬМУТА

В марте 1919 года наша кавалерийская дивизия продвигалась по родным местам. Снова я видел родные Сальские степи, станицы, которые знал и любил с детских лет. Степи были изрыты снарядами, станицы разорены и сожжены белой армией, степные дороги истоптаны конскими копытами и изъезжены артиллерией.

Дивизия шла берегом Дона. Ей поручалось зайти во фланг противнику и разбить его тыл, чтобы облегчить наступление нашей Красной Армии.

И вот мы снова в родной станице Платовской. Мы легко выбили из Платовской мелкие белогвардейские части: это были не те времена, когда Буденному приходилось с семью бойцами драться в станице против четырехсот вооруженных белогвардейцев! Мы взяли в плен много солдат, офицеров и, не останавливаясь, продолжали марш на Великокняжескую.

По дороге мы увидели хутор Мокрая Эльмута. На этом хуторе я жил еще до военной службы. В степях вокруг этого хутора я когда-то пас скот. В Мокрой Эльмуте все было знакомо, и не мне одному. Целый эскадрон нашей дивизии состоял из уроженцев Мокрой Эльмутой.

Хутор был занят белогвардейцами. «Наверное, измываются над близкими и родными, наверное, творят всякие бесчинства», — думали бойцы.

Неужели мы пройдем мимо родного хутора стороной?

Бойцы начали просить:

— Разрешите выбить из родного хутора белогвардейцев!

Буденный подумал и согласился. Он приказал мне:

— Возьми с собой эскадрон, захвати хутор. После выступишь, будешь прикрывать мой левый фланг — я пойду прямо на Великокняжескую.

Взяв один эскадрон, я двинулся. Когда начало светать, мы были уже в двух километрах от хутора. Навстречу нам ехал всадник. Мы остановили его:

— Куда едешь?

— В Платовскую.

— Зачем?

— Полковник послал за папиросами и за водкой, — ответил белогвардеец, очевидно полковничий денщик.

— Сколько вас на хуторе?

— Обоз второго разряда двух кавалерийских полков да около тысячи человек пехоты.

— Пулеметы есть?

— Восемь станковых.

— А конница?

— Полуэскадрон.

— Что делают?

— Моются, собираются завтракать. Никак вас не ожидают.

В морозном рассвете был ясно виден весь хутор — большой, растянутый на три четверти километра по реке Эльмута.

Я приказал бойцам:

— Пойдем в атаку с трех сторон. Залетайте по два, по три на каждый двор и командуйте что есть силы: «Здесь большевики! Без оружия бегом на плац, живо!» А я буду ожидать на плацу. Беру с собой коновода.

Я приказал эскадрону перейти в галоп. Хутор стоял на ровном месте, в широкой степи, никаких прикрытий не было. Я понесся карьером, и через несколько минут мы с моим коноводом были уже на огромном пустом плацу.

Со всех дворов слышались команды:

— Здесь большевики! Без оружия бегом на плац, живо!

Это мои орлы командовали белогвардейцами.

И вот со всех сторон на плац хлынули ошеломленные беляки. Они бежали со всех дворов, без фуражек, с сапогами под мышкой, в одном нижнем белье. Их было так много и они так здорово бежали прямо на меня, что мне не по себе стало: а черт их знает, вдруг разберутся, что нас двое всего с коноводом, да как окажется у кого-нибудь оружие, да пальнет кто-нибудь по мне? А белогвардейцев набегало все больше и больше.

Уже совсем рассвело, наступило морозное тихое утро. На плац собралась целая толпа поеживающихся от холода раздетых людей.

«Что мне с ними делать?» — подумал я.

На мое счастье, из толпы вдруг вышел знакомый по царской армии донской казак, урядник Кузнецов. Он вначале очень испугался, но, увидев меня, осмелел:

— Городовиков, ты помнишь меня?

— Еще бы не помнить! — отвечаю. — Разговаривать только некогда. Построй, Кузнецов, живо отряд в две шеренги!

Кузнецов стал строить белогвардейцев в две шеренги. А моих бойцов все нет и нет. На плацу только я, коновод да почти целая тысяча белых. Бойцы мои, видно, уже разбежались по родным, завтракают и делятся новостями. «Как бы кто не опомнился да меня не ухлопал», — беспокоюсь про себя.

А Кузнецов докладывает, совсем как, бывало, в казачьей сотне:

— Господин полковник, в строю девятьсот девяносто пять человек.

— Оружия ни у кого нет? — спрашиваю.

— Нету, — отвечает. — Какое оружие! Покидали!

Смотрю на них — посинели от холода, зубами стучат. Тут уж стали подходить мои бойцы. Приводят пленных, раздетых и перепуганных. Пулеметы белогвардейские тащат за собой. Докладывают, что семь офицеров, услышав крик: «Здесь большевики!», покончили жизнь самоубийством.

А один боец привел человека без сапог, без фуражки, в тонком плаще, надетом поверх нижнего белья:

— Товарищ командир, я вам самого полковника приволок,

В страхе полковник даже забыл, что без фуражки честь отдавать не полагается, лепечет:

— Бывший учитель мирного времени, ныне полковник такой-то.

— Как же вы, учитель мирного времени, полковника заслужили? — удивился я.

— Произвели. У нас это быстро. Сегодня прапорщик, завтра полковник. Извините...

А мои бойцы всё приводили и приводили пленных. Привели восемнадцать офицеров и очень много солдат. Всех их бойцы обезоружили. А когда подсчитали трофеи, оказалось: забрали мы тысячу повозок с имуществом и пять мешков деникинских бумажных денег, которые назывались «колокольчиками».

«Колокольчики» я решил раздать крестьянам. Поставили на плацу стол, крестьяне встали в очередь, а мои бойцы вынимали из мешков деньги целыми пачками и раздавали.

Через несколько часов мы двинулись дальше — на прикрытие левого фланга дивизии. Буденный готовился неожиданным ударом разбить тыл противника. На такие дела он был большой мастер.

РАНЕН

Солнце клонилось к вечеру, а бой продолжался. Противник в беспорядке отходил за хутор. Я уже зарубил семерых белогвардейцев. Маруся моя неслась все дальше и дальше. Я продолжал преследовать бегущих, не замечая, что остаюсь один. Мои бойцы оставались далеко позади, не успевая за Марусей. Офицер выстрелил из карабина. Резкий ожог в правое бедро заставил меня ухватиться крепче за гриву Маруси. Низко пригнувшись к шее лошади, увидел, что по обеим ногам, заливая седло и бока лошади, струями льется кровь.

«Скорее бы добраться до своих», — подумал я.

Почти теряя сознание, проскакал верст пять. Вдруг встречается наша пулеметная тачанка.

— Да вы ранены, товарищ командир! — закричали бойцы и уложили меня на тачанку.

Никогда не забуду, как плакала крестьянка, хозяйка

избушки, в которой я ночевал: она вспомнила своего сына-красноармейца. Рано утром наша дивизия тронулась в путь. К избушке подъехала тачанка. Мой ординарец постелил мне соломы. Вдруг старуха выбежала с двумя большими подушками:

— На, сынок, постели, родимый, под себя. Все ранкам-то твоим будет спокойнее.

Кони рванули тачанку. Ко мне прикомандировали лекпома, который делал мне перевязки. Впоследствии я узнал, что он не лекпом — коновал. Буденный все же велел мне лечь в госпиталь. Пролежал я в госпитале двое суток, ходил на костылях. Больничная обстановка мне не понравилась. Подговорил я несколько раненых, которым тоже не нравилось лежать на койках, и мы сбежали на фронт. Ходить я как следует не мог и несколько недель ездил на тачанке. Так и командовал, лежа на тачанке. Но бойцов своих не кидал.

ЛЕТЧИК И КУЗНЕЦ

К 1 мая части Красной Армии заняли станцию Торговая, готовясь наступать на Ростов-на-Дону.

Однако положение частей Десятой армии было тяжелое. Глубоко вклинившись в расположение противника и растянув свой фронт больше чем на триста километров, армия оказалась без резервов.

В это время при активной поддержке стран Антанты контрреволюционные Донская и Добровольческая армии объединились и под общим командованием Деникина предприняли новое наступление. Против Десятой армии Деникин выставил свои лучшие кавалерийские части под командованием генералов Врангеля и Улагая.

Прорвав фронт красных частей, белые начали теснить Десятую армию к Царицыну. Наша конница должна была прикрывать отход армии. Буденный дал указание наносить противнику молниеносные удары и уничтожать его по частям. 30 мая конная дивизия Буденного внезапно налетела на пехотную дивизию белых и разгромила ее, захватив 42 орудия, 160 пулеметов и обозы.

В середине июня 1919 года части Десятой армии снова заняли оборонительные позиции вокруг Царицына.

Вскоре началось четвертое наступление белых на «Красный Верден» — Царицын.

В условиях маневренного характера войны и обширного театра военных действий со слабо развитой сетью шоссейных и железных дорог действия конницы приобретали первостепенное значение.

Учтя это обстоятельство, белогвардейцы сформировали крупные кавалерийские соединения. Прорываясь через фронт наших пехотных частей, конница врага заходила к нам в тыл.

Необходимо было противопоставить белогвардейской коннице крупные соединения красной конницы. Этот вопрос был поставлен в Реввоенсовете республики, и вскоре с одобрения В. И. Ленина на базе наших конных дивизий начал организовываться Первый Конный корпус.

26 июня 1919 года корпус был сформирован. С. М. Буденный принял командование им.

10 августа 1919 года белый генерал Мамонтов провалился в тыл наших войск. У генерала было три кавалерийские дивизии, пехота, бронемашины, артиллерия. Генерал надеялся, что у нас в тылу он поднимет мятеж против Советской власти.

Расчеты генерала не оправдались. Девять тысяч мамонтовцев грабили деревни, жгли попадавшие им на пути склады и обозы. Население не могло сочувствовать грабителям и насильникам.

Мятеж не удался.

Озверевшие мамонтовцы носились по деревням и селам с такой быстротой, что казались неуловимыми. Наша пехота не могла найти белого генерала.

Тогда Климент Ефремович Ворошилов, находившийся на Украине, послал телеграмму Ленину.

По его мнению, единственной преградой мамонтовскому рейду мог стать Первый Конный корпус.

И вот Конный корпус получает ответственнейшее задание: догнать и разбить генерала Мамонтова. Мы выступили в поход и отправились на поиски генерала.

29 августа Мамонтов резко изменил направление, повернул на юг. Мы продолжали его искать и шли по его следам.

В районе станции Таловой бойцы нашей дивизии увидели самолет. У красной конницы сначала своих са-

молетов не было. Самолет стал кружить над нашей колонной.

Семен Михайлович Буденный сказал:

— Этот белогвардеец наверняка тоже ищет Мамонтова. Опустить знамена, махать шапками изо всей силы: пусть он нас примет за мамонтовцев!

Бойцы опустили знамена и стали кричать и махать шапками. Покружив несколько минут над дивизией, самолет внезапно снизился и бреющим полетом пошел над самой землей. Летчик сделал посадку около санитарной линейки.

Лошадь шарахнулась в сторону. На линейке сидел вихрастый казак.

Летчик вылез из самолета и спросил:

— Казаки?

Повозочный не растерялся и ответил:

— Так точно, казаки!

В это время я подскочил к самолету. Летчик отдал мне честь и спросил:

— Мамонтовцы?

Я поспешил подтвердить:

— Так точно, мамонтовцы!

Летчик обрадовался.

— Слава богу! — сказал он и протянул мне пакет. — От генерала Шкуро генералу Мамонтову.

Он оказался иностранным офицером. Говорил по-русски иностранец отлично. Он объяснил мне, что долго искал мамонтовские части.

В эту минуту подъехал Буденный. Я передал ему пакет.

Буденный внимательно прочитал письмо. В письме генерал Шкуро предлагал генералу Мамонтову соединиться и действовать вместе против конницы Буденного.

— Вы попали к Буденному, — сказал летчику командир корпуса. — Спасибо за письмо.

Офицер стал доказывать, что он нейтрален. Он только выполняет свои обязанности.

Буденный приказал привести офицера в штаб.

— А что же с самолетом нам делать? — спросил Буденного начальник штаба. — Летчика у нас нет, использовать мы его сейчас не можем.

— Найди технически грамотного человека и сдай ему

под расписку,— приказал Буденный.— Самолет после нам пригодится.

Повозочные запрягли лошадей и, к великому удовольствию бойцов, торжественно отвезли самолет в ближайшее село. Здесь стали искать самого технически грамотного человека. Таким человеком оказался местный кузнец. Ему строго-настрого приказали хранить машину до прихода красной пехоты.

Впоследствии этот самолет сослужил нам большую службу.

НЕОБЫЧНАЯ ПЕРЕПИСКА

Мамонтов ускользал. Он сжег станцию Таловую и снова исчез. Он не хотел встречаться с красной конницей и уклонялся от боя. Мамонтов шел на Воронеж. Вскоре мы узнали, что он сумел соединиться с генералом Шкуро и укрепился в Воронеже.

Когда Конный корпус очутился у Воронежа, пошли дожди. Дороги стали труднопроходимыми. Буденный учел, что у нас всего две конные дивизии, а у белогвардейцев шесть. Он решил выждать, к неудовольствию наших бойцов.

— Когда же мы в бой пойдем? — спрашивали бойцы.

Но Буденный отмалчивался.

— До каких же пор мы будем стоять? — начали роптать конники.

— Погодите,— говорил комкор.— Еще навоюетесь.

Однажды к Семену Михайловичу привели пленных шкуровцев. Их захватили наши разведчики.

Буденный позвал начальника штаба и продиктовал ему письмо:

«Двадцать четвертого октября, в шесть часов утра, я прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генералу Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у Круглых рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично».

Когда письмо было написано, Буденный подписал его и передал пленным:

— Вот что, ребята: отнесите письмо самому генералу Шкуро. Только смотрите, больше против нас не воевать! Во второй раз попадетесь — расстреляю.

Пленных отпустили. Они отправились в Воронеж.

Слух о том, что Буденный «переписывается» с генералом Шкуро, прошел по всем эскадронам. Ну и довольны же были бойцы этой совершенно необычной перепиской!

СМЕЛАЯ РАЗВЕДКА ДУНДИЧА

Дундич был храбрый человек. Серб по происхождению, Олеко Чолич был любимцем всех наших конников. В Советской Республике Дундич обрел свою настоящую родину и защищал ее со всем пылом горячего сердца.

Звали его все Антон Иванович, так как Олеко Чолич выговорить бойцам было трудно. У Дундича была пятерка отважных товарищей. И Дундич и его товарищи всегда носили в карманах офицерские погоны и урядничьи знаки. Как только конница шла в атаку, Дундич надевал погоны, а его соратники нацепляли на себя знаки урядников. Они врывались в самую гущу белогвардейцев. Офицеры принимали Дундича за своего, а он рубил их налево и направо. Часто он хватал за шиворот офицера постарше чином, сажал к себе на седло и забирал в плен.

Под Воронежем дали Дундичу ответственнейшее поручение — разведать, где расположены проволочные заграждения белогвардейцев. Глухой ночью Дундич со своей отважной пятеркой товарищей выехал на шоссе. Они нацепили погоны и знаки различия. Доехали до белогвардейских застав. Часовые остановили их.

— Не видишь, что ли, дурак, кто едет? — прикрикнул Дундич на старшего, и застава их пропустила.

Дундич забрался в расположение белогвардейских войск. Он выведал все, что было нужно для предстоящего наступления. На рассвете он вернулся обратно целый и невредимый, в офицерских погонах и с офицерским Георгиевским крестом на груди.

Он снял свои офицерские различия и подробно рассказал о всех белогвардейских укреплениях.

Настал один из знаменательных моментов гражданской войны. Мы стояли против вымуштрованной белогвардейской отборной конницы, численно вдвое превосходившей нас.

Белогвардейской конницей командовали закаленные в боях, окончившие академии царские генералы.

Нашей конницей командовали бывший вахмистр драгунского полка крестьянин станицы Платовской Буденный и калмык — казак той же станицы — Городовиков, рабоче-крестьянские командиры.

В ночь с 18 на 19 октября Шкуро отдал приказ: разбить конницу Буденного по частям.

Три колонны шкуровцев шли на нас с разных сторон. Корпус Буденного ждал их, собранный в кулак.

В четыре часа утра одна из колонн генерала Шкуро вплотную подошла к красной коннице. Буденный ринулся в атаку. Начался горячий бой. В тумане наши конники рубили белогвардейцев. Атака была так стремительна, что белогвардейцы не выдержали — повернули на Воронеж.

До 23 октября мы разбили остальные колонны противника. В холодные октябрьские ночи становилось жарко от схваток. Наконец к вечеру 23 октября мы окружили город с трех сторон.

Шкуро защищался до последней возможности. Его конница позорно бежала, и он мобилизовал всех бывших офицеров, полковников, генералов, гимназистов, чиновников и даже купцов и торговцев.

Город защищал «буржуйский батальон». Даже попы дрались в рядах этого батальона.

Рассказывают, что генерал Шкуро, провожая на фронт это «почтенное войско», наставительно говорил отставным седовласым генералам:

— Итак, господа, на вас вся надежда. Люди у вас отборные, поэтому я назначаю вас командирами отделений. Разобьете Буденного, получите продвижение.

«Отборные люди» генерала Шкуро оказались сборищем трусов.

Воронеж был взят в ночь на 24 октября, точно в срок, обещанный Буденным генералу Шкуро в известном его

письме. Сам генерал Шкуро спасся бегством. Он бросил свой поезд и усакал на коне. В поезде мы нашли отличный «генеральский» обед.

В числе пленных оказались три попа-вояки из «буржуйского батальона». Я долго думал: что с ними делать, куда их приспособить?

Решили назначить в обоз воловщиками. Дали мы им по паре волов, и они стали усердно возить сено.

Буденовцы, заезжая в обоз, добродушно посмеивались:

— Любуйтесь, ребята, кто не видел: опиум для народа в живом виде.

— У попа паства была, а осталось два вола!

Иногда в редкие минуты досуга конноармейцы-обозники заводили с попами беседы о боге и святых:

— Скажи, батя, по совести, сам-то ты веришь в бога?

— А чем ты докажешь, что есть бог?

Попы сначала несли всякую околесицу, потом один из них чистосердечно сказал:

— А черт его знает, есть бог или нет! Вероятнее всего — выдумка.

— Точка! — веселились конноармейцы. — Попы растрясли на волах весь свой опиум!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДОН

Мы недолго отдыхали в Воронеже. Первый Конный корпус получил новую задачу — взять станцию Касторная. На берегу Дона нас поджидали белогвардейцы. Они твердо решили не допустить нас на другую сторону реки. Чтобы отвоевать переправу, нам пришлось четыре дня упорно драться. Наконец переправа началась. Переправлялись по шаткому деревянному мостику, который местные крестьяне называли «мост на куриных ножках». Повозки тянули сами бойцы. В разгар переправы мост обрушился. По реке поплыли мешки с фуражом. Бойцы кинулись вплавь и стали вылавливать их. Вода была очень холодна — октябрь был на исходе. Но бойцы словно не чувствовали холода. Многие взяли в руки по снаряду и стали переправляться через реку на конях вброд. Бойцы снарядов из рук не выпускали.

Начали перебрасывать орудия. Их тянули под водой канатом. Сразу же после переправы орудие ставилось на позицию.

Для воодушевления бойцов неподалеку от места переправы играли два духовых оркестра. Кругом рвались неприятельские снаряды. Попадая в реку, они подымали огромные фонтаны воды.

Переправившись вброд, промокшие до нитки, бойцы с небывалой отвагой бросились в атаку.

УКРАДЕННЫЙ ПРИКАЗ

На станции Касторная стояли два конных белогвардейских корпуса под командой генерала Шкуро, Терская и Кубанская пехотные дивизии, пять бронепоездов, танки.

Бои у Касторной были упорные. Мы дрались несколько дней. Свирепствовал жестокий буран. Был лютый холод. Каждый боец и командир отлично понимали значение Касторненского узла. Противник стянул к Касторной три пехотных, двадцать кавалерийских полков, ганки и бронепоезда. Белые были твердо уверены, что мы не выстоим.

Вдруг к Буденному подскочил ординарец.

— При... приказ отняли! — зарыдал он. — Теперь воны усы сэклеты узнают.

— Брось реветь по-бабьи! Рассказывай толком! — строго приказал Семен Михайлович.

Ординарец вытер рукавом слезы и начал рассказывать:

— Я пидъихав к позиции, мѣни товарищ каже, що начдив у тий колони, що на бугри. И я поихав туды. Ихав и все дывывся туды и бачив, як вони заихали в балку. Пидъихав, а воны булы не красни, а били. Зараз схопылы за повод конягу и кажуть: «Злизай!» Я злиз, воны сразу приказ забралы, а мѣне узялы и повелы расстреливать. Наша втора бригада зашла с флангу да як кинулась оравой на них! А воны тикать. Я как брошусь на конвойного, вырвал винтовку и убег.

Комкор решительно сказал:

— Ну, черт с тобой, не надо быть разиней. Иди!

Он приказал сообщить дивизиям, что приказ захвачен противником, но остается в силе.

Буденный принял смелое решение: ведь противник наверняка подумает, что приказ изменен, мы им и наложим за мое почтение!

Под утро буран стих. Буденный, проезжая на Казбеке мимо полков, бросал:

— Даешь Касторную!

КАСТОРНАЯ

Мы двинулись на Касторную.

Вдруг среди бойцов распространились слухи, что белогвардейцы бросят против нас танки. Танков никто никогда не видел. Всем хотелось хоть разок взглянуть, что это за штука. С другой стороны, танков боялись. О танках рассказывали самые невероятные вещи. Днем ко мне прибежали перепуганные разведчики.

Они кричали все вместе:

— Товарищ командир, беда: хата там какая-то двигается! Огромная-преогромная, и стреляют из окон!

Все бросились что есть духу посмотреть на диковинную «хату». Подскакав к околице, я увидел, что конники со всех концов устремились к танку: любопытство оказалось сильнее страха. Танкист же, думая, что его атакуют, повернул и удрал обратно.

Так и не удалось нам на этот раз повоевать с танком, он больше не показывался.

15 ноября под ураганным огнем белогвардейских орудий и бронепоездов наши конники с пехотой ворвались на станцию Касторная. Мы уничтожили всю белогвардейскую пехоту, захватили орудия, винтовки, пулеметы, обозы.

Касторная была взята.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ

После разгрома белогвардейцев под Касторной согласно плану Реввоенсовета республики Красная Армия должна была рассеять войска Деникина на две части и

потом разбить каждую часть в отдельности. Для выполнения этой задачи требовалось вести наступление высокими темпами. Удар на Донбасс—Ростов должен был осуществляться стремительно и без задержек. Это могла сделать только конница.

Реввоенсовет Южного фронта с личного согласия В. И. Ленина сформировал Первую Конную армию из частей Первого Конного корпуса и кавалерии, приданной ему на усиление.

11 ноября 1919 года Реввоенсовет республики получил от Реввоенсовета Южного фронта следующее донесение:

«Реввоенсовету республики.

Реввоенсовет Южфронта в заседании своем от 11 ноября сего года, исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать Конную армию в составе Первого и Второго Конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и вторую бригаду).

Состав Реввоенсовета Конармии: командарм тов. Буденный и члены — гг. Ворошилов и Щаденко».

Ответственнейшие задачи возлагались и на Реввоенсовет Первой Конной армии. В приказе № 1 Реввоенсовета Первой Конной говорилось:

«На Реввоенсовет Конной армии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача: сплотить части красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную Конную армию.

Вступая в исполнение своих обязанностей, Реввоенсовет, напоминая о великом историческом моменте, переживаемом Советской Республикой и Красной Армией, наносящей последний смертельный удар бандам Деникина, призывает всех бойцов, командиров и политических комиссаров напрячь все силы в деле организации армии. Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом, добросовестно выполняющим приказы, но сознавал бы те великие цели, за которые он борется и умирает.

Мы твердо уверены, что задача будет выполнена, и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя навстречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет

Товарищ Ворошилов с первого дня своей работы среди буденовцев стал душой Конной армии.

еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую и Советскую власть.

Да здравствует Первая Конная Красная Армия!

Да здравствует скорая победа!

Да здравствует мировая Советская власть!

Реввоенсовет: Буденный, Ворошилов, Щаденко».

Дисциплина и организованность не приходили сами собой. Потребовалась огромная работа командиров и политработников, чтобы преодолеть в крестьянских парнях мелкобуржуазную анархичность и партизанские замашки.

Климент Ефремович Ворошилов с первых же дней своей работы среди буденовцев стал душой Первой Конной армии. Его железная воля дисциплинировала и, как цемент, сплавляла бойцов.

Интересная деталь: в разговоре с красноармейцами в первый день прибытия Климента Ефремовича я рассказал им про героический путь большевика Ворошилова. Бойцы слушали внимательно, одобрительно, но в конце беседы высказались так:

— Парень рабочий, к коням непривычен, как-то он будет ездить верхом...

Некоторые с любопытством посматривали в сторону проходившего в это время Ворошилова.

Первые же бои успокоили бойцов. Член Реввоенсовета крепко и ладно сидел на коне, много часов мог проводить в седле, с клинком и маузером ходил в атаку.

Бойцы говорили с любовью:

— Выходит, свой парень Ворошилов.

Стремительными и бесстрашными действиями буденовцы быстро завоевали себе славу. Нередко одно только слово «буденовцы» сеяло панику в белогвардейских рядах. Классовая ненависть к врагам, преданность делу партии Ленина порождали беззаветный героизм красноармейцев, развивали невиданную лихость в бою.

Товарищ Ворошилов с подлинно большевистским умением быстро наладил массовую политическую работу.

...Как-то в Первую Конную армию приехали председатель ЦИК М. И. Калинин и Г. И. Петровский. Конники

устроили парад, после парада обед. На обеде Калинин и Петровский удивили присутствующих. Глядим, достают они из мешочков черные сухари и несколько кусочков сахара. Вот так, думаем, раз! Председатель Центрального Исполнительного Комитета ездит со своими черными сухарями да и ест-то их этак экономно.

Мы спрашивали своих гостей:

— Почему вы приехали со своим хлебом, что, у нас хлеба нет?

— Я думал,— говорит Михаил Иванович,— что вы тоже на пайке, поэтому и привез свой хлеб.

Этот случай нам запомнился потому, что, воюя в богатых черноземных областях, мы имели в обилии продовольствие.

Помню, очень часто после приезда Михаила Ивановича Калинина, взяв у белых богатые трофеи, бойцы говорили:

— Надо несколько посылок в Москву наладить.

И тут же начинали перечислять адреса:

— Ленину!

— Калинин!

— Ну и прямо в ЦК!

ПРИМЕНЯЮ ХИТРОСТЬ

К этому времени белые отступали по всему фронту.

Первая Конная получила приказ наступать на Ростов. Моя дивизия должна была сделать налет на крупную узловую станцию Сватово. Сватово удерживали белогвардейская конница, пехота и бронепоезда. Стремительным налетом мы выбросили белых со станции. Многие белогвардейцев захватили в плен. В качестве трофеев нам досталось двадцать пять поездов с военным имуществом. Эшелоны стояли с паровозами под парами. Белогвардейцы собирались их увезти, но не успели.

Когда мы заняли станцию Сватово, я вышел на платформу. Гляжу, на дверях висит записка:

«Дежурный по станции Сватово военный комендант подполковник такой-то» (фамилию точно не помню, кажется, Голодовский).

«Дай,— думаю,— позвоню на станцию Купянск от

имени подполковника». Оттуда через Сватово должны были эвакуироваться оставшие эшелоны белогвардейцев.

Иду к телефону и вызываю коменданта Купянска. Отвечает какой-то ротмистр.

— С вами, господин ротмистр,— начал я,— говорит подполковник Голодовский. Командующий приказал все имеющиеся на станции Купянск эшелоны немедленно отправить через Сватово.

Ротмистр поверил, что с ним говорит подполковник Голодовский.

— У меня,— говорит,— господин полковник¹, готовы два эшелона. Я их тотчас же отправлю.

Через некоторое время эти эшелоны прибыли в Сватово. Мы их соответствующим образом приняли. Среди груза мы обнаружили пятьдесят пять телеграфных аппаратов Морзе, вагон ваксы, вагон спичек и много других вещей.

Старательный ротмистр отправил и третий эшелон, но эшелон, обстрелянный в пути моими разведчиками, дал обратный ход и вернулся назад в Купянск. Коменданту Купянска, вероятно, доложили, что Сватово занято конницей красных.

Я снова вызываю ротмистра к телефону. Говорю ему:

— Два эшелона прошли через Сватово. Почему вы не высылаете остальные? За задержку эшелонов вы будете отвечать.

Офицер, видимо, начал что-то подозревать. Отвечает:

— Господин полковник, разрешите поговорить с вами начистоту?

— Пожалуйста.

— Скажите, господин полковник, где живет моя тетушка?

— Какая тут, к черту, тетушка! — отвечаю ротмистру.— Дело горячее, а вы с тетушкой лезете. Еще раз предлагаю немедленно выслать эшелоны!

Тут ротмистр стал меня крыть на чем свет стоит.

А я ему отвечаю:

— Вы люди образованные, господин ротмистр, культурные, и ругаться вам не пристало. Чтобы голову вам

---

¹ В обиходе в царской армии подполковников называли полковниками.

не морочить, заявляю: никакой я не подполковник, а самый настоящий буденовец. Станцию Сватово мы заняли. За эшелоны, которые вы выслали, большое спасибо.

Тут такая ругань послышалась в трубку, что даже я не выдержал.

— Довольно! — кричу. — Давайте говорить начистоту, господин ротмистр. Мы вас не тронем, если вы со своими частями и всем имуществом сдадитесь нам. Подумайте: ведь если не сдадитесь, все равно мы вас догоним и никуда вам от нас не скрыться.

Ротмистр еще пуще ругается, но трубку не бросает.

Тогда я говорю:

— Экий вы несговорчивый человек, господин ротмистр! Что ж, если не хотите сдаваться, даю вам прямехонький маршрут: бегите, не оглядываясь, к Черному морю, примите там холодную ванну. Это успокаивает нервы.

Тут уж ротмистр бросил трубку.

СНОВА ВСТРЕЧАЕМСЯ С ТАНКАМИ

Армия продолжала наступление на Донбасс. На переправах через Донец шли крупные бои. Мы подходили к Ростову. Загрохотала артиллерия. Отборные белогвардейские части защищали Ростов.

Я повернул свою дивизию и быстро очутился в тылу противника. Дивизия пошла в атаку.

Вот здесь мы снова встретились с движущимися «хатами»: белогвардейские танки шли к Ростову. Увидев моих конников, неожиданно вынырнувших из тумана, танки стали удирать. Надо вам сказать, что в ту пору танки были тихоходные, они двигались со скоростью семи километров в час. Мои конники мигом их догнали.

Бойцы на полном скаку подлетали к танкам, всовывали дула винтовок в щели и стреляли внутрь танков. Белогвардейцы вышли из машин и подняли руки.

НА РОСТОВ!

По плану командования мы должны были, не доходя тридцати пяти — сорока километров до Ростова, остановиться на ночлег в селах. Но белогвардейские кавале-

ристы, обозы, повозки всюду удирали в Ростов. Наши конники преследовали их. Начинало темнеть, а мы все мчались вперед. Села остались позади. Ночевать было негде. Но ведь надо же где-нибудь ночевать! Часам к десяти вечера мы очутились на кирпичном заводе под Нахичеванью, пригородом Ростова. Завод был расположен в глубоком овраге. Здесь ночевать тоже было негде.

Вышли из оврага на железную дорогу. Видим, идет длинный поезд из Новочеркасска. Поезд мы задержали. В поезде нашли офицерское имущество, домашние вещи, обмундирование. Красноармейцы и командиры приоделись.

В полночь дивизия без шума и без единого выстрела подошла к Нахичевани.

Улицы спали. Вперед пошла разведка.

В одной хате горел огонь. Пели хором песню. Я остановил дивизию и подошел к хатѐ. Навстречу мне вышел офицер. От него пахло вином.

Он кинулся на меня, и я, хотя сам отдал приказ избегать стрельбы и всякого шума, офицера тут же пристрелил.

Вошел я с конниками в хату. Смотрим, набилось там человек тридцать белых казаков. Оказывается, их взводный произведен в офицеры и пьют они магарыч. Они были так удивлены, что сдались нам без сопротивления.

Разъезды вернулись и донесли, что в Нахичевани противника нет. Выслал квартиреров. Сам еду по улице и выбираю себе дом для ночлега. Смотрю, стоит особнячок. Подхожу к двери, стучу. Долго не открывали. Наконец вышла женщина. Спрашиваю: «Чей дом?» Говорит: «Коннозаводчика Мирошниченко». Когда-то в Сальских степях я служил у Мирошниченко табунщиком и пастухом. Спрашиваю: «Где Антон Харитонович?» Хозяйка отвечает: «Не знаю». Выяснилось, что он с сыном убежал.

В столовой был накрыт по случаю рождественского праздника стол. Ждали гостей — белогвардейцев. Сколько разнообразных закусок, вина! Ужин нам пришлось кстати: мы были страшно голодны.

Около двух часов ночи приехали Буденный и Ворошилов. Мы угостили их рождественским ужином.

Ночью патрули привели четырех белых офицеров.

Спрашиваю:

— Откуда?

— Из станицы Аксайской. Приехали в Ростов погулять, освежиться.

— Разве вы не знали, что город большевики заняли?

— Понятия не имели! В сводке говорится, что фронт в ста километрах от Ростова. Мы и сейчас не верим, что вы взяли город.

Офицеры сильно перетрусили. Как сейчас помню, они попросили воды и пили, как лошади. Видно, жарко стало от неожиданной встречи!

Противник пытался было перейти в контрнаступление, но я отдал приказ окружить Нахичевань. Пролетарская окраина Ростова — Нахичевань стала советской.

А в Ростове, занятом дивизией Тимошенко, патрули бойцов ходили по Таганрогскому проспекту. Они забирали ошеломленных офицеров. Тимошенко лично арестовывал множество офицеров — в трамваях, в театрах, в ресторанах. Белогвардейцы опомнились и принялись стрелять из окон домов, кидать в наших конников ручные гранаты. Но все было напрасно.

Ростов был очищен от контрреволюционной нечисти, очищен навсегда.

Взятие нами Нахичевани и Ростова было полной неожиданностью для белогвардейцев. Белогвардейские штабы ничего не знали ни об отходе своей конницы, ни о разгроме пехоты и были удивлены нашим появлением. Помню, даже мальчишки, продававшие газеты, — уж на что дотошный народ! — сначала приняли нас за белых. Вышел я утром из дому, ко мне подбегает газетчик и предлагает утренний выпуск:

— Купите свежую газету! Масса новостей! Красные разбиты под Ростовом! Фронт в ста двадцати километрах!..

Через три дня Ворошилов и Буденный рапортовали: «Курск, Реввоенсовет Южфронта,

Копия Москва, г. Ленину,

Красной Конной армией 9 января 1920 года в 20 часов взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Противник настолько был разбит, что наше наступление в городе не было даже замечено врагом, и мы всю ночь с 8 на 9 января ликвидировали разного рода штабы и военные учреждения белых.

Утром 9 января в Ростове, Нахичевани завязался уличный бой, длившийся весь день. 10 января города были совершенно очищены, и враг отогнан на Батайск и Гнилоаксайскую. Только страшные туманы и дожди помешали преследовать врага и дали ему возможность уничтожить небольшие переправы через реку Койсуг у Батайска и через Дон у Аксайской. Переправы через Дон и железнодорожный мост в Ростове целы.

В Ростове Реввоенсоветом Конной образован ревком и назначены начгарнизона и комендант. В городе масса разных интендантских и иных складов, переполненных всяческим имуществом. Все берется на учет и охраняется.

Сегодня, 11 января, был смотр двум кавдивизиям, где присутствовало много рабочих Ростова и Нахичевани во главе с полной организацией коммунистов. Провозглашены приветствия Красной Армии, Советской Республике и вождям коммунистической революции.

Реввоенсовет Конной от имени Конармии поздравляет вас со славной победой и от всей души провозглашает громовое ура за наших вождей.

Да здравствует великая Красная Армия!

Да здравствует окончательная победа коммунизма!

Да здравствует мировая Советская власть!

Командарм Первой Конной Буденный.

Член Реввоенсовета Ворошилов».

БОИ ЗА НОЧЛЕГ

Стоял двадцатиградусный мороз. Ночевать в степи — значило замерзнуть. Мы ночевали в Торговой. Вдруг со всех сторон началась беспорядочная стрельба. Оказывается, генерал Павлов захотел тоже ночевать в теплых хатах.

С треском и шумом понеслись по станице повозки.

— Белые окружили! — закричали перепуганные обозники, нахлестывая коней. Они мчались во весь опор, сея панику и смятение.

Действительно, со всех сторон в Торговую ворвались белогвардейцы.

Рвались снаряды на улицах, во дворах, в хатах; разгорелся огневой, штыковой и кулачный бой. Трехдюймовками бил белый бронепоезд.

Белые, ворвавшись в станицу, сразу же бросились по квартирам — отогреться. Номера наших полков совпадали с номерами полков противника. Это было причиной ряда курьезов.

— Ты какого полка? — спрашивал буденовец неожиданно ввалившегося «гостя».

— Девятнадцатого! — отвечал «гость».

— Чего же втесался в чужую дивизию? — спрашивал «хозяин».

Рассмотрев погоны, он сразу хватался за винтовку. Пулей, шашкой, а то и просто кулаками отстаивал он свое право и на квартиру и на жизнь.

Наконец после ожесточенных уличных боев мы окончательно вышли белых из Торговой — на мороз, в безлюдную степь.

Окоченев от холода, белогвардейцы зажгли скирды соломы, разбросанные в степи. Пламя костров поднималось к черному зимнему небу.

Генералу Павлову переночевать в Торговой так и не удалось.

В другой раз нам опять пришлось столкнуться с белыми на ночлеге. Мы преследовали врага. В селе Богородском я решил остановить дивизию на ночлег.

Преспокойно начали орудовать мои квартиры, размещая бойцов по квартирам. В это время белые также решили разместиться в Богородском. Наши части они приняли за свои, никак не ожидая быстрого появления красной кавалерии. Наши патрули, не разобравшись, в чем дело, стали скандалить и заявлять белякам, что квартиры все заняты. Белогвардейцы не уступали и попросили отвести их к старшему начальнику. Красноармейцы привели их ко мне на квартиру. Вполне уверенные, что я командир белой дивизии, беляки обратились ко мне:

— Ваше превосходительство! Где нам прикажете занять квартиры?

Я после долгих бессонных ночей никак не мог проснуться и, не сообразив, что это белые, сказал:

— Квартирами ведает начальник штаба.

— Ваше превосходительство! — обратились беляки к начальнику штаба дивизии.

Тот сразу сообразил, в чем дело:

— А, вам квартиры? Сию минуточку!

Он выскочил во двор и поднял тревогу. Квартирьеров захватили, а насевшего внезапно противника быстро разбили.

КОМБРИГ МИРОНЕНКО

Накануне второй годовщины Рабоче-крестьянской Красной Армии Четвертая кавалерийская дивизия выступила в поход.

Утро выдалось пасмурное. Мелкая изморось густой пеленой закрывала горизонт. Зябко отряхивались кони. Ко мне подскакал боец с донесением. На клочке бумаги, видно наспех, было написано:

«Крупные силы конного противника занимают поселок Новокорсунский».

Надо было быстро подготовить дивизию для встречи с врагом. Белые наперерез нам ринулись в атаку. Но мы успели вовремя развернуться. Сокрушительным ударом с флангов мы разгромили четыре полка «непобедимых» мамонтовцев.

Рано утром в день второй годовщины Красной Армии горнисты играли седловку. Ночью было получено донесение, что Горькая Балка занята белой пехотой. Загрохотали батареи. Бригады пошли в атаку и ворвались в станицу.

Мы взяли в плен около четырех тысяч человек, из них семьдесят офицеров, и захватили трофеи — сто пулеметов и пятнадцать пушек.

Вдруг на железной дороге показались дымки — это приближались три белогвардейских бронепоезда. Наши конные батареи открыли огонь. Первые снаряды угодили бронепоездам под колеса. На минуту стрельба с бронепоездов прекратилась. Вперед вырвались мои бойцы.

Под пулеметным огнем они смело скакали к самым поездом и метали ручные гранаты в бойницы.

Бесстрашный и всеми любимый комбриг Мироненко первым примчался к бронепоезду и кинул в бойницу гранату. Вдруг он покачнулся в седле и свалился с коня. Его сразила белогвардейская пуля. Верный конь стал как вкопанный. Смерть комбрига на мгновение ошеломила бойцов, но они сразу же кинулись на бронепоезд и буквально забросали его гранатами. Пулеметная стрельба прекратилась. Беяки выскакивали из поезда и убежали в степь. Мы нагоняли их, они начали отстреливаться.

Я что есть силы крикнул белогвардейцам: «Сдавайтесь, будете живы!» Они продолжали отстреливаться. Тогда мы их атаковали. Многие подняли руки.

В районе хутора Христко мы забрали в плен последние части кубанцев. Первый белогвардейский кубанский корпус прекратил свое существование.

РАЗГРОМ БЕЛОЙ ГВАРДИИ

Под Средне-Егорлыкской мы неожиданно напоролись на белогвардейские конные корпуса. Белогвардейцы спешили, расположились в балке и обедали. Моя батарея выскочила на бугор и стала палить по противнику. Белогвардейцы заматались. Тогда Буденный и Ворошилов на полевом галопе повели за собой бойцов в атаку. Они заходили слева, а я кинулся со своей бригадой в лобовую атаку. Это был внезапный кавалерийский встречный бой. Мы разгромили двумя бригадами целый белогвардейский корпус. Белогвардейцы кинули на произвол судьбы орудия, пулеметы, обоз.

А через несколько дней мы опять встретились с противником. Противник превосходил нас в два с половиной раза. Он выстроил баррикады и укрепления. У белогвардейцев было четыре бронепоезда с дальнобойной артиллерией. Первая Конная пошла в атаку.

Противник выстроил против нас офицерский кавалерийский полк, гордость белой гвардии. Канонада стихла. Было слышно, как мчатся кони. И вдруг в нас полетели сотни снарядов, целые стаи пуль. На сильном скаку падали люди и лошади.

Ветром пустил я коня.

Сбоку ко мне подскочил рослый детина на коне. Он заглянул мне в лицо.

— Ты куда бежишь? — закричал я на него. — Видишь, третья бригада в рубку пошла! Назад!

— Товарищ начдив! — крикнул коновод. — Это бело-гвардеец!

В руках белогвардейца сверкнул окровавленный клинок. Я выстрелил из маузера. Грузно, словно нехотя, беляк сполз с коня.

Все перепуталось. Где свои, где белые, разобрать было невозможно.

Буденный и Ворошилов до темноты много раз водили конников в атаку.

Наконец исход боя стал ясен. В наступившей темноте белогвардейцы бежали в Атаман-Егорлыкскую. Поле сплошь было усеяно трупами. Кое-где продолжали рубиться отдельные группы.

Кони носились без седоков.

Офицерский кавалерийский полк был вырублен на-чисто.

Белой армии Юга в бою под Атаман-Егорлыкской был нанесен сокрушительный и непоправимый удар. Отступление белых превратилось в паническое бегство.

По непролазному от мартовских дождей кубанскому чернозему наши дивизии гнали жалкие остатки «вооруженных сил Юга России».

Отступая, белые бросили громадные запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия. В упряжках бродили испуганные, голодные кони. Нежданная добыча была нам очень кстати: части снабжались плохо, одежда изнашивалась, патронов и снарядов осталось мало.

Бойцы переоделись в новое обмундирование, артиллерийские полки пополнились боеприпасами, а домовитые начхозы ломали голову над тем, на чем везти собранный фураж и продовольствие.

Деникин позже писал в своих мемуарах об отступлении белой армии:

«Десятки тысяч вооруженных людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели, оказывая повиновение в обычном распорядке службы, отказываясь только идти в бой...

Представитель союзных держав просил меня высказаться откровенно.

Мне нечего было скрывать:

— Подымается казачество? Наступление на север? Нет — эвакуация в Крым!»

Иностранцев поражало военное искусство Семена Михайловича Буденного, его умение быстро и точно решать тактические и стратегические задачи. Разбирая его действия, буржуазные военные специалисты неизменно именovali Буденного «генералом». Они были уверены, что Буденный — один из генералов царской армии. Этот «титул» так укоренился за рубежом, что потребовалось специальное разъяснение Народного комиссариата по военным и морским делам.

В нем говорилось:

«Хотя товарищу Буденному приходилось и приходится бить русских, польских и французских генералов, сам он — бывший унтер-офицер, член Коммунистической партии».

«Вооруженным силам Юга России» пришел конец. Деникинщины больше не существовало.

ТЫСЯЧЕВЕРСТНЫЙ ПОХОД

Мы отдыхали в Майкопе. Наш отдых был недолог. Газетные сообщения были тревожные. Польское правительство Пилсудского стягивало к советской границе свои войска.

Бойцы забрасывали политработников вопросами. Политработники и командиры, собираясь вечерами, раздобыв карту Польши, возбужденно обсуждали вопрос: будет война или нет?

Попытки Советского правительства начать переговоры с Польшей не дали никаких результатов. Пилсудский, глава польского государства, не хотел разговаривать о мире. Пилсудский хотел воевать. Он рассчитывал, что уставшие в боях красные войска не выдержат нападения польской армии.

11 марта Владимир Ильич телеграфировал Реввоенсовету Западного фронта:

«Поляки, видимо, воевать будут, мы все возможное делаем для усиления обороны, надо также усилить агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой...»

А в апреле Пилсудский и политический авантюрист погромщик Петлюра, самозванно носивший звание «головного атамана Украины», заключили соглашение о совместной борьбе против Советской республики. При всемерной поддержке империалистов Антанты буржуазно-помещичья Польша начала разбойничью войну против Страны Советов.

Польские войска вторглись в пределы Советской Украины.

Первая Конная получила приказ о выступлении в поход:

«Следуя походным порядком, с попутной ликвидацией очагов бандитизма, к 1 мая сосредоточиться в районе Бердичев — Винница».

Дружно встретили бойцы приказ о походе.

Кузни работали днем и ночью. Ремонтировались тачанки, повозки, походный инвентарь, перековывали лошадей.

Каждый боец старался как можно лучше подкормить коня, как можно лучше подогнать снаряжение. Шутка ли сказать, тысячеверстный путь предстоит Первой Конной!

Со всем имуществом выстроилась армия. Перед выступлением в поход провели летучие митинги. Четыре дивизии двинулись в путь на Ростов, Екатеринослав...

Незабываемы дни этого исторического похода красной конницы!

Мы проходили села, станицы, города. Мы очищали местности от бандитов, ликвидировали кулацкие мятежи. Бойцы Первой Конной стремились как можно скорее добраться к месту назначения.

Армия двигалась быстро. В городах, на крупных железнодорожных станциях наиболее рьяные «политики» — а таких среди бойцов было немало — мчались на поиски газет.

Однажды, объезжая располагавшиеся на ночлег части, я увидел всадника, подскакавшего к группе бойцов. Он соскочил с коня, размахивая газетой. Задыхаясь от волнения, он кричал, радостный и возбужденный:

— Братики, товарищи, да ведь за нас весь мировой трудящийся класс! Послушайте, что пишет газета...

Я незаметно подошел к сидевшим у костра бойцам. Боец читал.

Читал он медленно, бойцы все время торопили его:

— Да ты быстрее, быстрее!

Когда было прочитано, что грузчики во французском порту и в Гамбурге отказались грузить оружие для отправки в Польшу, чтец не выдержал и воскликнул:

— Держись, Антанта!

Заговорили все сразу.

Чем ближе мы подходили к Киеву, тем восторженней встречали трудящиеся Первую Конную. В городах, рабочих поселках партийные организации проводили субботники, «неделю Западного фронта».

Юноши, взрослые, рабочие, старики приходили к нам. Они со слезами на глазах просили принять их добровольцами в армию.

Часто приходилось мне уговаривать людей:

— Да ведь ты на коне никогда не ездил!

Отказывать было трудно, но армии некогда было заниматься обучением новых бойцов. Надо было спешить, и мы неустанно двигались вперед.

Ночами не спали, изучали будущий театр военных действий. Карта, которую я раньше всячески избегал, говоря: «Рубать легче, чем по карте лазать», стала моим постоянным спутником.

В пути несколько раз дивизии сталкивались с повстанческими бандами. Банды были крупные и отлично вооруженные. С ними приходилось вести большие бои.

Наконец пятидесятидневный тысячеверстный поход был закончен.

Однажды, выслав вперед разведывательный отряд, я услышал короткую ружейную перестрелку. Потом вязались в бой пулеметы, загрохотали орудия. Мы выскочили вперед. Сильный конный отряд поляков бросился на разведчиков. Из ложины на выручку разведчикам вырвались наши подоспевшие эскадроны. Они сокрушающей атакой смяли польскую кавалерию. Даже для меня, не раз выдавшего лихие атаки конников, была удивительной та бешеная атака и рубка, с какой обрушились конники на польскую кавалерию. Бойцы, видимо,

отлично поняли, какое устрашающее впечатление произведет на нового противника первый удар.

Взятый нами в плен молодой офицер прекрасно говорил по-русски. Он с нескрываемым удивлением и растерянностью наблюдал за нашими командирами.

При допросе он говорил:

— Давно знали мы, что Конная армия прибудет на Украину, но этому мы не придавали никакого значения. Ходили упорные слухи, что у русских плохая конница.

— Плохая? — переспросил я. — Ну, а как сегодня работала эта конница?

Офицер ничего не ответил.

ОШИБКА ИОСИФА ПИЛСУДСКОГО

Главкомандующий вооруженными силами буржуазно-помещичьей Польши Пилсудский глубоко ошибался относительно боевых свойств конницы и, в частности, Первой Конной армии. Вот что он писал впоследствии в своих воспоминаниях о событиях 1920 года на советско-польском фронте:

«К нам приближалась конница Буденного. О ее движении я имел довольно точные и верные сведения. Она совершила большой поход откуда-то из-под Ростова-на-Дону в составе четырех дивизий, причем все данные относительно их состава казались мне сильно преувеличенными. Как мною уже отмечалось, я в то время пренебрегал этим новым противником. Как известно, военное значение конницы, даже до 1914 года, в понятиях многих падало все ниже. Ей предназначалась вспомогательная роль, как, например, разведка или охранение флангов. И никогда не предполагалось поручать ей самостоятельные решающие задачи. Вместе с развитием силы огня в период огромных боевых запасов в Европе роль конницы попросту упала до нуля. Лошадей передали в артиллерию, кавалеристов поспешно переучили в пехотинцев.

Поэтому-то мне казалось просто невозможным, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота с приданной ей артиллерией и пулеметами не смогла справиться с конницей при помощи своего огня...

Повторяю, что я не придавал ей большого значения, и ее успехи на других советских фронтах, о чем я имел данные общего характера, я приписывал более внутреннему разложению сражающихся с нею войск, чем действительной ценности этого способа ведения войны».

Эти просчеты Пилсудского дали нам возможность беспрепятственно на широком фронте войти в соприкосновение с противником.

Тремя повторными конными атаками мы отбросили польские полки на северо-восток. Наступившая темнота помешала преследовать отступавших, и мы расположились на ночлег. Выставив солидное охранение, мы все время держались настороже.

Первое столкновение с новым противником было удачным. Противник понес значительные потери.

Но наши конные атаки против польской пехоты, засевшей в окопах, были отбиты сильным огнем неприятеля. Многочисленные проволочные заграждения поляков не давали возможности ударить противнику в лоб.

Непривычен для бойцов конницы пехотный бой... но все же поздно вечером после кровопролитного боя поляки с большими потерями отошли на вторую линию своих позиций. Удачно действовала Шестая кавалерийская дивизия. Ранним утром у селения Животов она буквально столкнулась лбом с польской пехотой, шедшей беспечно в колонне, без всяких мер охранения. Головная бригада с места ринулась на врага.

Разведчики доносили о большом скоплении пехотных частей в этом районе. Развернув дивизию на широком фронте и усилив органы разведки, начдив уничтожал на своем пути пехотные части противника, не ожидавшего, что наша кавалерия так скоро продвинется вперед.

Разъезды обнаружили большую колонну польской пехоты. Первые две атаки были отражены стойким, дисциплинированным огнем, но неожиданные действия двух эскадронов по флангам и в тылу заставили противника отходить. Отход белополяков превратился в беспорядочное паническое бегство. За день боя было захвачено у противника восемь орудий различного калибра, до девятости пулеметов, много боеприпасов и продовольствия. Зарублено было свыше тысячи белополяков. Наши потери были незначительны.

...Ночь с 29 на 30 мая прошла беспокойно. Обособленное положение армии, вклинившейся в главную оборонительную полосу противника, частая, временами бесцельная стрельба заставляла все время быть на чеку.

В середине дня было получено сообщение о появлении Пятой польской пехотной дивизии, которой до этого здесь не было. Польское командование спешно стягивало резервы.

Белополяки день и ночь вели работы по укреплению своих позиций.

На участках же Шестой и Одиннадцатой кавдивизий шли серьезные бои.

Ранним утром, в предрассветной мгле, враг атаковал первую бригаду Шестой дивизии, занимавшую деревню Спичинцы. Бдительное охранение своевременно известило отдохавшие части.

Польская пехота была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем. Заговорила приданная бригаде конная батарея, и белополяки были прижаты к земле.

К этому времени подоспела польская артиллерия, численно превосходившая нашу. Беглый огонь польских орудий ободрил наступающих. Польские цепи ползком двинулись вперед.

Наступил решающий момент. Командиры с беспокойством оглядывали ряды немногочисленных бойцов. Они думали: «Дрогнут или удержатся?»

Надо выдвигать в бой резерв! Ординарец карьером помчался с приказанием: «Бронеотряду атаковать правый фланг поляков...»

Неслышно и проворно выбрались броневики на окраину деревни. Они развернулись и двинулись вперед, обстреливая правый фланг наступающих. Польские цепи дрогнули, остановились... и быстро начали откатываться назад. Но польские артиллеристы спохватились. Десяток польских орудий обрушил огонь на наши броневики. Задним ходом машины медленно стали отходить. Один броневик, подбитый снарядам, свернулся набок. За ним свернулся набок второй...

Командиры и комиссары наших стрелковых частей под прикрытием артиллерии повели своих бойцов в атаку. Шли во весь рост. На левом фланге разгорелся руко-

пашный бой. Все смешалось. Крики «ура» и «виват» оборвали стрельбу...

К вечеру части поляков вышли на линию железной дороги, отрезав наши бронепоезда.

Потребовалось введение всех сил дивизии, чтобы выбить зарвавшегося противника.

Противник, используя все свои резервы, вел наступление. Польское командование решило, видимо, одним ударом покончить с Конной армией.

Кавалерийская дивизия генерала Карницкого, сбив наши сторожевые заставы, продвигалась вперед. Положение создалось тяжелое, так как со стороны Токаревки наступали значительные силы пехоты.

Удачным маневром наши бригады, зажав польскую пехоту в клещи, заставили ее бежать через реку Березанка. Ожидая атаки польской конницы, я был изумлен, когда дивизия Карницкого вдруг повернула назад. У меня мелькнула мысль, что генерал задумал разделаться со второй и третьей бригадами, ударив и их в тыл. Я на минуту представил себе, как свежие, нерасстроенные польские полки могут навалиться на увлеченные преследованием буденовские бригады.

Сообщение о том, что подходит Четырнадцатая кавдивизия, обрадовало меня необычайно. Спешу навстречу начдиву Пархоменко, быстро знакомя его с обстановкой и говорю о своем намерении немедленно ударить соединенными силами по коннице противника, перерезать путь ее движения.

Товарищ Пархоменко с моими доводами и решениями согласился, и мы расстались, двинувшись двумя колоннами.

Бригады шли рысью. Минут через сорок — пятьдесят мы услышали стрельбу.

Что это могло быть? Или польские кавалеристы нагнали тылы моих двух бригад, или бригады, обнаружив польскую конницу, повернули и вступили в бой?

И в том и в другом случае нужно спешить.

С рыси бригады перешли в галоп.

Мы выскочили на небольшую горку.

Впереди, совсем недалеко, мы увидели польские полки, развертывавшиеся для атаки. В нескольких километрах на западе строилась для атаки Четырнадцатая кав-

дивизия, а километрах в трех-четырех позади противника группировались какие-то конные массы. Сомнений быть не могло: это части второй и третьей бригад.

Польская конница, имея в тылу болотистую реку Березанку, неожиданно для себя залезла в «мешок». Такой группировки не выдумаешь и нарочно!

Скрываясь в роще и развернув бригаду, я ждал, когда белополяки перейдут в атаку. Тогда мы вмешаемся в наиболее выгодный момент. Конница противника, блеснув клинками, бросилась в атаку на Четырнадцатую дивизию и на части второй и третьей бригад. Буденовцы перешли в контратаку.

Но, прежде чем встретились лицом к лицу атакующие, первая бригада хлестнула по тылу белополяков, конники врезались в тыл и стали рубить польских кавалеристов... Поляки растерялись. Они бросились наутек по болотистому лугу.

Скопом, беспорядочно бежали остатки дивизии Карницкого. Впопыхах переметнувшись через реку, они показались безудержно.

Разгром кавалерийской дивизии и пехотного полка группы генерала Карницкого исключал угрозу флангу и тылам Первой Конной. А ведь этого хотело добиться польское командование, создавая ударные кавалерийские и пехотные группы!

Соединенными усилиями Четвертой и Четырнадцатой кавдивизий мы овладели долиной Березанки. Конная армия получила прекрасное исходное положение.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИКАЗ

3 июня Буденный получил приказ Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Реввоенсовет приказывал: «Главными силами армии прорвать фронт противника».

Вечером 4 июня Буденный назначил наступление на утро 5 июня.

Накануне 5 июня дивизии готовились к выступлению. Командный состав учил красноармейцев, как действовать завтра «с меньшей кровью».

Дело в том, что польские части были по тому вре-

мени чрезвычайно насыщены техническими средствами. Бойцу Первой Конной, привыкшему к кавалерийским боям на широких равнинах, действия в пешем строю являлись диковинными. Кроме того, у нас почти не было ножниц для резки проволочных заграждений.

Поздно вечером перед сном я подошел к группе бойцов. Мое внимание привлекли обрывки разговора.

— От, бисовы души, зализлы пид колючку тай и кажут: мол, мы вояки! — сетовал боец.

— Ничего, Василь: колючку мы шашками порубаем, а тоди держись, паны, шуганем, аж тошно буде! — ободрил бойца товарищ.

Пришлось убеждать бойцов, что кавалерийским наскоком врага не возьмешь, действовать надо умело, особенно в пешем бою.

Едва забрезжил рассвет, части одна за другой вышли на исходное положение для атаки. Густой лес укрывал нас и позволял незаметно подойти к польским заграждениям.

ПРОРЫВ ПОЛЬСКОГО ФРОНТА

Было тихо. Пели птицы. Изредка по ветру доносилась польская речь.

Тишина была обманчивой.

Лишь только показались первые цепи Четырнадцатой дивизии, загремела польская артиллерия и начали скорую разговорку пулеметы противника.

Бойцы, шедшие во весь рост, залегли. Начались перебежки.

Моя кавдивизия готовилась идти в атаку. Среди бойцов пронеслась радостная весть:

— Буденный и Ворошилов приехали!

Приезд Ворошилова и Буденного необычайно воодушевил бойцов. Присутствие любимых командиров внушало уверенность в победе.

— Что ж, пора? — улыбнулся, здороваясь, Семен Михайлович.

— Готовы хоть сейчас, товарищ командарм!

Ворошилов и Буденный торопились на участок Четырнадцатой дивизии.

Огонь противника был значительно сильнее нашего. Особенно чувствовалось превосходство артиллерии. Наша артиллерия сэкономила снаряды и редкими залпами сопровождала наше наступление.

Бойцы подошли вплотную к линиям польских проволочных заграждений. Командиры и комиссары повели их на заграждения. Бойцы резали проволоку ножницами, подрывали заграждения ручными гранатами, перерубали колючую проволоку шашками, растаскивали ее руками. Руки были разодраны в кровь, многие бойцы лежали раненые возле проволочных заграждений. Это был исключительный порыв мужества и бесстрашия. Они готовы были зубами рвать проклятую проволоку! Бойцов не смущал ни артиллерийский, ни пулеметный огонь. Наконец с проволочными заграждениями было покончено. Тысячи бойцов сели на коней и ринулись в атаку.

Буденный и Ворошилов появлялись в самых опасных местах и подбадривали бойцов.

Конники ринулись на польские окопы и на полном скаку стали рубить врага.

Поляки не выдержали. Оставшиеся в живых дрогнули и стали отступать в густые болотистые леса.

Польский фронт был прорван.

ГИБЕЛЬ ДУНДИЧА

В одном из боев с поляками погиб храбрый Дундич, «лев с сердцем милого ребенка», как прозвал его Ворошилов.

Дундич был помощником командира Тридцать шестого кавалерийского полка. Конная армия лавиной катилась вперед, далеко отгоняя к Варшаве белополяков. Армия проходила фольварки и местечки, шла дорогами, обсаженными тополями, мимо костелов, мельниц и старых кирпичных замков. Дундич рвался вперед. Его сопровождал верный смелый ординарец Иван. В местечке Корец Дундич захватил польский штаб, не успевший убраться восвояси.

— Выходи! — скомандовал Дундич. — Революция пришла!

Тысячи бойцов сели на коней и ринулись в атаку.

И из халупы стали выходить ошеломленные польские офицеры.

А Дундич уже скакал дальше. Иван еле поспевал за ним.

Наконец Конная армия дошла до города Ровно. Поляки собрали все свои силы. Завязался жестокий бой. Тридцать пятый и Тридцать шестой полки шли в обход города с юга.

Тридцать шестой полк под сильным обстрелом пошел на проволочные заграждения поляков. Командира полка Долгополова поляки смертельно ранили. Он приподнялся и крикнул своим бойцам:

— Вперед! За Родину! Крой их до конца, до последнего!

Дундич решил отомстить за друга. Его конь неся вперед как птица. Иван еле поспевал за своим командиром. Полк остался далеко позади. Золотые лампы сверкали на солнце, выглянувшем из-за облаков. Дундич, размахивая шашкой, кричал:

— За мной! За революцию! Бей панов!

Он ворвался в самую гущу растерявшихся поляков. Они расступились, и Дундич зарубил офицера. Но тут сомкнулось кольцо. Дундича окружили. Ивана не было. Полк был далеко. Враги — их было больше двадцати — кинулись на Дундича со всех сторон.

Полк спешил выручить своего командира. Как бешеные летели кони. Уже видели бойцы, как под меткими ударами Дундича падал один, другой, третий, четвертый... Упало свыше десяти врагов. Вдруг кто-то из поляков выстрелил из револьвера.

Слетела на землю с плеч Дундича черная бурка. Бездыханный он упал у ног своего верного друга — коня.

Когда полк доскакал наконец до своего командира, было уже поздно. Поняли бойцы, что никогда больше не поднимется на врагов Родины рука Дундича, что они никогда больше не увидят перед собой развевающуюся на лету черную бурку своего командира.

Бережно подняли бойцы тело Антона Ивановича Дундича; Иван, израненный, поддерживал голову своего командира. А другие с удвоенной яростью кинулись вслед полякам и много в тот день порубили панов, отомстив за смерть своего храброго командира.

Похоронили красные конники Антона Ивановича Дундича с воинскими почестями в городе Ровно, взятом в тот же день.

О смерти храброго Дундича мне рассказали товарищи.

В Житомире я получил телеграмму:

«Немедленно прибыть в Харьков. Явиться лично к Егорову, Сталину».

Недоумевая, почему это в разгар успешных боев с белополяками меня вызывают в штаб фронта, я строил различные предположения. Буденный сообщил, что мне необходимо сейчас же выехать на врангелевский фронт. Он приказал мне срочно сдать дивизию.

Через несколько дней я с большой неохотой (что греха таить!) выехал в Харьков.

Трудно было расстаться с Первой Конной, с людьми, с которыми сроднился.

В Харькове на станции я встретил эшелон буденовцев. Буденовцы ехали из Сальска на польский фронт.

Встреча с земляками была радостной и теплой.

С помощью прохожего добрался я до Скобелевской площади. На дверях большого дома увидел вывеску: «Штаб Юго-Западного фронта». Я узнал о создавшейся на Крымском полуострове обстановке.

Врангель располагал силами, значительно превосходившими наши. Его войска состояли из хорошо обученных пехотных дивизий и отличной конницы, сформированной из офицеров, юнкеров и казаков Дона и Кубани.

Захват Врангелем Северной Таврии и поражение Тринадцатой армии приковали внимание партии к этому фронту.

Я прочел письмо ЦК:

«...В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой ген. Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской Республике. Каждый, даже временный и незначительный, успех врангелевских мятежников грозит еще большими бедами.

Хлеб, уголь, нефть, предназначавшиеся для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. До-

нецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной Армии, победоносно продвигающейся на Западном фронте, белогвардейские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 года.

...Далее медлить нельзя. Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин.

Партия должна понять, что если Врангелю удалось его первые шаги, то исключительно потому, что партия не обратила на Крымский фронт достаточно внимания и не срезала его единым решительным ударом.

В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте. Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен».

Вечером я уехал из Харькова.

В вагоне тускло горела свеча. За окном стояла темная ночь.

«Где-то мои бойцы ночуют сегодня? — подумал я. — Наверное, в каком-нибудь старинном и мрачном панском замке. Похрапывают кони, дневальные бродят по двору, и в одном окне горит свет — Ворошилов и Буденный не спят.

Лишь станет светать, заиграет труба, бойцы оседлают коней. Ворошилов и Буденный, как и раньше, появятся в самых опасных местах, увлекут за собой бойцов.

Несокрушимая лавина красной конницы покатится к воротам Варшавы, гоня перед собой польскую армию...»

ВТОРАЯ КОННАЯ АРМИЯ

«Приказом армии Юго-Западного фронта Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 16 июля 1920 года товарищ Городовиков Ока Иванович назначен командующим Второй Конной армией».

С этим мандатом я приехал из Харькова на станцию

Волноваха. Я твердо помнил: «Надо быстро разгромить Врангеля...»

Иначе Врангель может захватить Екатеринослав, Донбасс, может лишить горючего всю нашу страну. Ведь Врангель, которому англичане и французы подбросили новейшую технику и сформировали отличную конницу из офицеров, юнкеров и богатой части казачества, уже вышел из своего крымского убежища и теснит наши части. Он потрепал и те четыре кавалерийские дивизии, из которых я должен был составить Вторую Конную армию.

На формирование армии мне было дано пятнадцать дней. А противник, пополнив свою конницу конями, пулеметами и орудиями, уже перешел в наступление.

К началу августа формирование Второй Конной армии было закончено, а на рассвете 11 августа она повела свое первое наступление на противника. Кавалеристы мои дрались как львы. Броневики и конница белых яростно наступали на нас. Вместе с бойцами, спешившись, я обстреливал наступавшего противника из ручного пулемета, с несколькими взводами ходил в атаку на броневики, а двадцатой дивизии приказал в развернутом конном строю стремительно обрушиться на врангелевскую пехоту. Внезапное нападение конницы на пехоту имело успех во всех войнах. Противник был ошеломлен. Беляки не выдержали бешеной атаки и побежали.

Вторая Конная снова прорвала фронт врангелевских войск. Коня наши были измотаны, но бойцы рвались победить врага.

Мы находились в безводной открытой степи. Эскадрилья противника в восемнадцать самолетов сбросила на нас пятьсот бомб. Радиосвязь с нашими частями была нарушена — внезапным налетом беляки уничтожили нашу радиостанцию. К тому же я узнал, что противник прекрасно осведомлен через своих лазутчиков о готовившемся нами прорыве. Он стремился разъединить части Второй Конной.

Вторая Конная дала решительный бой. Техники у нас не было, борьба происходила в неравных условиях, но фронт противника был прорван, и мы соединились с пехотными частями.

Вскоре я снова увидел Ворошилова и Буденного. Первая Конная пришла с польского фронта и расположилась в безводной, сухой степи. Семен Михайлович рассказал мне, как конники переправились через Днепр у Каховки, как начдив Тимошенко захватил корниловский полк белых, неожиданно налетев на село Ново-Михайловку. Он рассказал мне об отрадненском кровопролитном бое, происходившем 1 ноября, в котором был ранен Тимошенко и едва не погиб Ворошилов.

Силы белых значительно превосходили наши силы. Вместе с бойцами лихо рубили золотопогонников Ворошилов и Буденный. Когда в тылу нашей Особой бригады появился неприятельский эскадрон, Ворошилов с двумя взводами ординарческого эскадрона бросился на него в атаку и врезался в середину. Белогвардейцы кинулись на Ворошилова. Прямо на него помчался казак с пикой в руках. Врангелевец нанес укол товарищу Ворошилову пикой, но, к счастью, копьё завязло в толстой бурке. В этот момент раздалось несколько выстрелов. Белогвардеец свалился с лошади мертвым. Стреляли Ворошилов и подоспевший Буденный. У Отрады решилась участь боев на полях Северной Таврии. Войска белых были разгромлены, они потеряли более ста орудий, почти все бронепоезда и до двадцати тысяч пленных.

— А ты знаешь,— сказал Буденный,— мы к третьей годовщине революции подарок посылаем рабочим.

И он показал мне постановление Реввоенсовета:

«СЛУШАЛИ:

О подарке рабочим Москвы, Петербурга и Тулы ко дню 3-й годовщины Пролетарской Революции от Первой Конной армии.

ПОСТАНОВИЛИ:

Составить маршрутный поезд в 25 вагонов с продовольствием для рабочих Москвы, Петербурга и Тулы ко дню 3-й годовщины Пролетарской Революции в подарок от бойцов Первой Конармии. Эшелон составить Опродкомарму, из коего по 10 вагонов Москве и Петербургу и 5 вагонов Туле. Поарму для сопровождения эшелона произвести выбор бойцов и во главе их послать при эшелоне комиссара полештарма.

Реввоенсовет: Ворошилов, Буденный».

Поговорили мы обо всем с Семеном Михайловичем.

— Эх, до чего б я хотел быть снова с вами! — сказал я.

— А ты и будешь с нами, — ответил Семен Михайлович. — Михаил Васильевич Фрунзе приказал тебе сдать Вторую Конную и принять Шестую кавалерийскую дивизию.

Буденный поехал со мной в Шестую кавалерийскую дивизию, совершавшую в то время марш. Дивизия, которую я должен был принять, состояла преимущественно из донских и кубанских казаков и иногородних. Мы подъехали к дивизии, когда она уже была построена. После доклада начдива и приветствий Семен Михайлович Буденный обратился к бойцам с речью. Он подробно рассказал им, кто такой барон Врангель, как он издевается над рабочими и крестьянами, сообщил, что Советское правительство требует, чтобы Красная Армия до зимы покончила с белогвардейцами. В заключение добавил:

— Конники видали трудности и не боятся их. Били всех, а черного барона и вовсе разобьем!

Громкое «ура» и крики «Даешь барона Врангеля!» разнеслись по всей степи.

Подождав, пока немного стихнет овация, Семен Михайлович Буденный показал на меня и громко произнес:

— Реввоенсовет Первой Конной армии назначает начальником вашей дивизии товарища Городовикова.

Многие из старых бойцов знали меня еще по деникинскому и польскому фронтам и поэтому встретили это сообщение с радостью.

Я счел своим долгом выступить с краткой речью.

— Товарищи бойцы, — сказал я, — от каждого из вас требуется дисциплина, выдержанность и стойкость! Покажем в бою непоколебимую преданность делу пролетарской революции и социализма!

Мои последние слова были покрыты дружным и громким «ура».

...Ранним утром Первая Конная армия приступила к переправе через Днепр. Погода стояла отвратительная. Дул порывистый, холодный ветер. Временами моросил дождь, и земля покрывалась тонким слоем льда. Но конноармейцы преодолели все трудности и к вечеру того же дня закончили переправу.

...— Знаешь ты, что такое Чонгар? — спросил меня Семен Михайлович.

Да, я слышал, что такое Чонгар. За восьмиметровую ширину он назывался не перешейком, а мостом. И в самом деле это был узкий мост, протянувшийся на полуостров через гнилой Сиваш — соленое непроходимое озеро с топким, илистым дном. Само собой разумеется, Чонгарский мост находился под обстрелом многочисленных белогвардейских орудий да еще был обнесен окопами, проволочными заграждениями.

— Военные специалисты считают, — продолжал Семен Михайлович, — что Чонгар, как и Перекоп, неприступен. Врангель чувствует себя в безопасности за Сивашом и Турецким валом. Ты ворвешься на Чонгар! Вот приказ.

Он протянул мне приказ по Первой Конной армии, в котором говорилось:

«...и стремительным ударом разбив отступающего противника, ворваться на его плечах в Крым, облегчив этим полное уничтожение противника в Крыму».

Приняв Шестую дивизию, я стал готовиться к наступлению. Нам мог помочь мороз, но, как назло, наступила оттепель. Над безжизненной степью стоял серый рассвет. Дул резкий ветер. Черную воду Сиваша течение гнало в Азовское море. В мелкой гнилой воде были видны синие камни, зеленые и красные водоросли. По этой жидкой, как кисель, трясине с трудом смогут пройти кони.

За Сивашом темнели белогвардейские валы. Семен Михайлович рассказал мне, что лучшие английские и французские инженеры помогали Врангелю укрепиться. Позиция Врангеля считается неприступной. В ровной степи, где не может укрыться ничто живое, каждая точка обмерена и пристреляна. Мне показалось, что я даже различаю на бетонированных площадках дальнобойные морские орудия.

Ветер крепчал. Я вернулся к дивизии, укрывшейся в неглубокой ложине. Бойцы мои кутались в изношенные, негреющие башлыки и рваные шинели. Обозы с теплым обмундированием отстали, находились в глубоком тылу. Не было ни фуража, ни топлива, ни питьевой воды. Обозы не поспевали за наступающими частями. Что тут будешь делать? Я шагал взад и вперед, поглядывая на серую рябь Сиваша, и ничего не мог придумать. С Сиваша

несло какой-то дрянью. Я позвал ординарца и приказал подвести мою Марусю. Ординарец подвел кобылу. Я вскочил в седло.

Маруся легко вынесла меня на горку. С того берега сейчас же застрекотали пулеметы.

«Заметили, идола! — подумал я. — А ну, рыжая, выноси!»

Поскакал в сторону, посмотрел в бинокль. Вдруг вижу — огромная золотая скирда соломы. За ней другая, третья... «Солома, — думаю, — пригодится, солома поможет». Мигом мы с Марусей добрались до бойцов; бойцы повскакали.

— Смирно! Слушать команду! А ну, разобрать ту скирду!

Бойцы мои вскочили на коней и врассыпную балкой помчались к скирдам. Белогвардейцы переполошились, стали стрелять, но попасть ни в кого не могли.

Несколько десятков бойцов проворно разрывали скирды, бросали солому вниз, а другие на земле увязывали ее в пучки.

Теперь я знал, что надо делать: надо устлать трясину соломой. По соломе пройдут кони, они не увязнут.

Сиваш очистился от воды — ветер угнал воду в море.

— Кидай солому в Сиваш, настилай дорогу!

Бойцы подскакали к трясине. Они скидывали солому и спешили обратно к скирдам. Белогвардейцы открыли огонь. Белые облачка — разрывы шрапнели — висели над головами. Стала отвечать наша артиллерия. Бойцы вереницей неслись с охапками золотистой соломы к Сивашу. Вдруг за спиной у одного из бойцов пучок соломы вспыхнул как свеча. Боец стряхнул горящую солому, спешил, схватил горсть липкой грязи, стал прикладывать к ожогам. Потом грязью стал лечить своего коня.

Тяжелые снаряды падали в Сиваш, подымая грязные фонтаны. Но шаг за шагом бойцы настилали солому. Падали и поднимались, многие оставались лежать в вонючей грязи, но дивизия, охваченная единым порывом, уже неслась по проложенной дороге к неприступным твердыням Чонгара. Тысячи конских копыт утопали Сиваш, бойцы обошли стороной железобетонные и проволочные укрепления; вслед за конницей двинулась артиллерия, подминая, уничтожая соломенный путь.

Мои бойцы кинулись на считавшиеся неприступными укрепления французских и английских специалистов. Соломленная дорога исчезла под мутной жижей, да в ней больше и не было надобности. Чонгарский полуостров был взят Шестой кавалерийской дивизией, и теперь перед ней был один путь — в Крым.

Буденный и Ворошилов на галопе подскакали к дивизии. Поблагодарили полки.

— Шестой кавдивизии,— сказал Климент Ефремович,— надо дать другое название за победу. Я предлагаю Шестую дивизию, как первую войсковую часть, занявшую Чонгарский полуостров, называть отныне Чонгарской.

С тех пор Шестая кавдивизия носит наименование Чонгарской, а бойцы зовутся чонгарцами. Они с гордостью носят это имя.

СБРОСИЛИ ВОЙСКА ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ В МОРЕ

Взят был Перекоп. Взят был Чонгар. Белогвардейцы ожидали, что об эти твердыни разобьются красные дивизии, а теперь сами бежали к Черному морю, преследуемые красной конницей.

9 ноября меня вызвал командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. Я первый раз увидел его. Он был в кожаной куртке и папахе без всяких знаков различия. Скромный, простой человек. Он мне сразу понравился.

На совещании с Фрунзе присутствовали Буденный и Ворошилов, начдивы Первой Конной армии и начдив Тридцатой стрелковой. Товарищ Ворошилов всех нас представил Фрунзе.

Командующий спросил меня:

— Ну, рассказывайте, как вы брали Чонгарские укрепления?

Я коротко рассказал.

Фрунзе дал указания, как дальше действовать.

— Если будут затруднения на Перекопе, то коннице во что бы то ни стало нужно прорваться в тыл белым через Сиваш,— закончил он.

Буденный и Ворошилов вместе с Фрунзе долго еще обсуждали план последних боев за перешейки.

Иностранные специалисты удивлялись и разводили руками: по колено в воде, под ураганным огнем белой артиллерии, под перекрестным пулеметным огнем наши герои бойцы с упорством шли навстречу врагу, брали неприступный Турецкий вал. Когда залило водой телефонный провод, проложенный по дну гнилого Сиваша, рота связистов Пятьдесят первой стрелковой дивизии В. К. Блюхера совершила изумительный подвиг: по пояс в ледяной соленой воде, под страшным обстрелом стояли связисты цепью и держали провод в руках. Вода поднималась, дошла до шеи, а связисты не бросали провод.

Михаил Васильевич Фрунзе сказал командирам:

— Я увижу вас на валу или не увижу совсем.

И он увидел своих командиров и бойцов на Турецком валу. Они преодолели глубокий и широкий ров, три линии неприятельских окопов, блиндажи и колючую проволоку. Первая Конная хлынула через Перекоп и погнала Врангеля. Были заняты Симферополь, Бахчисарай. Бойцы Первой Конной увидели море, севастопольские бирюзовые бухты, мраморные белые пристани, белые, из инкерманского камня, дома. На горизонте виднелись дымки пароходов. Это ударили врангелевские войска.

Через несколько дней Фрунзе докладывал Владимиру Ильичу Ленину:

«Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет Советским».

Преданность наших бойцов партии и Советской власти оказалась сильнее всех преград и препятствий, возведенных инженерами Антанты.

«Своими бессмертными подвигами,— писал товарищ Фрунзе,— Первая Конная заслуживает величайшую славу и уважение не только в сердцах и глазах пролетариев Советской России, но и всех остальных стран мира. Имя Первой Конной армии, имена ее вождей товарища Буденного и товарища Ворошилова известны всем и каждому. И, пока будет существовать грозная сила Первой Конной, наши враги не раз и не два призадумаются, прежде чем рисковать новой авантюрой. О сохранении же этой силы позаботится вся наша Советская земля».

Победа была одержана.

«Наша армия,— писал товарищ Ворошилов,— за один год своего существования сделала очень много. Не только Республика и друзья, но и наши злейшие враги признали за Первой Конной армией огромные заслуги.

Дело будущего историка подтвердить, может быть, кое-что прибавить к славе нашей армии или умалить, опровергнуть. Однако одно несомненно: врагов Республики, коммунизма Первая Конная армия неизменно была и была жестоко, беспощадно. Воронеж, Майкоп и Замостье, подступы Львова, Чонгарский полуостров и затем Бахчисарай. Вот, грубо, линия движения Первой Конной армии за один год. Это примерно равняется, если учесть все кривые наших переходов, около 6000 верст. Таким образом, на каждый день года приходится 17 верст перехода. Если принять во внимание погоду: холод, жару, слякоть, дожди, невероятную удушающую пыль — далее, если не забывать, что красные бойцы не всегда были как следует одеты и обуты, станет ясно каждому, какую славную, но и безмерно тяжелую дорогу проделала в один год Конная армия».

БОРЬБА С МАХНО

Почти не отдохнув в Крыму, Первая Конная снова двинулась в поход. На этот раз надо было помогать украинским крестьянам в борьбе против контрреволюционных шаек Махно.

Махновские банды были очень подвижны. Бандиты разъезжали на быстрых тачанках, прятались в деревнях, в стогах сена. Кулачье помогало им. Махновцев было около пяти тысяч.

Конная армия быстро разгромила белобандитов. В боях с Махно погиб храбрый начдив Пархоменко. Его окружило двести всадников. Пархоменко яростно отбивался. К нему подскакал Махно и крикнул:

— Начдив?

— Да, я начдив рабоче-крестьянской Красной Армии,— ответил Пархоменко,— а ты бандит!

Он отстреливался до последнего патрона и был зарублен бандитами.

А через несколько дней остатки махновцев были биты, и Махно бежал через Днестр в Румынию.

Шестая Чонгарская дивизия приступила к восстановлению разрушенных заводов и шахт в Кривом Роге.

Весной вся дивизия помогала крестьянам сеять хлеб.

В конце мая Конармия ушла на Кубань и на Северный Кавказ.

Я из Армавира уехал в Москву на девятимесячные военно-академические курсы. Это было в 1922 году.

В Москве стояла суровая зима, общежитие не отапливалось. Ели селедку с картошкой, занимались, сидя в полушубках и валенках. Учиться было трудно — честное слово, драться с противником в ту пору мне было гораздо легче.

Но я хорошо помнил один эпизод из своей жизни. Однажды, когда опасность грозила левому флангу армии, я должен был доложить об этом командарму. Приехал я в штаб армии. Адъютант пригласил меня в кабинет командующего. Командарм спросил:

— Ну, рассказывайте, что у вас произошло?

Выслушав меня, командарм попросил подойти к карте, размеченной какими-то пестрыми маленькими флажками, и указать место, где был бой. Ошарашенный видом карты, в которой ничего не понимал, и обилием флажков, я ткнул пальцем в первое попавшее место. Видя, что командарм удивленно на меня смотрит, решительно показал на противоположный конец карты. Успеха и тут не получилось.

Командарм вышел из-за стола и задал мне вопрос:

— Как же это так? Воюете вы хорошо, а карты не можете читать?

Водя пальцем по карте, командарм рассказал мне обстановку. Я смотрел и ничего в ту минуту не понимал. Чувствовал себя неважно; решил, что лучше ходить в самые большие конные атаки, чем по карте показывать.

После беседы командарм пожал мне руку и, улыбуясь, пожелал успехов:

— Действуйте решительней, Городовиков! Партия требует, чтобы победа была обеспечена.

И, уже когда я был в самых дверях, до меня донеслись последние слова, сказанные командующим:

— Главное, не падайте духом! И учитесь.

И вот теперь я решил учиться во что бы то ни стало. И одолел учебу. А окончив военно-академические курсы, вернулся в свою дивизию.

В АКАДЕМИИ

Я был пять раз ранен и один раз контужен. Гражданская война закончилась. Я командовал Червонным казачьим корпусом. Все чаще я стал подумывать, как бы мне поступить в военную академию.

Пока разрешался вопрос, я усиленно готовился к экзаменам.

— Трудновато вам будет, Ока Иванович,— говорили сослуживцы.

— А воевать разве не трудно?

— Воевать — другое дело, а вот грызть гранит науки — посложнее.

— Как-нибудь разгрызу. У меня зубы крепкие,— храбро отвечал я.

Однако как я ни храбрился, а у меня нет-нет да и появлялось сомнение: а вдруг академия мне будет не по зубам? Что же тогда делать? Бросить? Уехать? Нет, это будет непоправимая ошибка. Позор мне, старому кавалеристу.

Я старался отогнать невеселые мысли и говорил сам себе: «Дороги назад нет. Взялся за гуж, не говори, что не дюж!»

Но тут привязывалась новая мысль:

«Чапаев был русский, ему во много раз было легче учиться, а все же не выдержал, уехал из академии».

И на это я сам себе отвечал:

«Чапаев уехал не потому, что было трудно учиться, а потому, что надо было продолжать воевать. Теперь фронта нет, я могу учиться спокойно».

На этом и оканчивались мои размышления.

Осенью, в начале августа, я получил долгожданное предписание отправиться в Москву, в Академию имени Фрунзе, на особый факультет.

Распрощавшись с командирами и бойцами Червонного корпуса, я уехал в Москву.

В академию прибыл и Семен Михайлович Буденный. На полях Дона, Ставрополя, Кубани, Волыни, Таврии он увлекал за собой бойцов на героический подвиг. Здесь, в академии, он вместе с другими прославленными командирами сел за парту и развернул тетради для записи лекций.

На этом так называемом особом факультете академии любой из слушателей имел за плечами по меньшей мере по десятку выигранных сражений. Френчи и кителя увешаны орденами; суровые, загорелые лица; слышна командная речь.

Среди заслуженных командиров были командиры корпусов и дивизий из бывших солдат старой царской армии, повидавшие на своем веку и зуботычины, и гауптвахту, и гнусную ругань фельдфебелей.

Слушатели особого факультета имели огромный практический опыт военного искусства, приобретенный в течение восьми лет сражений в империалистической и гражданской войнах. Все они теперь здесь должны были совершить не совсем обычный путь: от практики к теории. На лекциях, когда профессор разбирал какой-нибудь пример военной истории, в памяти слушателей возникали бесчисленные примеры из собственного боевого прошлого.

Однажды, когда профессор повел речь о наиболее эффективных результатах флангового удара, слушатели стали поглядывать на меня.

Я понял, в чем дело, и попросил у профессора разрешения привести пример из своего боевого опыта.

Мне пришлось рассказать о знаменитом броске и ударе во фланг в сражении под Ростовом в 1920 году, когда моя дивизия ударила во фланг белой конницы и тем самым решила исход боя в пользу Первой Конной.

Мой рассказ все восприняли с интересом. Профессор подтвердил правильность решения командования Первой Конной армии.

В академии мне приходилось нелегко. Я старательно слушал все лекции и хотя с трудом, крупным почерком, но добросовестно записывал их. Много тетрадей было исписано по стратегии, фортификации и военной истории.

Иногда хотелось все бросить, уехать в часть, в свой корпус Червоного казачества или поступить так, как

поступил в свое время Чапаев. На вопрос преподавателя: «Где находится река Рейн?» — Василий Иванович ответил контрвопросом: «А где находится речка Солянка?»

И когда преподаватель сказал, что такой речки не знает, Василий Иванович сгоряча заключил:

— Раз вы не знаете, где такая речка, а я на той речке белых громил, то мне у вас и учиться нечему!

Василий Иванович не ужился в академии, он рвался на фронт и уехал, так и не успев постигнуть военных наук и премудростей.

Я же твердо решил окончить факультет, несмотря ни на что. Теперь фронтов не было, было мирное время. Да и Семен Михайлович меня подбадривал:

— Держись, Ока Иванович, держись!

Сам он занимался прилежно, усидчиво... в пятьдесят своих лет.

Жил я в гостинице. Днем занимался в академии, а вечером готовил домашние задания. Иногда меня от занятий отрывали дочери. Обе учились в Москве: Каталина — в нефтяном институте, Помпа — в Военной академии моторизации и механизации РККА.

Бывало, сидишь над конспектами, вдруг — звонок:

— Папа, это мы! Ты свободен? Мы забегим!

Что делать, приходится откладывать тетради и встречать дочерей.

Каталина — в беретике, Помпа — в новеньком буденовском шлеме. В номере становится шумно. Тут уж не до занятий. Наперебой рассказывают новости, да и я им что-нибудь рассказываю о своей учебе. Иногда у нас возникал спор; потом начинался экзамен. Каталина была сильна в математике. Она придирчиво просматривала мои тетради и исправляла ошибки.

Бывало, мы начинали делиться воспоминаниями; читали письма, присланные в Москву от родственников.

Беседы с дочерьми затягивались до поздней ночи. Время проходило незаметно, а задания оставались незавершенными. Тут я решительно говорил:

— Хватит, девочки! Одиннадцатый час! Давайте прощаться! Придете в другой раз.

И я выдворял дочерей и садился за конспекты.

В 1932 году я окончил особый факультет Академии имени Фрунзе и получил диплом. Вслед за мной окон-

чила нефтяной институт Каталина, а в 1935 году окончила академию Помпа и получила звание воентехника первого ранга.

— Наш отец,— говорила она,— дал нам не только фамилию, но сумел вдохнуть в нас и душу. Все Городовиковы должны приносить Родине пользу!

Я вернулся в родную армию, к своим бойцам.

ВИНТОВКА ВЫРУЧИЛА

Ко мне обратилась редакция окружной военной газеты Украины «Червона Армия» с просьбой описать им какой-нибудь эпизод из боевой жизни. Я подумал и решил написать очерк под заглавием «Винтовка выручила».

В девятнадцатом полку Четвертой кавдивизии был командир эскадрона Кузнецов. Он выделялся своей храбростью и неустрашимостью. Это был великолепный наездник и лихой рубака. При всякой стычке с противником он был всегда впереди и увлекал за собой товарищей.

Он подобрал себе шесть человек таких же отчаянных рубак и всегда держал их возле себя. Эта группа прославилась в дивизии своими неустрашимыми набегами по тылам белых. Как только нам удавалось где-либо обойти противника или прорвать его фронт, Кузнецов со своей группой проникал поглубже в тыл противника и сеял панику, истребляя бегущих врагов.

Вот у этого-то Кузнецова была странная привычка, с точки зрения его товарищей совершенно никчемная. Кузнецов всегда за плечами имел винтовку, но никогда ею не пользовался.

— Командир, брось ты эту бандуру! Только спину себе ею натруживаешь,— говорили Кузнецову товарищи. А он посмеивался:

— Винтовка — не лишняя вещь. Когда-нибудь и она мне службу сослужит. Шашкой рубишь, ведь это только забавляешься, играешь, можно сказать, а вот в трудную минуту и за винтовку возьмешься.

И Кузнецов не ошибся. Трудная минута пришла, и винтовка выручила его.

Было это глубокой осенью 1919 года. Наша дивизия вела бои с деникинскими бандами в районе Калача, Во-

ронезской области. Нам удалось прорвать фронт и атаковать деникинскую конницу с фланга и тыла. Кузнецов, конечно, в первую голову со своей группой, сверкая клинками, промелькнул впереди атакующих частей и понесся поглубже в тыл с целью захватить убегающих белых офицеров.

Но случилось так, что под Кузнецовым убили лошадь и он был окружен белыми. Его товарищи не могли оказать ему помощи, так как сами попали в трудное положение. Кузнецов не растерялся — вскинул винтовку и начал расстреливать вражеских кавалеристов. Меткими выстрелами он снял с коней несколько человек, а остальные, убедившись в том, что голыми руками такого меткого стрелка не возьмешь, стали удирать от него. Кузнецов же укрылся в кустарнике и повел оттуда меткий огонь. Белякам ничего не оставалось делать, как поспешить к своим отступающим частям. Так благодаря винтовке Кузнецов спас свою жизнь и благополучно вернулся в полк.

После этого случая товарищи уже не задавали ему вопросов о винтовке, а многие из них даже последовали его примеру.

ПОЕЗДКА В ИТАЛИЮ

Меня вызвал к себе командующий округом:

— Ока Иванович, собирайтесь в путь. Из Москвы сообщили, что вы едете от Красной Армии в Италию на военные торжества.

Я удивился:

— Почему я? Ведь я не знаю итальянского языка.

— У вас будет переводчик, Ока Иванович, об этом не беспокойтесь, — успокоил меня командующий. — А почему едете именно вы, надо спросить у товарища Ворошилова. Он остановился на вашей кандидатуре. Думаю, отказываться не приходится.

— Раз товарищ Ворошилов сказал, отказываться не приходится, — ответил я командующему, который смотрел на меня с присущей ему лукавой усмешкой.

— Поторапливайся, поездка для тебя будет полезной. Посмотришь итальянскую конницу. У тебя насчет конницы глаз наметан. Ну, прощай!

Мы крепко пожали друг другу руки.

В Москве я прежде всего направился в Реввоенсовет СССР. Явился к товарищу Ворошилову. Климент Ефремович принял меня просто, по-товарищески, как старого боевого друга.

Усадив меня в кресло, он наставительно проговорил:

— Едешь не на прогулку. Будут большие маневры. Присмотрись, что у них хорошего, нового.

Я был польщен таким обо мне отзывом и заверил товарища Ворошилова, что все будет сделано.

На другой день я с группой товарищей выехал в Рим. До начала маневров в нашем распоряжении было еще несколько дней, и мы занялись осмотром достопримечательностей.

Все для нас было ново и интересно. Побывали мы на рабочих окраинах. Жизнь трудового народа Италии нас интересовала больше всего. В центре мы видели роскошные особняки богачей; по окраинам, прорезанным узкими, загрязненными улочками, тесно прижавшись друг к другу, стояли жалкие хибарки, в которых ютились рабочие. Не верилось, что в такой стране, как Италия, под таким голубым, ясным небом плохо живет рабочему люду. С работой трудно, заработки невысокие, безработные с утра до вечера бродили по улицам в надежде найти хоть какую-нибудь работу. Даже ребяташки и те не все могли посещать школу. Они помогали родителям. Одни торговали газетами, другие продавали цветы, а некоторые были проводниками — гидами, как их называют в Италии. Чем бы ни заниматься, лишь бы заработать на хлеб!

Военные же казармы, в которых нам пришлось побывать, что и говорить, были хороши. Здания благоустроенны, всюду чистота и порядок.

На маневрах мне пришлось видеть итальянского короля и его пышную свиту. Неожиданно король обратился ко мне:

— Скажите, генерал, есть в Самарканде батальон туркестанских стрелков? Я помню, они носили красные кожаные шаровары — чембары и белые фуражки. Во время моего путешествия по Средней Азии, еще наследным принцем, я видел этих солдат в русском Туркестане. Они показались мне очень brave.

Что мне было ответить на наивный вопрос короля?

Я знал, что король имел в виду туркестанских стрелков старой русской армии, которые действительно носили красные кожаные чембары, белые гимнастерки, а также белые фуражки с назатыльниками. Но все то, о чем повел разговор итальянский король, кануло в вечность, и я ответил:

— Теперь в Самарканде туркестанских стрелков больше нет. Там стоит национальная Узбекская дивизия, защищающая интересы своего народа.

Король кисло улыбнулся:

— Вот как. Это интересно, генерал. Очень интересно!

Низкорослый, хрупкий, суетливый, он, казалось, заискивал перед Муссолини.

Муссолини вел себя в присутствии короля независимо. Я понял, что не король играет первую роль, а дуче. Рослый, широкоплечий, с квадратным лицом и плотно сжатыми губами, Муссолини был полным хозяином Италии.

На приемах в итальянской военной миссии мне живо бросилось в глаза фанфаронство этого дуче. Он хвастал, что отлично сам управляет танкеткой, что он первый спортсмен на гонках автомобилей. И не преминул добавить, что для безопасности полета сам управляет своим самолетом. Во всем проскальзывало его самохвальство. Он все время сохранял наигранную воинственную позу и напоминал мне актера, а не государственного деятеля.

В том же духе были построены и маневры. Я понял, что основной задачей была показная сторона. Театральность, присущая дуче, была перенесена и сюда.

Надуманность, искусственность и часто бессмысленность действий войск, без учета реальной обстановки, по заранее разученным ролям, возмущала меня.

Иду, например, в боевых порядках наступающей роты альпийских горных стрелков. Рота залегла. Противника нигде нет. Рота лежит у подошвы важной в тактическом отношении высоты. (Противник по своей оплошности не занял ее.)

Спрашиваю через переводчика командира роты:

— Почему не занимаете высоту?

Он достает план:

— По указанию штаба мне надлежит занять позиции у подножия этой высоты. На высоте должен быть противник.

— Но его же нет? Чего же вы ждете, черт вас возьми?

— Не могу плана нарушить.

Тут подошли старшие итальянские офицеры и вступили со мной в разговор. Я им сказал то же самое. Молодой капитан смутился — наверное, пожалел о том, что ознакомил меня с планом движения его роты.

Такие же нелепости наблюдал я и на других участках.

Вывод был прост. Муссолини построил маневры так, чтобы создать у иностранцев впечатление «непобедимости» итальянской армии, ее совершенстве, слаженности действий всех родов войск. Но нас ему не удалось ввести в заблуждение. Мы побывали на итальянских маневрах, как на хорошо отрепетированном театральном спектакле.

Во время маневров я разговорился (опять через переводчика) с итальянским полковником-кавалеристом. Здесь же был и наш военный атташе.

Итальянский полковник спросил:

— Как наша конница? Нравится вам?

Я не задумываясь ответил:

— У вас все красиво, парадно. Но вашу конницу наша разгромила бы в течение недели.

Полковник улыбнулся и сквозь зубы процедил:

— Приятно слышать первую половину вашей оценки, над второй же надо подумать.

Военный атташе из-за спины полковника делал мне рукой знаки, подмигивал.

Я сказал:

— Хорошие у вас седла и кони добрые.

На этом наш разговор был окончен.

Когда мы остались вдвоем с атташе, он стал меня убеждать:

— Нельзя с ними так, Ока Иванович. Зачем прихвастнули? Теперь не оберешься разговоров по поводу вашего заявления.

— Я правду сказал. Зачем буду лгать? — ответил я, а у самого на душе стало неспокойно.

Потом обдумал, решил: приеду в Москву — расскажу Ворошилову о своем промахе.

По приезде я так и сделал. Климент Ефремович внимательно выслушал меня, а потом, рассмеявшись, сказал:

— Не беда! Ничего страшного нет! Пусть знают, какие у нас боевые генералы!

У меня отлегло от сердца, и я, успокоившись, ответил Клименту Ефремовичу:

— Что поделаешь? Я командир, а не дипломат.

— Вот тут ты, Ока Иванович, не прав. Каждый командир должен быть дипломатом,— серьезно сказал Климент Ефремович.

Я подумал: «Черт меня попутал с этой дипломатией. Лучше бы я молчал».

Ворошилов похлопал меня по плечу:

— Не беспокойся. Все хорошо!

ГДЕ ЖЕ У МЕНЯ СЕРДЦЕ?

Как-то я встретился с Семеном Михайловичем в Кироводске. Прогуливались мы в парке.

Он спросил:

— Что у тебя болит?

— Ничего не болит.

— А чего же ты приехал сюда? По паркам прогуливаться?

— Надо немного отдохнуть. Врачи посоветовали.

— А может, у тебя, Ока, сердце болит?

— Нет, сердце не болит.

— А ты знаешь, где у тебя сердце?

«К чему он ведет этот разговор?» — подумал я и соврал:

— Нет. Не знаю.

Мой ответ его рассмешил. Семен Михайлович хлопнул меня по плечу:

— Вот чудак! Сразу видно, что ты действительно не знаешь, где сердце, раз оно у тебя не болит и знать о себе не дает.

Семен Михайлович три раза сильно ударил кулаком меня в грудь, приговаривая:

— Запомни, Ока! Вот тут у тебя сердце! Вот тут! На левой стороне! На левой стороне!..

Я посмеивался в душе, но очень серьезно ответил:

— На всю жизнь запомню, где у меня, у Оки, сердце! Слева!

Подошли несколько командиров. Семен Михайлович им начал рассказывать:

— Нет, вы только подумайте, посмотрите на него! Прожил Ока Иванович пятьдесят с лишком лет и не знал, где у него сердце. Пришлось мне ему целую лекцию прочитать!

А я был доволен, что вдоволь насмешил своего боевого друга. Разумеется, я хорошо знал, где у меня расположено сердце, и еще лучше знал, что оно не хочет стареть и стремится как можно больше познать. Я целых полвека продолжал непрестанно учиться, осваивая опыт прошлых боев.

Часть третья

ПОХОД ЧЕРЕЗ СТРАНУ СМЕРЧЕЙ

ВОЙНА В ГОРАХ И ПУСТЫНЯХ

Меня назначили заместителем командующего Среднеазиатским военным округом.

В Средней Азии я никогда раньше не бывал. Я слышал, что воевать с басмачами там приходится не в ровных степях, а в пустынях и высоких горах. Среднеазиатские горные хребты достигают высоты четырех, шести и восьми километров. В горах кони проходят с трудом, срываются в бездонные пропасти. Людям и коням тяжело дышать. Появляются одышка, сонливость, головная боль, сердцебиение, кровотечение из носа, головокружение — «горная болезнь», которая называется по-местному «тутек». Иногда люди заболели и «снежной болезнью» — слепотой.

На больших высотах трудно готовить пищу и кипятить воду, продукты плохо увариваются.

Нужно остерегаться снежных лавин — они могут обрушиться в любую минуту от самого незначительного сотрясения воздуха, например от крика, а тем более от выстрела.

Зима в горах чрезвычайно сурова и продолжается с конца октября до мая. Зимой в горах бушуют бураны, сильный снегопад. Снегу наваливает до двадцати метров. Горы становятся непроходимыми.

Реки в горах настолько быстрые, что шум и грохот воды слышны за два-три километра, а поблизости от реки нельзя разговаривать. Не слышно и рева ишака и лая собаки. Мне рассказывали, что однажды наш отряд пытался вызвать плот для переправы. Дали залп из двенадцати винтовок — и никто этого залпа не услышал. В другой раз, при переправе шестидюймового орудия — гаубицы, вода ударила в щит и потащила орудие и всю упряжку коней с брода вниз по течению на глубокое место. С большим трудом орудие и кони были спасены.

В пустынях кони вязнут в зыбучих песках. Нет питьевой воды, колодцы встречаются редко.

Первой Конной пришлось повоевать в Средней Азии. Семен Михайлович рассказывал мне:

В 1922 году иностранные разведчики и шпионы создали множество басмаческих отрядов. Они снабдили басмачей прекрасным оружием и конями, дали им приют по ту сторону советской границы, и басмачи, стремительно налетая на советские кишлаки и города, ускользали обратно через границу. Реввоенсовет послал в Среднюю Азию Одиннадцатую дивизию. Дивизия погрузилась в Красноводске в вагоны и отправилась по назначению. Но не успели буденовцы выгрузиться, как были обстреляны шайкой басмачей. Боевое крещение в битве с басмачами буденовцы выдержали с честью.

Однажды сводный отряд Одиннадцатой дивизии, преодолевая трудности пути по горному ущелью, двинулся на перевал Обсурдон. Буденовцы очутились над облаками. Сделав бойницы из камня, они залегли. Жара сменилась сильным холодом, вода во флягах замерзла. Страшный ураганный ветер сбивал с ног. Не выдерживали даже лошади, поворачивались в обратную

сторону. Тучи колючего снега засыпали лицо, резали глаза.

Отряд повел наступление, и через несколько часов перевал был взят. Все попытки противника сбить наш отряд с перевала оказались безуспешными.

Упорная борьба с бандами басмачей в непривычно тяжелых климатических условиях сильно подорвала дивизию: в полках насчитывалось по семьдесят пять сабель, остальной людской состав болел малярией и дизентерией; крайне истощены были и кони. Но буденовцы не сдавались и нанесли басмачеству сокрушительный удар.

Наемник иностранной разведки Энвер-паша ворвался со своими бандами в Советский Туркестан. У него было десять тысяч человек. Бандиты дрались отчаянно. Наши конники в пешем строю брали высокие горы, в которых укрылся Энвер-паша. Конники уничтожили всю банду и самого Энвер-пашу.

Расправившись с Энвер-пашой, совершив семисоткилометровый поход по горным тропам, по ущельям на Памирское плоскогорье, к афганской границе, буденовцы разбили шайки кара-тегинского и дарвазского беков численностью до шести тысяч человек.

Население не поддерживало басмачей. Но враги не унимались. Они вооружали все новые и новые шайки и перебрасывали их через границу.

Приехав в Ташкент, я узнал много важного для себя о басмачах, а вскоре и встретил их лицом к лицу.

БАСМАЧИ

Пограничную реку Пяндж не раз переплывали с той стороны тигры. Они врывались в стада, задирали скот и уносили через быстрый поток.

Пограничные горные перевалы и быстрые потоки не раз переходили басмачи, снаряженные десятизарядными винтовками и прекрасно обмундированные.

Они избегали встреч с нашими крупными войсковыми частями и стремительно налетали на небольшие гарнизоны и незащищенные города и кишлаки. Иностранная разведка руководила всеми действиями басмачей. Их хо-

заява ставили задачу: отрезать от Советской страны Памир, отбить или разорить районы, богатые сырьем, хлопком и т. д. Наряду с сотнями мелких басмаческих шаек действовали крупнейшие и прекрасно вооруженные басмаческие отряды Джунандхана, Максума Фузайли и Ибрагим-бека.

Сколько героизма, беззаветной преданности родине показали в те дни бойцы Красной Армии! Они дрались в непривычном климате, в шестидесятиградусную жару, страдая от малярии, от горной болезни тутек, погибая не только от басмаческих пуль, но и от укусов фаланг и скорпионов.

Наряду с бойцами героически обороняли родину от басмачей и местные жители. Мне особенно запомнилась замечательная оборона советского города Гарма. Вот что произошло.

13 апреля 1929 года вражеская разведка перебросила через афганскую границу в Советский Таджикистан отлично вооруженную крупную банду басмача Максума Фузайли. Максум Фузайли обошел наши передовые посты и 15 апреля перешел высокий отвесный ледяной перевал.

Ему удалось разрушить мосты и дороги на Памир и занять города Ванч, Калаи-Хумб и Тоби-Дара. Банда Максума Фузайли направлялась к городу Гарму, районному центру. Бандит знал, что в Гарме нет гарнизона, и действовал решительно. Он был твердо уверен в победе. В кишлаках он созывал на митинги дехкан, показывал им свое оружие и обмундирование и говорил, что Красная Армия разбита, что по пятам его банды следуют иностранные войска. Дехкане мало верили хвастливому басмачу. К 22 апреля он подошел к стенам Гарма.

В те дни на памирских окраинах еще не было телефона и телеграфа. С центром был связан только районный город Гарм. Весть о появлении на советской земле басмачей не сразу дошла до центра. В Душанбе узнали о вторжении Максума Фузайли в день открытия всетаджикского съезда Советов. Гарм был окружен. Съезд телеграфировал:

«Держитесь. Высылаем помощь»

Двенадцать учителей, один госбанковец, двое слу-

жащих и три чекиста составили в Гарме добровольческий отряд.

Восемнадцать простых советских людей взяли в руки винтовки и вышли навстречу сотням обученных иностранными специалистами басмачей. Два часа крохотный отряд удерживал город. Басмачи продвигались с большим трудом, неся большие потери. Отряд редел. Осталось пятнадцать, двенадцать, десять, семь. Остался один. Он послал с дехканином в город записку: «Остался один. Умру, но не сдамся». Он отстреливался до последнего патрона. Озверевшие басмачи растерзали его на части.

Тогда бывший офицер царской армии капитан Бесташили наскоро обучил небольшую группу боеспособных, хотя и глубоко штатских людей и повел навстречу дикоравшим бандитам.

— По врагам революции, по контрреволюции, пли! — командовал Бесташили.

Последние защитники героического города Гарма были смяты, изрублены. Басмачи ворвались в беззащитный город. Они стали вешать женщин, снявших паранджу. Стали убивать мирных жителей. Старик телеграфист, как-то уцелевший, продолжал выстукивать съезду:

«Патронов нет. Достреливаем последние. Стрельба усиливается. Нечем держаться. Когда будет аэроплан? Скорее аэроплан! Стреляют. Несут раненого. Бегут две женщины с детьми, за ними гонятся басмачи. Стреляют. Где аэроплан? На улице напротив кого-то рубят. Я бегу. Беру с собой аппарат Морзе. Постараюсь где-нибудь на линии включиться. Бегу. Прощайте!..»

На двух самолетах из Душанбе в Гарм летели комбриг, комиссар дивизии и три комвзвода. У них было пять легких пулеметов. Другие самолеты готовились к полету с воздушным десантом. Через горные непроходимые тропы на помощь Гарму двигался кавалерийский отряд.

Два самолета спустились в кишлаке, неподалеку от Гарма. Дехкане рассказали о зверствах басмачей. Пять командиров Красной Армии решили, не дожидаясь подкрепления, немедленно атаковать занятый басмачами город с двух сторон. Дехкане дали командирам резвых коней. Через полчаса первыми ворвались в Гарм военком и комвзвод.

— Сдавайся, бросай оружие! — крикнул басмачам комиссар.

В это время командир взвода, спешившись, открыл огонь из пулемета.

С другой стороны в город ворвались комбриг с двумя комвзводами.

— Сдавайся, бросай оружие! — крикнул комбриг.

Басмачи ответили беспорядочной стрельбой.

Неизвестно, чем бы кончился неравный бой. Но у Фузайли был советник — Пименов, русский казачий офицер. Он увидел командира с двумя ромбами. Командир стрелял из пулемета. Пименов отлично разбирался в знаках различия Красной Армии. Он решил, что в Гарм ворвалась целая дивизия. Среди басмачей началась паника. Бандиты кинулись бежать. На захваченных у басмачей лошадях бойцы стали преследовать банду.

Вскоре на помощь им подоспел кавалерийский отряд. Он окружил остатки басмаческой банды.

Через день военное командование доложило съезду Советов:

— Банда Максума Фузайли уничтожена.

Трудно было поймать другого наемника вражеской разведки, Ибрагим-бека. Бандиты разрушали мосты, высокогорные дороги, отравляли колодцы, бросали в колодцы трупы убитых или красноармейцев. Тысяча пятьсот всадников в красных, желтых, синих и зеленых ватных халатах, с чалмами из белого коленкора на голове кидались в атаку с дикими возгласами и неистовым криком. Их вел Ибрагим-бек, в красном халате, с черно-синей бородой, в черной барашковой папахе. Он предпочитал нападать на небольшие отряды Красной Армии; от стычек с нашими крупными частями Ибрагим-бек уклонялся.

В одном из кишлаков Ибрагим-бек окружил небольшой отряд нашего кавалерийского полка.

Двадцать пять красноармейцев отбивались от трехсот басмачей. Славные бойцы забаррикадировались мешками с мукой и тюками с обмундированием. Держались стойко. Не было ни капли воды, палило солнце. Красноармейцы один за другим роняли винтовки. Басмачи пошли в последнюю атаку. Бойцы встретили их

штыками. У последних оставшихся в живых басмачи вырвали винтовки. Вечером басмачи бойцов расстреляли...

Дехкане просили скорее уничтожить ненавистную им банду Ибрагим-бека. Они ловили отставших басмачей и приводили к нам.

Однажды командир группы приказал бойцам двигаться напрямик через хребет Чол и уничтожить банду. Хребет Чол считался непроходимым. Это отвесная каменная стена. Но бойцы перешли через хребет и с помощью дехкан окружили Ибрагим-бека.

Ибрагим-бек был пойман.

При нем были найдены именные часы, подаренные ему иностранными шпионами — его хозяевами.

До 1933 года мы продолжали ликвидировать остатки басмаческих банд. Крупные части Среднеазиатского военного округа окружали, вылавливали их. Басмачей не поддерживало население. О каждом появлении басмаческих шаек на советской территории нас немедленно извещали дехкане.

Басмачи прибегали к хитростям: они выставляли на позиции свои чалмы и папахи. Наши бойцы стреляли по чалмам и папахам, а басмачи в это время занимали позиции в другом месте и стреляли по красноармейцам.

Толстый ватный халат отлично защищал бандитов от шашечного удара. Но, несмотря на это, басмачи боялись шашки больше, чем пули.

Они говорили: «Кто умрет от шашечной раны, в рай не попадет». Я думаю, что удирали они от нас не потому, что боялись не попасть в рай, просто пугались насмерть: ведь шашечный удар, нанесенный умелой рукой, страшен. А рубить шашкой наши молодые кавалеристы научились лихо.

...С басмачами было покончено. Они больше не появлялись на советской земле. Наши пограничники зорко следили за границей. Они патрулировали по безводной пустыне в восьмидесятиградусную жару, а также по высочайшим перевалам. Служба и без войны была трудной. Служить в горах и пустынях может только отличный физкультурник. В пустыне легко заблудиться. Если ты не закален, непривычен к большим переходам, погиб-

нешь. Однажды пять моих кавалеристов заблудились. Кругом были зыбучие пески, поблизости — ни одного колодца. Кони погибли. Бойцы стали терять сознание. Прилегли под чахлыми кустами. Солнце палило нестерпимо, ветер гнал в лицо сухой, горячий, колющий песок. Один из конников решил выручить товарищей. Он пошел пешком через пустыню.

Изнемогая, выбиваясь из сил, он все же добрался до ближайшего поста. Его четыре товарища были спасены.

В 1935 году враги сделали еще одну попытку отрезать Памир, правда совсем другим способом. Об этом я и хочу рассказать.

ОБРЕЧЕНЫ НА ГОЛОД

Однажды вечером мне доложили, что на Памире внезапно-негаданно наступила зима. Снежные обвалы завалили автомобильную дорогу, и все попытки пробиться через Памир оказались тщетными. Транспорт с хлебом, предназначенный для советского города Мургаба, лежащего за Памиром, на самом краю советской земли, был погребен под глубоким снегом в горах. Это значило, что жители Мургаба до весны будут отрезаны от мира. Они обречены на голод.

В тот же день об этом сообщили в Москву.

— Разве можно оставить людей без помощи? — сказали в Москве.

— Перевалы Памира зимой непроходимы.

— Значит, нужно поручить это дело Красной Армии.

На следующий день в Ташкент пришла правительственная телеграмма:

«Ташкент. Среднеазиатский военный округ. Заместителю командующего войсками Городовикову.

Вы назначаетесь чрезвычайным уполномоченным Совета Народных Комиссаров СССР по координированию действий военных и гражданских властей для обеспечения доставки хлеба Памиру и восстановлению связи».

В Памирском дорожном управлении задержали посылку хлеба до наступления зимы. А когда уже нача-

лись морозы и выпал снег, они послали в горы семьдесят пять новеньких машин — почти весь памирский транспорт, но все машины застряли на перевале.

Чтобы обеспечить хлебом население Мургаба, нужно было доставить не меньше четырехсот тонн. Я отлично понимал всю ответственность возложенной на меня пражительством задачи.

Задача была необычайно трудна.

Памирские горы возвышаются над равниной. Вы едете по дороге и подъезжаете к отвесной стене скал, снега, льда. Автомобиль начинает петлями взбираться на высочайшие горы. Из-под колес сыплются камни, обломки скал, комья снега. Неосторожное движение — и автомобиль слетит в бездонную пропасть. На перевалах лежит даже летом глубокий снег. В долинах, которые находятся на одном уровне с высочайшими вершинами Альп, вечно бушуют метели. Одна из долин так и называется: Долина Смерчей.

Зимой Памир считается совершенно непроходимым. Нужно много перетерпеть, прежде чем доберешься до стремительного спуска к Мургабу.

Даже летом на автомобильной дороге часто бывают обвалы. Тогда автомобильное сообщение прерывается. Путники пробираются через Памир на лошадях и верблюдах по выючным тропам, висящим над глубокими ущельями. В ущельях бурлят реки. Через холодные быстрые горные потоки переплывают обычно на надутом воздухе кожаных мешках. Путешествие через Памир в Мургаб длится месяц¹.

Поэтому многие были убеждены в безуспешности предприятия. Даже в штабе экспедиции говорили:

— На чем вы повезете хлеб, на лошадях? Лошади не дойдут. Может быть, на яках? Эти черти, конечно, все вынесут, всюду пройдут, но...

Вы знаете, что такое як? Красноармейцы зовут его «чертом». Чертей я, по правде говоря, никогда живых не видел, но иначе, как чертом, это животное назвать труд-

---

¹ С той поры прошло много лет. Все изменилось. Через Памир проложены отличные дороги. Самолеты легко преодолевают вершины высоких гор. И Мургаб уж не тот затерянный на границе крохотный городок, о котором рассказывал нам Ока Иванович Городовиков.

но. В первый раз я познакомился с яками в Южной Киргизии. Наш отряд поднимался на перевал на высоте четырех километров. Кони наши храпели и задыхались в разреженном горном воздухе. Мы спешились и, ведя коней в поводу, с трудом продвигались дальше. Вдруг красноармейцы стали показывать друг другу на какое-то страшное чудовище, появившееся из-за поворота.

— Гляди-ка, черт, черт! — закричали они.

«Черт» шагал очень спокойно. На спине у него сидел всадник. Все туловище животного и короткие крепкие ноги были покрыты густой волнистой черной шерстью, волочившейся по земле. Густая черная грива, спадая с безрогого лба, почти закрывала глаза.

— Ох-хо-хо, кони устали, плохо, большая гора! — закричал киргиз-всадник и подхлестнул своего яка.

Вслед за ним из-за поворота вышел целый караван. Каждый як нес поклажу не меньше десяти пудов. Мои бойцы остановились и долго глядели вслед невиданным чудовищам.

— В этих местах только на чертях и ездить, — сказал кто-то.

После я узнал, что як на высоте ниже двух километров жить не может. На большой высоте выдерживает любой холод, по снегу любой глубины не идет, а ползет. Снег доходит до самого брюха, а он подгребает под себя снег, как по воде плывет. Ведь снег в горах рыхлый и сухой, словно пух. И спит як в снегу, как в пуховой перине — шерсть спасает его от холода. Кочевые племена летом стригут на яках шерсть, зимой сушат помет и топят им печи, вкусное мясо едят, а молоко пьют с удовольствием. Як заменяет в горах и корову и лошадь.

«А почему бы не повезти в Мургаб хлеб на яках? — подумал я. — Яки не боятся стужи, высоты. Но и они не могут жить в долинах. Они перенесут все трудности дальнего пути. Нужно достать несколько сот «чертей». Да, но что они будут есть? Ведь придется брать с собой и корм для них. Значит, прибавить еще сотню яков? Но тогда караван растянется на десять километров. Отставить», — решил я.

Один из работников Памирского дорожного управления сказал:

— Об использовании автомобилей и тракторов и ду-

мать нечего. Мы послали семьдесят пять машин, они все застряли, погребены под снегом...

Я подумал:

«А если бы вражеская армия пыталась отрезать Памир и нужно было двинуться в боевой поход на автомобилях? Мы бы приложили все усилия — и автомобили прошли бы. Пусть застряло семьдесят пять машин, но...»

— Советские автомобили и тракторы пройдут, — сказал я. — Мы пойдем через Памир на тракторах и автомобилях.

Многие заволновались:

— Радиogramмы сообщают, что на Памире пятьдесят градусов мороза. В Алайской долине свирепствует буря. В Долине Смерчей, Маркан-су, еще того хуже; выступать — безумие!

— Через двадцать четыре часа мы выступаем. Правительство поручило нам боевую задачу, мы, бойцы Красной Армии, должны ее выполнить немедленно. Все ясно?

Военные ответили:

— Все, товарищ командующий.

Скептики пожали плечами. Мне особенно запомнился один человек. Я не знал его фамилии. Он совершенно явно сомневался в успехе нашей экспедиции.

Я приказал отправить в город Ош отряд саперов, шестьдесят автомашин и три трактора. Оттуда мы должны были начать наш поход через непроходимый Памир.

МЫ ВЫСТУПАЕМ

Вот и Ош! Выехав вечером из Ташкента, я добрался сюда на рассвете. Ослепленные светом автомобильных фар, враспынную разбегались зайцы с дороги. Выгрузили все свое походное хозяйство. С боевым полковником, начальником штаба экспедиции, и с моим адъютантом капитаном Иогансеном мы долго стояли у карты. Через высочайшие горы вилась черная змейка дороги. Дорога проложена совсем недавно. До революции, в 1887 году, русские солдаты под командой подпоручика Мединского, а затем подпоручика Мастеркова расчистили путь на небольшом расстоянии, но администрация края сочла до-

рогу ненужной. Тяжелый труд солдат пропал даром, работы прекратились. И только при Советской власти дорога была проложена.

К десяти утра в маленькую, тесную комнатку дорожного управления набилась масса народу. В комнатке было жарко, как в бане на полке. Открыли форточку. В форточку задувало, на стол сыпался сухой пушистый снег. Очевидно, зима пришла всерьез и надолго.

Поглядывая в окно, люди высказывались весьма осторожно и неохотно. И здесь, в Оше, никто не верил, что мы сумеем доставить Мургабу хлеб.

— Было много попыток пробраться сквозь снег и завалы, и все эти попытки потерпели неудачу,— говорил один.

— Чего говорить понапрасну,— поддерживал другой.— Памир зимою непроходим — и точка. Чудес не бывает.

— Надо отложить поход до весны.

— Мы будем ждать зеленой травки, а люди погибнут от голода? — сказал я.— Мы должны спасти людей.

Никто не поддержал меня. Все молчали. Только начальник политотдела дороги сказал:

— Товарищ Городовиков прав. Спорить о непроходимости перевалов можно до самой весны. Ну что ж, поспорим, а люди за перевалами будут умирать голодной смертью. Я предлагаю прекратить споры и атаковать Памир.

Начальника политотдела тоже никто не поддержал. Одни пожимали плечами, другие принялись закуривать, а двое или трое просто-напросто поднялись и пошли к дверям. Совещание было закончено.

А тем временем в кузнечной мастерской ярко пылали горны. Молотобойцы, мастера, подмастерья не обсуждали, проходимы или непроходимы зимой перевалы Памира. Они готовили нас в поход. Высоченный молотобоец в кожаном фартуке со всей силой ударял молотом по наковальне. Огненные брызги вылетали из-под молота.

— Закончим к сроку, товарищ командующий,— сказал он басом.— Ваши ребята поддали жару. Только смотрите, как бы плотники не замешкались.

Мы прошли в плотницкую. Здесь тоже кипела ра-

бота. Мои саперы помогали плотникам сооружать де-
сять саней-прицепов. Из огромных бревен уже выстру-
гивали полозья. Мы эти сани прицепим к тракторам и
повезем на них хлеб.

А в райвоенкомате каптенармус раздавал бойцам по-
ходное обмундирование: валенки, полушубки. Каптенар-
мус сердился: бойцы подбирали себе валенки полегче и
покрасивее.

— Бери другие,— кричал каптенармус,— от этой
красоты на перевале напляшешься!

— А может, на Памире тоже девушки есть,— отве-
чали каптеру бойцы.— Засмеют!

— Смирно! — скомандовал курносый дежурный.

Бойцы вскочили. Начальник отряда саперов, отра-
портовав, показал мне свеженькую стенную газету. Са-
моучка-художник нарисовал горы: они были похожи на
груды арбузов и дынь.

«Возьмем Памир!» — было написано над горами.

«Возьмем,— подумал я.— Хорошие ребята! С такими
возьмем».

Мы вышли на улицу и сели в машину. Снегопад про-
должался. Крутила метель. Колеса на поворотах зары-
вались в наметанные снегом сугробы. На шапках и на
плечах прохожих снег лежал толстым слоем. Где-то на
углу стояла брошенная людьми, засыпанная снегом пу-
стая арба.

В Ошском дорожном управлении была тишь, гладь
да божья благодать. Служащие, отработав свое до че-
тырех часов, разошлись по домам. Адъютант мой, него-
дуя, доложил, что никто не позаботился достать гвоздей
и железа для обшивки снегоочистителей.

Через час-другой мои бойцы разыскали работников
Ошского дорожного управления. Дорожники разводили
руками и ссылались на всякие объективные причины.

Я сказал:

— Если гвоздей и железа не будет, отдам вас под суд.
Чинуши притихли и мигом достали и гвозди и же-
лезо.

На следующее утро мы выступили из Оша.

На грузовые машины были посажены опытные шоферы, не раз пересекавшие Памир летом. Мой шофер Дубов был парень отчаянный, смелый и ловкий, не терявшийся ни при каких обстоятельствах. К полудню мы уже были далеко от Оша. Погода стояла ясная. Впереди были отчетливо видны суровые вершины Алайского хребта.

Проехали занесенный снегом кишлак Мады, когда-то, тысячу лет назад, бывший городом Медвом. Полчища завоевателей, приходившие в Среднюю Азию из Центральной Азии, сровняли с землей его грозные башни. Проехали рощу гигантских деревьев карагачей, охранявших могилу какого-то мусульманского святого. Проехали поселок Лянгар, где в конце девятнадцатого века квартировал штаб генерала Скобелева. Дорога поднималась все выше и выше, на перевал Чигирчик. Машины пошли со скоростью пешехода — им было трудно взять высоту в две с половиной тысячи метров. Буксовали колеса, захлебывался мотор. Мы вышли из машин и пошли пешком.

Вскоре машины попали на бесснежный участок, рванули и пошли полным ходом. Ну и гнались же мы за ними! С трудом вскакивали на ходу. Тут нам пригодилась кавалерийская сноровка: не легко вскочить на ходу в машину, если на тебе ватный костюм, полушубок и высокие валенки; кавалерист же привык садиться на коня на полном скаку в тяжелом боевом снаряжении.

Наконец мы благополучно взобрались на перевал Чигирчик. Алайский хребет был перед нами, совсем близко! Гряда гор показалась мне неприступной. Снег на горах сверкал ослепительным блеском, на снегу лежали совершенно синие тени. Машины остановились.

— Э-э-эй! — вдруг закричал кто-то над нами.

Эхо повторило в горах этот крик. Мы подняли головы. По снежному склону спускался к нам человек. Он размахивал руками. Вдруг он поскользнулся и чуть не свалился вниз. Но удержался и продолжал свой путь.

— Подожди, товарищ начальник! — кричал он.

Высоко над головой человек держал охотничью винтовку. Через несколько минут он спустился к нам. Это

был охотник-киргиз, с приплюснутым носом, редкой породкой, опущенными вниз черными усами.

— Дело есть,— сказал он, посмотрев на нас хитрым взглядом.— На обед остановитесь в Гульче?

— В Гульче.

— Мясо архара¹ пробовали? Очень вкусное.

Я сразу сообразил, что нужно охотнику:

— Сколько тебе нужно патронов?

— Умному только намекни, он сразу поймет,— выпалил повеселевший киргиз.— Давай пять патронов.

— Много.

— Ну, три.

— Тоже много. Ты ведь, наверное, бьешь без промаха.

Охотник почесал затылок:

— Это как придется, могу и промахнуться.

Я дал ему три патрона. Он подбросил их на ладони.

— Тебя как зовут?

— Меня-то? Сабди.

Он повернулся и стал легко взбираться на гору. В тяжелом тулупе, в шапке-треухе, в неудобных сапогах из невыделанной шкуры архара ни один из нас не смог бы ступить и шагу. А охотник лез и лез на гору и скоро пропал. Мы переглянулись и сели в машины. Мне до того захотелось поохотиться вместе с киргизом!.. Я знал, что охота в горах трудна — снег глубокий, воздух разреженный. Но я ведь заядлый охотник! И я не раз ходил с киргизами на охоту в горы. Они удивляли меня своей выносливостью: привяжут добычу за хвост и волокут по снегу, как пушинку, а потом разведут костер. Пылают сучья горного кустарника — арчи, на вертеле шипит, поджариваясь, свежая дичь. Хорошо! Но теперь не до охоты! Машины стали спускаться в долину, залитую солнечным светом. На дне долины чернели домики поселка Гульча. Шофер резко затормозил.

Впереди пятитонный грузовик висел над пропастью на одних задних колесах. Если бы задние колеса не держались за выступ скалы, и шофер и его помощник разбились бы вдребезги.

— Машина цела, товарищ командующий,— отпар-

---

¹ А р х а р — горный козел.

товал помощник шофера.— Чуть было не загремели: Васька с рулем не управился.

Общими усилиями мы с величайшей осторожностью вытащили пятитонку на дорогу.

Я предупредил водителей:

— Будьте осторожны. Сверзитесь в пропасть — костей не соберешь. А ваша жизнь дороже всякой машины.

Водители подошли к краю дороги и заглянули в пропасть. Дна не было видно, где-то глубоко внизу плавал сизый туман. Только что спасшиеся от верной смерти шофер с помощником развели костер из тряпок, смоченных бензином. Они разогревали консервы.

— Не хотите ли закусить, товарищ командующий? Отличные консервы. Мясо — первый сорт!

Ели они с большим аппетитом. Вот так же, бывало, и мы, конники, закусывали после пятнадцатой или шестнадцатой атаки. Что и говорить, молодое поколение — молодцы!

Через несколько минут я уже урезонивал своего шофера, который повел машину, как он говорил, «с ветерком».

Вскоре мы приехали в Гульчу, селение, раскинувшееся на берегу реки, у склонов снежных гор. Раньше здесь был укрепленный аванпост царского правительства, в тесных казармах скучала сотня казаков. Теперь Гульча стала районным центром, с кооперативами, аптеками, учреждениями.

У райсовета нас встретил начальник дорожного участка. Он доложил, что телефонная связь нарушена обвалом. Перевал Катын-арт засыпан снегом. Больше он ничего пока не знает.

В большой землянке, вырытой в склоне горы, нас уже ждал охотник Сабди.

— Как ты сюда попал раньше нас? — удивился я.

— Горами ходить ближе. Будем варить архара.— И он показал на лежавшие у буфетной стойки две туши горных козлов. Потом он вынул из кармана и показал на ладони два патрона.

— Одним патроном убил двух? — снова удивился я.

— Да. В снегу лежал, ждал, пока одним двух свалю. Дождался. Патроны беречь надо, патронов нету.

Через час мы ели вкусного вареного архара.

...Когда мы под вечер подъехали к одной из баз, свирепствовал буран. Было очень холодно. В землянках мерцали огоньки. Заведующий базой доложил:

— На перевале Катын-арт обвал засыпал семь рабочих. Теперь их не найти и не спасти.

Сразу стало тихо. Шоферы молча пошли к машинам.

— Останьтесь ночевать, товарищ командующий, — сказал заведующий базой. — Ночь жуткая, мороз тридцать шесть градусов.

Но нам нельзя было остаться ночевать. Нам был дорог каждый час. Не теряя ни минуты, мы тронулись в дальнейший путь. Машины теперь пробирались по дороге-карнизу, висящему над бездонной пропастью. Справа темнела высокая стена, слева — обрыв, черная пустота. Колеса буксовали.

Мой шофер Дубов перестал шутить, пятил машину, брал разбег. Машина застряла. Мы вылезли, стали тянуть машину вперед.

— Ра-а-азом взяли!

Кое-как выволокли, сели, проехали несколько шагов, опять стали. Пришлось снова вылезать.

Теперь мы уже поехали черепашным шагом. Ветер гудел между скалами, с неба сыпалась острая снежная крупа. Впереди показались столпившиеся грузовики, доверху нагруженные хлебом. Бойцы разводили костер. Один из шоферов, с посиневшим от холода лицом, доложил:

— Рытье траншеи заканчивают. Скоро тронемся, товарищ командующий!

Чтобы добраться до передней машины, пришлось стать цирковым артистом. Залезешь в кузов, с кузова перекарабкаешься на радиатор, с радиатора прыгаешь в кузов следующего грузовика. Обойти машины негде — сорвешься в пропасть. Несмотря на мороз, стало жарко от такого трюкачества.

— Что тут?

— Заканчиваем, — донесся из темноты чей-то голос.

Мне вспомнилась книга Жюль Верн «80 000 километров под водой».

Вы помните, когда «Наутилус» застрял во льдах, его обитатели вышли из лодки и прорубали в сплошном льду тоннель при свете факелов? Точно такая же кар-

тина предстала перед моими глазами. Восемьдесят рабочих и бойцов прорывали тоннель в глубоком снегу. Красные огни факелов, сделанных из тряпок, вымоченных в бензине, скользили по двум белым двенадцатиметровым стенам. Люди работали с лихорадочной поспешностью, так как с неба все сыпала и сыпала крупа. Мы взяли лопаты и тоже принялись разгребать снежную гору.

Прошло несколько часов. Наконец тоннель был прорыт. В снегу зияла черная узкая дыра. Шофер головной машины влез на сиденье, дал газ и... дно тоннеля, не выдержав тяжести нагруженной трехтонки, осело. Машина глубоко увязла, в горах раздался грохот.

— Назад! Назад! — закричал я, и все кинулись бежать из тоннеля.

Сплошная снежная туча обрушилась сверху, погасив факелы...

Когда встревоженные шоферы зажгли автомобильные фары, оказалось, что многочасовая работа пропала даром.

Люди все были целы, но тоннель завалило снегом.

...Глубокой ночью мы, совсем выбившиеся из сил, снова прорывали тоннель. Чтобы не повторилось несчастье, я решил облегчить машины: залез в кузов первой трехтонки и стал выбрасывать груз. Мне помогали шоферы и бойцы. Потом мы привязали веревку к передней оси грузовика, шофер дал газ, и машина, буксуя и кряхтя, медленно поползла вперед. Пройдя тоннель, машина остановилась.

Я вернулся, поднял тяжелый мешок и понес его в кузов. Все последовали моему примеру. Когда первая машина была нагружена, мы разгрузили вторую и так же, на веревке, протащили ее через тоннель: Перетаскали мешки во вторую, разгрузили третью. За три часа перетаскили через тоннель девять машин и устроили перекур.

Все тяжело дышали. При свете фар мы увидели, что наши лица расписаны копотью. Мы были похожи на чернокожих. Глядя друг на друга, расхохотались. Эхо загрохотало в ущелье.

— Ну, товарищи, смех смехом, а еще девять машин ждут нас в снегу.

И мы снова принялись за работу. Разгрузив машину, перетаскивали ее порожняком, нагружали, возвращались к следующей, разгружали, снова тащили... Два шофера почувствовали приступ горной болезни тутека: появилось сердцебиение, сильная головная боль. Мы уложили их в кузов, решив присматривать за ними, чтобы они не замерзли. Мороз и ветер стали прямо невыносимыми.

— А ну-ка разогреемся! — кричал я. — Все сюда! Берись за канат! Раз-два, дружно!

— Раз-ом взя-ли!

Машина подалась вперед и заскользила по снегу.

Через много часов все восемнадцать машин спускались с перевала. Прошел короткий зимний день. В предвечернем сумраке замелькали редкие огоньки. Перед нами было селение.

НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

С какой радостью мы отогревались возле железной печки в похожей на пещеру конторе дорожного управления! Такие печки назывались в годы гражданской войны «буржуйками» и стояли во всех московских квартирах. Один из бойцов, фотограф-любитель, почти замерзший, почувствовал такую нежность к печке-«буржуйке», что чуть не сгорел. Еле мы его потушили.

В конторе было грязно и неудобно.

Никто не спал. Мы сидели в шапках и рукавицах на грубой скамье. Вдруг за стенами конторы послышался оглушительный крик и выстрелы.

«Басмачи? — подумал я, но сразу сообразил: — Тьфу! Какие могут быть теперь басмачи?» Все же я схватился за кобуру.

В контору, задыхаясь, вбежал шофер Дубов:

— Товарищ командующий! Там... там...

Я выскочил на двор. Автомашины с зажженными фарами сгрудились на тесной площади. Лучи фар скользили по крышам домиков, занесенных снегом, по снежным скатам гор. Пылали факелы. Сирены отчаянно гу-

дели. Вдруг в воздух взвилось пламя и раздались неистовые крики.

— Что происходит? — крикнул я.

— Новый год справляем, товарищ командующий! Ивахин фейерверк пускает!

— Тыфу ты черт, до чего напугали!

Я увидел Ивахина. Этот озорной помощник шофера набрав в рот бензина, брызнул на горящую бумагу. В воздухе сразу вспыхнул ослепительный огненный шар. Бойцы изо всех сил захлопали в ладоши и закричали «ура». А сирены гудели и гудели. Наконец на минуту все стихло.

Бойцы дружно крикнули:

— С Но-вым го-дом!

Откуда-то появилась гармоника. Кто-то заиграл «цыганочку». Дубов и Ивахин пошли, лихо притопывая, в пляс. «Цыганочка» сменилась «русской», а потом несколько плясунов лихо отплясывали под хор:

Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои!

Даже мне, бывалому человеку, выдавшему виды на своем веку, было трудно поверить, что пляшут и поют те же молодые ребята, которые всего час назад изнемогали, штурмуя один из высочайших перевалов в мире.

Заведующий базой растерянно стоял рядом со мной и вздыхал восторженно:

— Вот это ребята! С такими не пропадешь!

Заливалась гармошка, ревели сирены, доносились веселые крики:

— Ой, жги!

Мы с капитаном написали поздравление с Новым годом Семену Михайловичу Буденному. Он ведь любит смелые походы. Мы сообщили Семену Михайловичу, что через двенадцать дней, 12 января, хлеб в Мургаб будет доставлен. Мы были твердо уверены в этом. Невольно я вспомнил, как много лет назад Буденный был так же твердо уверен, что возьмет Воронеж.

И он действительно 24 октября взял Воронеж, а генерал Шкуро бежал, бросив бронепоезда и обозы.

Передали телеграмму радисту.

Нам уже не хотелось спать. Я вспоминал своих дочек, капитан — жену. Чуть-чуть стало грустно, но только чуть-чуть. Ведь многие родные и знакомые в эту ночь тоже вспоминают нас.

И мы повеселели, разговорились и проговорили чуть не до утра. Я рассказал капитану несколько историй из своей жизни. Вот одна из них.

КАК БУДЕННЫЙ ВЫДАВАЛ МЕНЯ ЗА ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛА

Буденный любил пошутить. Когда в 1920 году Первая Конная, разбив белых, остановилась в Майкопе, Реввоенсовет решил устроить торжественный обед. Подыскивали подходящий дом, закупили продуктов. Владелец дома, купец, сбежал, остались три его родственницы, важные и тучные купчихи. Они, само собой разумеется, сделали вид, что им очень приятно принимать нас у себя в доме, обещали как следует приготовить обед и поухаживать за нами. Час обеда настал. Собралось нас человек сто. Разодетые купчихи изображали хозяек, любезно здоровались с нами.

— Погоди,— подмигнул мне Буденный,— сейчас будет потеха! — И, подойдя к хозяйкам, сказал, указывая на меня: — Позвольте представить. Японский генерал Окаяма.

— Ах, ах! — заволновались купчихи.— До чего приятно!

Они сразу подсели ко мне. Обед начался. Ворошилов и Буденный выступили с речами. Они поздравили нас с победой над врагом. Наконец все принялись за еду.

Купчихи мне не давали покоя:

— Ах, генерал! У вас такая прекрасная, цветущая родина!

— Ах, генерал! Ведь вашу страну называют Страной Восходящего Солнца!

Ну и удружил мне Семен Михайлович! Они мешали мне есть, а обед был чертовски вкусный.

— Что вас привело сюда, генерал? — продолжали расспрашивать купчихи.

— А я во время русско-японской войны попал в плен к русским да тут и остался.

Я плохо говорил по-русски, а мой калмыцкий акцент вполне сошел за японский. Я ел вкусную баранину, а купчихи не унимались:

— У вас, генерал, наверное, есть на родине жена, дети?

Жена моя и дочери жили в Сальских степях. Я мигом перебросил их в Страну Восходящего Солнца. Купчихи начали меня спрашивать про какие-то японские острова, о которых я и понятия не имел.

— Э,— поднял я палец вместе с вилкой,— эти острова совсем не так называются.— И, припомнив калмыцкие названия сальских хуторов, я выпалил: — Они называются: остров Бургуста, остров Эльмута и остров Шара-Бу-лук. И есть еще остров Хатам-булак.

— Ах, ах! — восклицали потрясенные купчихи.

Они принялись угощать меня самыми вкусными вещами, и Семен Михайлович даже начал с завистью поглядывать на меня — мне перепадали лучшие куски.

Купчихи так и не узнали, что принимали за японского генерала калмыка, уроженца Сальских степей.

АЛАЙСКАЯ ДОЛИНА

В первый день нового года, пока все бойцы и шоферы спали, я выехал на рекогносцировку¹ в Алайскую долину.

Нечеловеческими усилиями мои бойцы взяли только первые подступы к Памиру; самое главное, самое опасное предстояло впереди.

Возле маленьких салазок стояли в упряжи восемь огромных кудлатых туркменских овчарок. Вид у этих собак чрезвычайно страшный, а я никогда не ездил на собаках. Но что поделаешь! Пешком далеко не уйдешь, а на машине и верхом по снегам не проберешься. Пришлось усесться в салазки.

Собачий вожак рванул, и вся восьмерка бойко побегала по снегу. Пришлось надеть черные очки — так ослепительно сиял снег в Алайской долине. Напомню вам,

---

¹ Рекогносцировка — разведка местности.

что эта «долина» находится на уровне высочайших вершин Альп. А над долиной, перерезая ее поперек, высится Заалайский хребет. Нам и его придется преодолеть.

Телеграфные столбы были занесены снегом до самых верхушек, а провода лежали прямо на снегу. Связь была порвана. Но я знал, что там, за долиной, у подножия хребта все население Бардобы готовит нам дорогу. Я знал, что два моих бойца, рискуя жизнью, пытаются наладить телефонную связь. Сорокаградусный мороз щипал щеки, но кудлатые псы бодро тащили салазки. Наконец мы добрались до речушки, через которую был перекинут засыпанный до перил снегом мост. Возле моста стояла избушка. Из трубы валил дым.

— Здесь живут люди? В Алайской долине?

Из избушки вышел старик:

— Пожалуйте погреться.

Я вошел в избу. С лавки поднялась опрятная старушка. В избе было очень чисто, на полке стояла фотография девушки.

— Дочка наша. В Москве кончает университет. Ждем, товарищ командир, на лето в гости. Далеко ей ехать до нас, ох далеко!

Старик покачал головой. А я не мог выговорить ни слова. Так поразило меня: здесь, за много тысяч километров от Москвы, в непроходимых горах живут старик со старухой, стерегут мост. А дочка учится в Москве, будет ученым. Невольно вспомнил я и своих родителей, бедных калмыков, и свою жизнь. Был я пастухом, служкой у буддийского попа, поваром у богача торговца. А теперь командую десятками тысяч бойцов, и дочери мои учатся и станут учеными. Где это может быть еще, кроме нашей страны?

Мы разговорились. Старик рассказал, что жить в Алайской долине тяжело, бесподручно. Огорода развести нельзя — земля не родит не только хлеба, но даже капусты и картошки. Корову нельзя завести, потому что во всей округе нет дерева, не из чего построить сарай. Собаку и то нельзя держать — волки съедят. Здесь волков много. Дочка звала к себе, в Москву, но старики привыкли к своей избушке, к своему мосту. Заходят к ним пограничники, помогают, заботятся.

Я рассказал старикам, что мы везем хлеб в Мургаб.

— Большое дело, товарищ начальник, трудное дело. Завертит буран, тяжело тебе будет,— сказал старик.— В случае чего, мы огонь всю ночь не будем гасить, на огонь и держите, не советесь с пути. А то у нас, коли с пути советесь, беда!

Я поблагодарил стариков и вышел. Старик проводил меня до салазок. Вскоре домик скрылся в сугробах. Впереди я увидел просыпавшийся лагерь.

ШТУРМ АЛАЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Через несколько часов буран снова бушевал над Алайской долиной. Ветер выл над селением, сбивая с ног путников. Вторая колонна машин с грузом и тракторов с санями-прицепами двигалась по проложенному нами пути из Оша. Штурмовать Алайскую долину мы решили все вместе. Мы ждали вторую колонну к утру. Может быть, к этому времени буран утихнет. Какой-то человек пытался начать страшные рассказы о погибших в Алайской долине в разное время путниках и проезжих. Я приказал ему замолчать: не время для таких разговоров. Человек замялся и скрылся. Под вечер в контору пришел Сабди-охотник.

— Сабди? Откуда ты взялся?

Охотник втащил болтавшуюся на веревке тушу архара:

— Дивы и пери летают по воздуху. Я приручил одного дива.

— Ты что ж, едешь верхом на духах?

— Мне попался ленивый див,— засмеялся киргиз.— Я его бил, бил, плохо идет, свои ноги вернее.

Через несколько минут на «буржуйке» варился суп, а Сабди рассказывал нам:

— Мой отец воевал в отряде сына алайской царицы Ая? Я двадцать лет стреляю архаров. Ты видишь, начальник, мою винтовку? Было время, она знала другую охоту. Одна пуля сорвет погон, другая пронзит сердце. Мы знали, как воевать с белыми, и помогали кзыл-аскерам, красноармейцам...

В этот вечер все плотно поели. Оказалось, что Сабди убил двух архаров и одного отдал бойцам и шоферам.

...Наутро ожидаемая колонна тракторов и автомобилей пришла в селение. Снег покрывал брезенты, крыши шоферских кабинок, таял на радиаторах. Усталые люди перекликались, радуясь отдыху. Начальник колонны рассказал, с каким трудом прошли они по однажды пройденной нами дороге. Снег завалил тоннели, их снова пришлось разрывать. Один из тракторов со снегоочистителем сломался. А без снегоочистителя дальше идти нельзя. Ко мне пришли мастера, старик и двое парней, прибывшие с колонной. Они не спали две ночи.

Старик механик с красными от бессонницы глазами сказал:

— На ремонт потребуется не меньше полутора суток. Да и поспать не мешало бы. Значит, двое суток.

Он подождал, снял очки, протер их платком и спросил:

— А когда нужно выступать?

— Через двенадцать часов.

— Так что же? Сейчас приступим и к сроку сдадим. Верно, ребята?

Парни переглянулись, и один сказал:

— Ведь не спать же. Ясно, сдадим.

Работа кипела. Все готовились к штурму. Шоферы проверяли машины, саперы — подрывное имущество. Я навещал больных горной болезнью; даже врач экспедиции заболел. Мы постарались разместить больных как можно удобнее.

На площадь киргизы привели несколько яков. Лохматые «черти» стояли, поглядывая на нас заросшими шерстью глазками. Они повезут через долину юрты. Два киргиза ходили вокруг «чертей», покрикивая на них. Вдруг они увидели Сабди и что-то быстро заговорили по-киргизски. Потом пошли в сторону.

— Куда они? — спросил я охотника.

— Совсем ушли, — пояснил Сабди. — Они говорят, зимой в долине живут дивы. И главный див — страшный и злой. Никто зимой не пройдет через долину.

И Сабди вдруг сел на корточки и запел гортанным голосом киргизского колдуна:

О Чал-мама, Чал-мама!

Не найдешь ты себе места, Чал-мама!

Ты срываешь с утесов камни, Чал-мама!
Ты плачешь и стонешь, о Чал-мама!
Ты распустила седые космы, о Чал-мама!
Чал-мама! Чал-мама!
Я прекращу твою бурю,
Сломаю порыв твой, о Чал-мама!
Навлеку я смерть на седую голову, Чал-мама!
Будь уверена в этом, Чал-мама!
Чал-мама! Чал-мама!

— Помешался! — в ужасе крикнул капитан. — Вот не знал, что горная болезнь доводит до сумасшествия. Отойдите от него, товарищ командующий! Отойдите!

Но Сабди встал и сказал совсем спокойно:

— Э-э! Вы думали, я сошел с ума? Сабди не сошел с ума, это такие слова. Чал-мама — седая старуха, бураном заведует. Она теперь меня боится, а я ее не боюсь. Я поведу юрты через Алайскую долину.

— Ну, спасибо тебе, Сабди, — сказал я.

А Сабди уже осматривал яков.

Ровно через двенадцать часов в контору вошел старик механик с заиндеветшей бородой. Он работал вместе со своими товарищами на сорокаградусном морозе. Окоченевшими пальцами он вынул из-за обшлага тужурки ремонтный наряд и сказал просто:

— Подпиши, товарищ командующий.

Я подписал наряд и крепко пожал старику руку:

— Спасибо, товарищи! За вашу работу я выдам вам премию.

Старик нахмурился:

— Да разве мы для денег? Хлеб ведь везете. В Мургабе голодные люди минуты считают.

Он повернулся и вышел. А я понял, что совершил ошибку, упомянув о деньгах.

Через несколько минут на окраине поселка стояли машины с саперами и все три роты грузовиков.

Прогудела сирена головной машины. Колонна медленно двинулась. Навстречу взвыл ветер и стал кидаться в машины снегом. Через несколько десятков метров колонна стала: головная машина застряла в снегу по самый кузов. Трактор с саперами ушел вперед; бойцы где-то впереди в морозной мгле боролись со снегом. Мы

слышали далекие и глухие взрывы. А здесь, у колонны, повторилось все то, что мы проделывали двое суток назад, когда обвалился снежный тоннель. Мы бегали от машины к машине. Мы скидывали груз и протаскивали несколько метров пустой грузовик. Потом снова нагружали его хлебом и разгружали следующий. Тащили его порожняком, и... только теперь было не восемнадцать грузовиков, а свыше шестидесяти. Злой ветер сбивал с ног, валил в снег, острая крупа резала лица до крови. Но бойцы не унывали.

— Три, три себе щеки! — кричал я, увидев зловещие белые пятна, и сам принимался растирать рукавицами щеки бойца.

Я пробрался вперед, к саперам. Несколько раз ветер сшибал меня с ног. Здесь было похоже на гигантскую каменоломню. В глубине несколько саперов кирками откалывали огромную снежную глыбу. В прорытую дыру они заложили динамит.

— Назад на четыреста метров! — крикнул командир отряда саперов.

Пригнувшись, саперы побежали назад. Раздался взрыв, в воздух полетели белоснежные глыбы. Эхо загрохотало в горах.

Когда снежный вихрь рассеялся, я увидел впереди красный огонек. Я вспомнил слова старика, сторожившего мост, единственного обитателя Алайской долины:

«В случае чего мы огонь не будем гасить, на огонек и держитесь, не собьетесь с пути...»

Старик не гасил огонь. Он указывал нам путь через страшную долину.

За двое суток мы прошли всего двенадцать километров. Теперь огонек мерцал уже позади, но не угасал ни на минуту. Он служил для нас маяком и многих спас от гибели.

Ослепленные бурей, мы старались не отходить от машин ни на шаг. Шагнешь в сторону — закрутит, завертит буран, швырнет в снег, погибнешь.

Саперы взрывали всё новые и новые глыбы снега. Эти ребята не знали ни усталости, ни покоя. Но машины с большим трудом продвигались на несколько метров и

застревали. Мимо меня четыре бойца бережно пронесли брезент. На брезенте что-то лежало, длинное, вытянувшееся.

— Замерз? — ужаснулся я.

— Замерз,— глухо ответил один из носильщиков.

— Скорее в машину, растереть спиртом!

— Поздно, товарищ командующий! Скончался.

Это был Осташкин, веселый шофер-комсомолец. Еще вчера он весело отплясывал «Русскую», а сегодня...

Помощник Осташкина доложил мне, как это случилось.

Осташкин заметил, что помощник не держится на ногах, потребовал:

— Иди обогрейся. Потом я пойду.

У помощника начинался приступ горной болезни: головная боль, звон в ушах, тошнота. Он не хотел оставить товарища, но наконец не выдержал, сдался. Осташкин плотнее закутался в полушубок и сел за руль.

Помощник вернулся минут через пятнадцать.

— Осташкин! — позвал он товарища.

Тот молчал.

Помощник удивленно отворил дверь кабинки. Осташкин сидел понурясь. Руки его лежали на руле.

— Осташкин!

Осташкин не отвечал.

«Заснул»,— подумал помощник.

— Эй, чучело! — весело крикнул он и принялся расталкивать товарища.— Скоро поедем! Саперы прошли уже два километра.

С ужасом он заметил, что голова Осташкина беспомощно болталась из стороны в сторону. Руки упали с баранки руля и остались висеть без движения.

— Оста-аш-кин!

Его товарищ был мертв.

...Я отдал приказ: «Будить заснувших. Не давать спать». Назначили специальный наряд дежурных. Сам стал обходить машины. Ведь после работы на морозе в сравнительно теплой кабинке размаривает. Заснешь, мотор заглохнет, отработанный газ и разреженный воздух быстро справятся с усталым сердцем.

Впереди один за другим вздымались снежные смерчи. Саперы продолжали расчищать дорогу. Наконец колонна тронулась к Заалайскому хребту. Буран чуть стих. Навстречу нам скакал всадник.

— Четыреста рабочих Бардобы расчищают путь навстречу вашей колонне,— сообщил он.— Боимся, что ветер погубит наш труд. Скорее, скорее!

— Скорее! — пронеслось по машинам.

Впереди саперы кричали «ура». Они пробились до дороги, расчищенной рабочими Бардобы. Я подоспел как раз вовремя.

Саперы вскочили в машины. Машины двинулись.

Мы приближались к Бардобе.

За четверо суток колонна прошла всего двадцать пять километров.

ДОЛИНА СМЕРЧЕЙ

В Бардобе нас угостили ужином и чаем. Усталые, замерзшие люди сразу ободрились и повеселели.

— Всем отдыхать,— приказал я.— Спать, спать.

К вечеру пурга стихла. На небо выползла луна. Всадник с винтовкой за плечами подъехал к нашему домику на лохматом чудовище. Что-то черное волочилось за всадником на веревке.

— Товарищ начальник! — сказал всадник.— Юрты расставил, твои ребята спят.

Это был Сабди.

— А вот получи архара.— И он показал на тушу, волочившуюся на веревке.

Положительно, это был смелый, отчаянный охотник!

Волосатое чудовище под всадником трясло головой.

— Видал духа, товарищ начальник? — показал на своего яка Сабди.— Див-скаун!

И он похлопал чудовище по шее.

Я обошел лагерь. Люди спали в юртах, расставленных Сабди. Спали крепко.

На следующий день я приказал перегрузить машины. Два трактора и несколько машин вышли из строя, мы их решили оставить в Бардобе.

Шоферы протестовали, уговаривали, я был неумо-

лим. Ведь переход через Заалайский хребет не шутка, а Долина Смерчей гораздо страшнее Алайской долины.

Первыми из Бардобы выступили саперы. Они стали рыть траншеи, взрывать снег, готовить дорогу. За день они расчистили только восемнадцать километров.

Мы хотели выступить на следующее утро, но к вечеру поднялся резкий ветер. Он рвал флаг на крыше здания, приподнимал, казалось, крыши на домиках, срывал юрты. Сабди гонялся за ними, грузил их на своих яков.

Я приказал играть тревогу. Ведь если снег занесет дорогу, пропадет вся проделанная работа.

— К машинам! — раздалась команда.

Шоферы и бойцы кинулись к машинам, запахивая на ходу полушубки и нахлобучивая теплые шапки. Вспыхнули автомобильные фары.

Саперы снова ушли вперед, за ними вытянулась вся колонна.

Вскоре мы обогнали караван Сабди, упорных «чертей», шагавших как ни в чем не бывало по глубокому снегу.

Мы вступили в угрюмое, темное ущелье. Огромные стены висели над нами. И вдруг неизвестно откуда появился снежный смерч. Снежный крутящийся столб несся с огромной быстротой, сваливал с ног людей, сдвигал в сторону нагруженные трехтонки, как спичечные коробки, выл, гудел.

Никогда в жизни я не видел ничего подобного! Я вспомнил переход через Гнилое море — Сиваш, самые лихие кавалерийские атаки...

Смерч пронесся через всю колонну и исчез позади.

Люди, лежа на земле, медленно поднимали головы. Потом, кряхтя, начинали вставать, протирая глаза и отплевываясь. Они шатались, словно пьяные.

— Товарищ командующий! — в отчаянии крикнул капитан. — Дорогу засыпало!..

— С машин долой. Лопаты в руки! — крикнул я.

Услышавшие меня командиры передавали уже по колонне:

— Долой с машин! В руки лопаты! Шоферы, не зевать! Следи за мотором!

С трудом мы добрались до головной машины. Перед ней возвышалась высокая снежная стена.

Все, что было проделано саперами за день невероятного труда, пошло насмарку.

Долина Смерчей казалась непроходимой.

Но идти вперед надо было во что бы то ни стало, иначе налетят смерчи и похоронят весь транспорт под снегом.

Мы стали рыть с каким-то ожесточением. Ветер достигал двенадцати баллов. Мороз был около сорока градусов. Дышать было нечем. То и дело приходилось оттирать щеки, нос, руки.

— Смерч, смерч! — закричал вдруг кто-то, и все бросились на землю.

Синий крутящийся столб на этот раз пронесся стороной. Он лишь обдал нас ледяной пылью.

— К лопатам! Вперед!

За час мы продвинулись на сто метров. Машины, слепя светом фар, медленно следовали за нами. Само собой разумеется, дорога была неровной, машины то вставали на дыбы, то ложились набок.

К двум часам ночи температура упала до сорока двух градусов. Машины стали. Работать было все труднее и труднее. Но стоило остановиться на месте — и машины мигом превращались в ледяные глыбы.

Я видел, что мои ребята начинают выбиваться из сил. Они проголодались, но все продукты превратились в лед. Я выдал им по глотку коньяка, стало еще хуже: коньяк ударил в голову, началось головокружение, одышка и слабость.

Какой-то человек, видимо местный работник, следовавший с колонной, подошел ко мне и решительно сказал:

— Ничего не выйдет. Пробиваться — безумие! Надо прекратить продвижение, выпустить из машин воду и увести людей в Бардобу.

В темноте я не видел его лица. Но я отлично понял, что этот человек предлагает сдаться и признать поход неосуществимым. Он предлагает также погубить машины, оставив их в Долине Смерчей.

— Мы не отступим ни на шаг, — сказал я в темноту. — Будем пробиваться.

— Правильно, товарищ командующий! Пробиваться! — подхватили бойцы, командиры, рабочие.

За час мы продвинулись на сто метров.

— Сабди,— сказал я киргизу, дремавшему на сонном «чёрте»,— поезжай в Бардобу и скажи, чтобы немедленно прислали тракторы. Понял?

— Понял,— ответил киргиз.

Он повернул яка и скрылся в снежной мгле.

— Мы потащим машины волоком, на тракторах,— сказал я.— А пока давайте расчищать снег.

Буря стихла. Из-за гор вставал розовый рассвет. Факры погасили. Картина была невеселая: продвинулись мы всего на полтора километра. Результаты ночного боя были не в нашу пользу: большинство машин лежало на боку. Шоферы разогревали скованные льдом моторы. На радиаторах полыхало пламя. На минуту моторы начинали работать и снова, закашляв, стихали.

Прошло несколько часов. Мы продвинулись не более как на сто метров. Ни Сабди, ни тракторов не было.

В воздухе снова закружились белые хлопья. Саперы работали, выбиваясь из сил. Кто отсиживался с незначительным гарнизоном в осажденной крепости и ждал подкрепления, поймет мое состояние. Я ждал тракторов, а их не было.

Может быть, храбрый охотник не добрался до Бардобы? Может быть, с тракторами что-нибудь случилось?

У меня заоченели пальцы. Я снова взял лопату. Капитан работал рядом со мной. Буран снова усилился, наступила полная темнота. Вдруг капитан уткнулся головой в сугроб.

— Капитан!

Он пытался подняться. Хотел что-то сказать и не смог. Он потерял голос. Я помог ему встать. Он медленно поднял лопату и погрузил ее в снег. Я знал, что, если он не станет работать, он замерзнет.

— Тракторы! — вдруг отчаянно крикнул кто-то совсем рядом.

Все бросили работу. Прислушались. Действительно, нам на помощь шли тракторы. Два трактора, а за ними — свежий отряд рабочих с лопатами наперевес. Все сразу оживились.

— Канаты! — раздалась команда.

Трактор взял грузовик на буксир, выволок в траншею, прорытую саперами, вернулся обратно за другим грузовиком, взял и его на буксир.

Люди забыли о том, что они голодны.

За тридцать четыре часа после выступления из Бардобы мы прошли четыре километра. Теперь мы двигались по узкому карнизу. Справа отвесная скала, слева пропасть, и на дне ее острые черные камни. Все выше и выше взбирались мы — на перевал.

Дышать становилось труднее, в голове стучало. Я знал, что на перевале есть землянка дорожного управления, где можно отдохнуть и поесть.

Машины, спотыкаясь, рискуя сорваться в пропасть, поднимались. Ветер гнал хлопья снега.

Наконец мы достигли перевала.

Рядом с землянкой, в которой не поместилась бы и десятая часть отряда, прижавшись к скале, стояли юрты. Они были надежно защищены горкой камней от ветра.

Рядом с юртами лежали яки, пережевывавшие жвачку. А возле яков стоял и улыбался наш старый знакомый, охотник Сабди.

В землянке в большом котле варился суп.

— Почему долго не приезжали? — сказал Сабди.— Я хотел ехать за вами на яках.

Я горячо благодарил Сабди.

— Зачем такое говоришь? Людям есть надо, спать надо,— обиделся киргиз.

Путь, проделанный смелым охотником, был не так-то прост. Он бежал по снегу на постолах — своеобразных лыжах. Но яки проваливались в снег, и Сабди боялся, что эти крепкие животные не выдержат перехода. Приходилось делать частые остановки. Охотник углублялся в ущелья, откапывал из-под снега сухую траву, чтобы немного подкормить животных. Он рисковал замерзнуть, но не бросил своего «каравана». Ночь провел он под снегом, спал между яками. Протапывая тропу, поддерживая вьюк, он добрался до перевала, но и здесь не стал отдыхать. Отогрелся немного, переобулся, прочистил винтовку, отправился на охоту, чтобы добыть архаров для экспедиции.

Саперы, рабочие, водители поочередно залезали в землянку. Сабди чувствовал себя хозяином. Ловко и быстро он наполнял горячим супом миски, котелки, кружки.

Отряд заночевал на базе. В юртах и в землянке было тесно. Спали вповалку, прижавшись друг к другу.

В землянке держалось около двух-трех градусов тепла, снаружи — сорок один градус мороза.

Потолок низко навис над спящими, стены обледенели. На полу липла скверно пахнущая слякоть. Мигала коптилка на подоконнике крохотного окошка.

Многие во сне вскакивали, стонали, что-то кричали.

Курносый красноармеец вдруг по-детски жалобно выкрикнул тонким голосом:

— Ой, жги... пляши.

— Не разберешь, где земля, где небо... Небо копаешь, небо копаешь! — бредил один из рабочих.

Нам предстояло одолеть последний перевал.

НА ВЫСОТЕ ЧЕТЫРЕХ КИЛОМЕТРОВ

Утром мы простились со смелым киргизом. Он остался на перевале. Здесь было много дичи; внизу, в долинах, дичи было мало. Я подарил Сабди целый патронташ охотничьих патронов.

— Хорошей дороги! — пожелал нам охотник.

Он стоял на вершине скалы, размахивая шапкой.

— Хорошей дороги! — кричал он нам вслед. — Хорошей дороги!

— Хорошей охоты! — отвечали мы Сабди.

Машины ходко шли под гору. Заалайский перевал остался позади. Долго еще мы оглядывались и видели высоко на скале славного охотника киргиза Сабди.

Один из участков спуска был густо занесен снегом. Машины стали. Мы увидели печальное зрелище: это было кладбище грузовиков. Грузовики стояли обледенелые, мертвые. Их застала в горах метель. Впереди выросла гора снега, сзади с гор скользили лавины. Машины стали. Шоферы Дортранса бросили свои машины и пешком, задыхаясь в буране, добрались до ближайших селений.

— Товарищ командующий! — закричал капитан. — Живого человека нашли!

Живого человека? Здесь? Ведь машины простояли здесь неделю, не меньше.

Двое бойцов вели под руки обросшего бородой моло-

дого шофера. Он вырывался, порывался бежать к своей машине, лепетал что-то бессвязное. Глаза его были мутные и, казалось, ничего не видели. Бойцы крепко держали несчастного. Тогда он вдруг стал отчаянно сопротивляться. Он вырвался и побежал к своему грузовику.

— Мотор заглохнет! Заглохнет мотор! — кричал он. — Мать к празднику ждет! Заглохнет мотор!

Бойцы догнали его. К несчастному спешил врач.

Через несколько часов молодой шофер, накормленный, напоенный, пришел в себя. Он рассказал, что провел пять суток в снегу. Он твердо решил спасти грузовик и все время поддерживал работу мотора на холостом ходу. Он ослабел от голода и бессонницы и чуть не помешался. Врач сказал, что он вскоре будет здоров. Мои бойцы заботливо ухаживали за героем шофером.

Мать впоследствии прислала нам благодарственное письмо:

Я приношу глубокую благодарность вам, товарищ Городовиков, и вашей боевой дружине, возвратившей мне моего единственного сына. Мое материнское сердце полно гордости: сын стойко и твердо вынес голод и холод, он рисковал погибнуть, но сберег социалистическую собственность. Он не уронил своего достоинства, достоинства советского шофера.

От всего сердца желаю вам и вашим бойцам славных подвигов, много сил, энергии и здоровья.

Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность. Жму ваши руки, дорогие товарищи!

М. М. Моргунова.

Кладбище машин осталось позади.

Колонна пошла быстрее, здесь не было заносов. Дорога чистая.

Мы увидели в стороне от дороги длинное серое здание с мрачными, черными щелями бойниц. Это было когда-то грозное укрепление, пост Маркан-Су.

Еще несколько поворотов — и огромное гладкое поле. Это было замерзшее озеро Кара-Куль, озеро на высоте четырех километров над уровнем моря.

Мороз по-прежнему свирепствовал.

Подъем был крутой, машины начинали катиться назад. Мы пытались подтолкнуть тяжелые грузовики, задыхались. В ушах звенело, дышать было тяжело. Еще бы! На такой высоте даже мотор теряет семьдесят процентов мощности. От головокружения тошнило. Машины стали. Мы выбились из сил. Мы почувствовали, что последний перевал нам не взять.

Я медленно побрел вперед. Ветер бил прямо в лицо. Я поднимался все выше и выше, и вскоре машины остались далеко позади.

«Наверное, скоро перевал! — подумал я. — За перевалом я увижу глубоко внизу огни Мургаба».

Вдруг справа, из глубокой щели, раздался вой. Я сразу сообразил, что это такое. Недаром в детстве я был табунщиком. Заслышав такой вой, я не раз бросался в седло и скакал к табуну. Шагах в двух от меня показался волк. За ним — другой, третий, целая стая!

Они неторопливо перебегали ущелье, направляясь ко мне. Они подбегали все ближе и ближе.

Я знал, что от волков не убежишь, догонят. Я знал также, что стрелять по целой волчьей стае нельзя: одного, двух, трех убьешь, остальные все равно разорвут.

Волки окружали меня со всех сторон и, казалось, были твердо уверены, что я от них никуда не денусь.

Я выхватил наган и выстрелил в ближайшего волка. Он отчаянно завизжал и перевернулся на спину, задрыв ногami. Несколько волков кинулись на раненого товарища. Остальные бросились ко мне.

В это мгновение грохот, напоминающий пушечный выстрел, оглушил и меня и волков. С вершины горы, разбрасывая по сторонам осколки, прыгала гранитная глыба.

«Нельзя стрелять в горах!» — мелькнуло у меня в голове.

Волки кинулись врассыпную. Я отскочил в сторону, глыба пролетела мимо меня и исчезла в бездонной пропасти.

— Фу! — вздохнул я, вытирая со лба холодный пот. — Скорее к своим!

Я выхватил наган и выстрелил в ближайшего волка.

Я бросился обратно, забыв об опасности оступиться в пропасть, о темноте, о волках, которые могут опомниться и погнаться за мной.

Вдруг я поскользнулся и упал. Сгоряча я сразу поднялся, но острая боль в ноге бросила меня обратно на землю. В ушах звенело. Голова кружилась.

«Сломал ногу», — подумал я.

Ползком я стал пробираться по дороге. Пробовал встать, но ступить на больную ногу не мог. В глазах плыли круги.

«Колонна тронется, и я попаду под машину...»

Когда я пришел в себя, в безоблачном темном небе мигали звезды. Ни шума моторов, ни воя волков не было слышно.

Я замерзал.

Мне показалось самым обидным кончить так нелепо жизнь на пустынном перевале.

«Нет, шалишь, не сдамся!» — подумал я.

Я дополз до отвесной скалы и поднялся на ноги. Стараясь не ступать на больную ногу, волоча ее за собой, я плелся, опираясь о холодную стену.

Останавливался, делал передышку, плелся дальше. Я отлично знал, что далеко не уйду, до машин, по всей вероятности, не доберусь, но все же брел и брел.

— Товарищ командующий! Где вы? — вдруг крикнул кто-то в темноте.

Далеко внизу мелькнул огонек электрического фонаря.

«Вот молодцы! Ищут!» — обрадовался я.

— Товарищ командующий! Где вы? — повторил тот же голос уже ближе.

«Дубов!» — узнал я голос своего шофера. Я ответил как можно спокойнее:

— Здесь.

Фонарь, как звезда, приближался.

Дубов шел на мой голос.

— Товарищ командующий! Где вы прячетесь? Что случилось?

— Ничего не случилось.

Шофер стоял теперь совсем близко от меня, посредине дороги.

— Подойдите ко мне. Не могу отойти от скалы, слегка повредил ногу,— сказал я.

Дубов подбежал ко мне.

Снизу бежал капитан.

— Товарищ командующий! Где вы были? Мы тревогу хотели поднимать!

Они взяли меня под руки и повели к машинам.

Я узнал, что они искали меня уже несколько часов и не раз проходили мимо того места, где я лежал. Слышали они и волчий вой.

Врач сказал, что перелома нет, но растяжение сухожилия порядочное.

— Счастливо отделались.

Меня уложили в машину.

Через несколько часов огромным усилием последний перевал был взят всей колонной. Машины тяжело дышали, останавливались, пятились назад. Трактор хрипел, но вывозил их одну за другой.

Люди шли пешком, задыхаясь.

Страшные приступы горной болезни тутека поразили почти всех людей экспедиции. У одного из шоферов хлынула горлом кровь. Саперы задыхались — они впервые были на такой высоте.

Врач, сам больной, метался от одного к другому.

Наконец последний перевал позади!

Чтобы вам стало понятно, почему мы, несмотря ни на что, преодолели Памир, расскажу о высокогорных походах, подготовивших нас к этому штурму.

У нас были созданы высокогорные лагеря. Один из таких лагерей был недалеко от Ташкента. К лагерю приходилось добираться по горным тропам. Когда командующему округом говорили, что туда трудно подвозить продовольствие, что там бездорожье, он спрашивал:

— А если будет война? Как тогда вы поступите?

Возражать, разумеется, не приходилось.

Не только пехота и конница взбиралась по нехоженным тропам на недоступные вершины гор,— не отставала и артиллерия. Посмотришь на какую-нибудь гаубицу, примостившуюся на небольшой террасе, над пропастью, и невольно думаешь, что ее туда принесли на крыльях. Но не всегда и не все проходило благополучно. Были и

беспокойства и жертвы. То под откос свалится лошадь с тюком, то срывался с кручи боец, то пулемет летел в пропасть. И, когда об этом докладывали командующему, он говорил:

— На войне все бывает. Но сейчас надо этого избежать.

В июле 1935 года первый отряд альпинистов выступил в высокогорный поход на Памир.

Отряд получил задание: в полном походном снаряжении совершить восхождение на высоты в пять-шесть тысяч метров.

Отряд пробыл на Памире около сорока дней. Красноармейцы и командиры шли по труднопроходимым местам: по осыпям, ледникам, моренам, через скалы, кручи, бурные реки. Они пересекли пустыни, где всегда свирепствовали ураганы, смерчи, а по ночам стояли сильные морозы. Несмотря на все трудности, отряд, преодолевая Алайский и Заалайский хребты, взял штурмом перевалы Чигирчик (высотой 2452 метра), Кизил-Белес (3000 метров), Талдык (3625 метров), Козыл-Арат (4285 метров).

Тяжелые географические и климатические условия потребовали предельного напряжения сил. Разница давления воздуха давала о себе знать постоянно. Если в Ташкенте давление воздуха доходит до 730 миллиметров, а на озере Кара-Куль падает до 400 миллиметров, то на пике Трапедия оно равнялось всего 380 миллиметрам.

Об упорстве бойцов и командиров лучше всего расскажет выписка из дневника участника штурма пика Трапедия:

«С группой командиров мы преодолевали скалу за скалой. На полдороге вырос камень. Спуск с него был опасен. Чтобы не подвергать риску товарищей, я решил пройти первым и... полетел в пропасть. Я бьюсь об острые осколки скал, цепко хватаюсь за редкие кустарники, кувыркаюсь, лечу вниз головой, то широко распластав руки, то неестественно выпрямив корпус. Вслед за мной со скалы катились камни, галька, осыпался песок. Я — в ущелье. Спина, грудь, голова, руки, ноги — все в ушибах. Решаю, что только самообладание спасло меня от смерти...

И вот уже рядом — товарищи, врачи, санитары... По-

падаю в походный госпиталь; через несколько дней — я снова с отрядом».

В результате штурма вершин триста двадцать красноармейцев и командиров получили звание альпинистов Советского Союза.

Высокогорный поход дал Красной Армии много командиров, курсантов и бойцов, овладевших техникой скалолазания, хождения по травяным склонам и льдам, умеющих пользоваться альпинистским снаряжением и другими альпинистскими приборами.

На озере Кара-Куль отряд провел тактические занятия и стрельбы. Стрельбы на высоте 5000 метров дали исключительные результаты. Никто не стрелял ниже чем на «хорошо». Большинство же получило оценку «отлично».

Люди горели желанием выполнить поставленные перед ними задачи.

Человека начинала трепать горная болезнь. Ему предлагали отказаться от восхождения. Но он, преодолевая усталость и головную боль, продолжал подниматься. Отряд был крепко сколочен вокруг своей партийной организации. Коммунисты являлись той живой силой, которая вливалась в сердца участников уверенность, что поставленная задача будет выполнена, поднимала в них боевой дух.

Здорово в этом походе поработали комсомольцы. Коммунисты и комсомольцы своим личным примером воодушевляли бойцов, показывая образцы преодоления трудностей.

Вот эта-то подготовка и помогла нам перевезти хлеб в Мургаб! В походе участвовали многие из тех, кто не раз взбирался на вершины Памира и раньше.

СПАСЕНЫ!

Начался головокружительный спуск. Повороты настолько круты, что на каждом замирало сердце. Вдруг сзади раздался отчаянный крик. Дубов резко затормозил. Весь эшелон остановился, как по команде.

— Что случилось?

Один боец, высокий, с бледным как полотно лицом,

размахивая руками, объяснял что-то. Это водитель грузовика. Рядом с ним, растерянно улыбаясь, стоял помощник.

Смысл этой сцены сразу стал нам понятен. Подошли к краю дороги. Под обрывом, на глубине пятнадцати метров, лежала гряда обломков, в которые превратилась машина, сорвавшаяся на повороте. Еще дымился взорвавшийся радиатор. Шофер и помощник успели выскочить.

— Как это случилось?

— Руль был неисправен. Виноваты, товарищ командующий.

Машину жалко, но люди спасены, а люди нам дороже машины. И дорог хлеб...

Бойцы по уступам с невероятными усилиями спустились к разбитой машине и стали цепочкой. Передавая мешки, весь груз подняли на дорогу и распределили по грузовикам.

Колонна снова пошла под уклон. Луна освещала желто-бурые скалы и заросли низкорослого кустарника терескена.

Вдруг далеко внизу загорелись огни.

— Мургаб! — радостно крикнул Дубов.

— Мургаб! Мургаб! — пронеслось по колонне.

Машины ускорили ход.

При ярком свете фар мы видели, как из домов выбежали люди, как оживала площадь.

— Ура! — слышалось снизу.

— Мургаб! — кричали шоферы.

— Запевай! — командовал начальник саперов.

Звонкий голос запел и начал выводить затейливые коленца.

Хор подхватил веселую песню, зазвенело в горах эхо.

Песня усилилась и потонула в громовом непрерывном крике «ура».

Машины въехали в город.

— Ура! Да здравствуют участники экспедиции!

Красноармейцев и командиров подхватывали на руки, обнимали мужчины и женщины, молодые и старые.

— Да здравствует Красная Армия! Да здравствуют красные саперы!

— Да здравствуют герои — водители советских машин!

Я отдал распоряжение — сейчас же разгрузить несколько грузовиков у магазина и начать раздачу хлеба.

Я сказал собравшемуся населению:

— Ничто не могло помешать нам, советским воинам, оказать мургабцам братскую помощь. Если бы на пути к Мургабу стихия нагромодила еще более неприступные горы, если бы вражеская армия отрезала от нас Памир, мы все равно пробились бы к вам, товарищи!

Часть четвертая

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Прошло четыре года. Я уже работал в Москве, инспектором кавалерии Красной Армии. И снова часто встречался с Семеном Михайловичем Буденным. Он теперь был заместителем народного комиссара обороны и командовал войсками Московского военного округа. Часто я вспоминал нашу первую встречу, лет тридцать пять назад, в харчевне в станице Платовской; мы провели сорок лет в боях и в походах, сорок лет в строю. Постарели ли мы? Я считаю, что нет. В нашей стране не-

легко состариться. Глаза Буденного светятся тем же молодым огнем, что и сорок лет назад, и он так же, как прежде, играет на гармони, поет, и по-прежнему песен и прибауток у него неистощимый запас.

Наша мирная жизнь была внезапно прервана.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Гитлеровские войска стремительно продвигались по территории Польши, приближаясь к границам Советского Союза.

Советский Союз должен был немедленно остановить это наступление фашистских войск, не позволить им прорваться к нашим рубежам. К тому же советский народ не мог равнодушно отнестись к судьбам братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, нельзя было оставить его под фашистским игом.

В сентябре 1939 года я выехал на Украину, на советско-польскую границу, в кавалерийскую часть. Кавалерийской частью командовал лихой конник генерал-майор Шарабурко. 17 сентября мы получили приказ командующего Украинским фронтом товарища Тимошенко — перейти границу и освободить народы Западной Украины и Западной Белоруссии от панского гнета.

С необычайным подъемом бойцы выслушали приказ.

Советские разведывательные бронетанковые части двинулись в путь. Вскоре послышалась артиллерийская и пулеметная стрельба. Противник сопротивлялся. Вперед пошли наши кавалерийские полки. Копыта коней утопали в осенней грязи. Побывав на командном пункте, я с двумя адъютантами отправился на легковой машине догонять наши разведывательные части. Была ночь, темно, хоть глаз выколи. Шофер с трудом находил дорогу. Дороги были незнакомые, немощеные, от дождя размокли. Машину трясло, она пробиралась с трудом. Вскоре мы обогнали кавалерийские полки. Дождь не переставал. Мы двигались все дальше и дальше, но наших разведывательных частей нигде не было. Они проскочили вперед. Мы проехали уже сорок километров; стало светать.

— Какэ́й ближайший городок? — спросил я своего адъютанта.

— Вышбрудок.

— Вот там, очевидно, мы и найдем наших танкистов.

— Товарищ начальник, а если там наших частей еще нет? — с тревогой спросил шофер. — Не опасно ли нам туда ехать?

Но я был уверен, что в городе Вышбрудке стоят наши.

— А мы-то разве не часть? — пошутил я. — Едем.

Шофер дал газ. Действительно, вскоре мы догнали двигавшиеся по грязной дороге танки. Мы обогнали их, обогнали и пехоту, посаженную на грузовики. В небе прояснело, дождь перестал, и вскоре я увидел колокольню. Это, очевидно, и был Вышбрудок.

Вот и окраины городка, бедные, покосившиеся домишки со слепыми окошками, грязные переулки. Мы завернули за угол и увидели такую же грязную, не очень большую площадь. На площади толпился народ.

— Товарищ начальник, полицейские! — воскликнул шофер.

Разворачиваться было поздно и негде. Действительно, возле большого дома, очевидно полицейского управления или ратуши, стояла шеренга вооруженных до зубов полицейских — человек восемнадцать — двадцать. А впереди стоял офицер.

— Гони прямо на полицейских! — сказал я шоферу.

Он так и сделал. Круто развернул, затормозил. Полицейские, само собою разумеется, приняли нас за свое начальство. Они вытянулись в струнку. Я вылез из машины и сразу понял, что наших частей здесь еще не было. Очевидно, они проскочили Вышбрудок, устремясь дальше и обойдя этот городок стороной. Ко мне подходил старший полицейский. Он отдал честь и отрапортовал:

— Господин генерал, в городке все в порядке, налицо девятнадцать полицейских...

Тут он осекся. Не давая ему опомниться, я сказал:

— Вам известно, что Красная Армия двинулась на освобождение народов Западной Украины и Западной Белоруссии? Приказываю сложить оружие и отойти назад на два шага.

Оторопев, он скомандовал по-польски. Полицейские сняли винтовки и револьверы и сложили их перед собой. Потом отошли назад на два шага и стали «смирно»,

растерянно глядя, как адъютанты грузят в машину винтовки, и револьверы, и множество гранат.

— Теперь идите в полицейское управление, — сказал я адъютанту Белякову, — и перережьте провода.

Адъютант вошел в здание, оказавшееся действительно полицейским управлением, и на глазах у находившихся там чиновников перерезал провода. Теперь Вышбрудок был отрезан от польских частей.

К машине сходились горожане, принялись расспрашивать нас. Раздались голоса:

— Да здравствует Красная Армия! Ура!

Многие жали нам руки, обступили нас со всех сторон, окружили полицейских. Вдруг ко мне подскочил их старший:

— Вы уезжаете? Оставьте нам хоть один револьвер.

— Это еще зачем?

— Вы уедете, народ нас убьет.

— Будьте покойны. Народ вас не тронет, если вы с ним будете обращаться по-человечески.

Обезоруженные полицейские прямо-таки тряслись от страха. Они знали, что народ их не помилует.

В это время подошли танки, которые мы обогнали в пути. Население радостно приветствовало танкистов. Я предложил командиру части навести в городе порядок. Мы же двинулись дальше, на Тернополь.

ВНЕЗАПНОЕ РЕШЕНИЕ, ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

В Тернополе шел бой. Жандармы и полицейские забивались в квартиры, в костелы, на колокольни и обстреливали из пулеметов наши части. Очистить город от панского охвостья было нелегко. Командир кавалерийской части, занявшей город, генерал-майор Шарабурко показывал пример своим кавалеристам, боровшимся буквально за каждый дом, за каждый переулок, за каждую улицу. Постепенно удалось выбить из забаррикадированных квартир отчаянно защищавшихся стрелков. На это ушло два дня. 18 сентября генерал-майор Шарабурко доложил мне, что член Военного совета приказывает мне организовать мото-танковый отряд, сегодня же двинуться в путь и 19-го войти во Львов.

Приказ необходимо было выполнить во что бы то ни стало в срок. Через час триста конников в боевой готовности сидели на грузовых машинах. К семи часам вечера на окраине города был собран весь наш небольшой отряд. Пятнадцать танков двинулись вперед по дороге Тернополь — Львов как передовой отряд. Остальные машины выступили следом.

Снова мы шли не останавливаясь по абсолютно незнакомым дорогам, и шоферы наши показывали чудеса ориентировки и самообладания. Наш отряд был очень невелик: всего тридцать пять танков и броневинов и триста пятьдесят бойцов. До Львова оставалось сто тридцать километров.

Небо было затянуто тучами, и только изредка из-за туч вылезала луна. Водители вели машины вслепую. Фары были потушены, мы не хотели обнаружить себя противнику. Мы ведь не знали, что можем встретить впереди. Я знал только, что польские части, потеряв свое главное руководство, бросившее их на произвол судьбы, отовсюду тянутся во Львов, чтобы соединиться с львовским гарнизоном.

Так и есть! Впереди что-то движется. Мы оказались в хвосте колонны. Велика ли колонна, трудно было определить.

— Все шоссе запружено впереди войсками,— тихо доложил мне адъютант.

Что делать? Я принял решение: двигаться вперед. Это, несомненно, польские части, и довольно крупные. Им не придет в голову, что наш отряд невелик. Попробуем прорваться. Загудели машины. Солдаты расступились по сторонам, открывая нам дорогу. Значит, они действительно принимают нас за своих!

— Полным ходом вперед!

— Вперед!

Неистово загудели машины. Мы рванулись вперед. Слева и справа в темноте двигались войска противника. Мы с обеих сторон были зажаты.

Колонна казалась бесконечной.

Я принял решение разоружить ее, чтобы избежать сопротивления. Приказал шоферу, проскочив к голове колонны, круто развернуться и зажечь фары. То же самое

Командир головного броневика направил пушку на передние ряды.

сделают и другие. Это будет своего рода «психическая атака». Мы хотели избежать пролития крови.

Здесь был, конечно, известный риск. Противник мог открыть стрельбу. Но решение было принято. Мы проскочили колонну. Впереди было чисто — никого! Водитель круто развернул машину, включил фары и загудел. Вслед за ним то же самое сделали и остальные водители. Это могло нагнать страх на кого угодно. Ослепительные огни фар, неистовый вой...

Колонна замерла на месте. Командир головного броневика направил пушку и пулеметы на передние ряды. Он взмахнул рукой — и неистовый вой сирен прекратился.

— Сдать оружие! — приказал командир.

Бойцы мои соскочили с машин. Вид у них был чрезвычайно решительный. Солдаты стали сдавать оружие. Через полтора часа на краю дороги, в канаве, лежала гора винтовок, наганов и шашек, в поле толпился табун в двести пятьдесят оседланных лошадей. Оказалось, мы разоружили два полка пехоты, саперов, кавалеристов и артиллеристов.

Что нам делать с трофеями? Ведь 19-го утром необходимо подойти ко Львову. Задерживаться больше нельзя было ни на одну минуту. Я приказал у пушек снять замки, ручное оружие свалить в канаву, оставил охрану.

ПОД ЛЬВОВОМ

Обгоняя небольшие отряды вооруженных польских солдат, мы продвигались ко Львову. Я решил приложить все усилия, весь свой воинский опыт, чтобы выполнить приказ командования.

Деморализованные польские воинские части, брошенные правительством и штабами, попадались нам на каждом шагу. Они стягивались ко Львову.

Начинало светать. Мы находились в пятнадцати километрах восточнее Львова. Вдруг мы нагнали длинную цепь подвод. Подводы двигались тоже во Львов, а на подводах сидело множество жандармов и полицейских. Такую силу оставить у себя в тылу мы не могли. Ввязываться с ними в бой тоже было опасно — ведь они

были отлично вооружены. Тогда я решил повторить «психическую атаку». Мы проскочили вперед. Я насчитал триста подвод, на каждой подводе сидело по пять человек. Машины развернулись, отчаянно загудели...

В течение получаса полицейские были разоружены и отправлены в тыл.

Вскоре мы въехали в местечко Подгорцы. Остановились. Я вошел в одну хату, увидел страшную нищету. Стол да лавка с покосившимися ножками — вот и вся мебелировка. Невольно я вспомнил детство, родной хутор и нашу бедную кибитку.

Когда я вышел из хаты, нас окружили крестьяне. Вначале они говорили несмело, потом начали засыпать нас вопросами.

По дороге двигались танки. Чумазные ребятишки бегали за машинами, выпрашивая у танкистов звездочку.

Прошла машина с пленными офицерами...

Вот здесь, под Львовом, у его ворот, двенадцать лет назад стояла Первая Конная армия. Но городу тогда не суждено было стать советским. И вот Красная Армия снова стоит у львовских ворот.

Мы увидели колокольни львовских соборов, величественные здания и дворцы. Мы подошли к восточной окраине города.

Командир двадцатитысячного гарнизона генерал Ленгер объявил о сдаче. Оставалось войти в город.

Но все улицы и переулки были забаррикадированы. Гарнизон сопротивления не оказывал, он вышел из города, но в городе остались жандармы, ксендзы, полицейские. Так же как и в Тернополе, они засели на баррикадах, в домах, на чердаках, колокольнях.

Броневики дальше пройти не могли. Шоссе пересекал широкий и глубокий ров. За ровом возвышались баррикады, из-за которых в нас стреляли засевшие там враги.

Я собрал группу командиров, и мы обсудили, как проникнуть в город. Вслед за нами пойдут спешенные кавалеристы. Они освободят дорогу броневикам.

Одолев первую баррикаду, мы с боем стали продвигаться к центру города. Стреляли отовсюду — из окон, с крыш, с чердаков. Наконец мы добрались до дворца

воеводства, ворвались во дворец и забрали в плен его защитников. Борьба за советский Львов закончилась. Население нас приветствовало. Девушки бросали цветы.

Это было утром 19 сентября. Приказ был выполнен точно в срок. Мы могли рапортовать об этом командующему Украинским фронтом товарищу Тимошенко.

ПРИДУТ ДЛЯ ВАС НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Мне приходилось часто встречаться с трудящимся населением и солдатами польской армии. Особенно были разговорчивы пленные нижние чины. Почти все они не скрывали своей радости, что остались живы. Они бурно приветствовали бойцов и рассказывали, как им втолковывали о жестокости красноармейцев, говорили, что красноармейцы не берут польских солдат в плен, а уничтожают. И вот они столкнулись с действительностью. Наши бойцы очень хорошо обходились с ними. Пленных приютили, одели, накормили, дали им газеты, журналы. Один солдат — из батраков — подошел ко мне и, смущаясь, спросил:

— Скажите, неужели мы теперь будем иметь право на работу и даже на отдых?

— В этом не сомневайтесь.

Солдат смахнул рукавом шинели слезу:

— Я годами работал на помещика. Батрачил у него. Трудился день и ночь, но прокормить свою семью не мог. Не мог даже купить себе обуви и работал босиком. Зарабатывал один-два злотых в день. Разве можно прожить с семьей на такой заработок?!

Другой солдат рассказал, как он работал у пана в усадьбе и получал за свой труд, за двенадцатичасовой рабочий день, по одному злотому и двенадцати грóшей. А чтобы не быть голодным, надо было истратить полтора злотых!

— Вот так и жили: впроголодь,— закончил он свой рассказ.

Жаловались на свою тяжелую жизнь при панском владычестве и белорусские крестьяне, и ремесленники, не говоря уже о рабочих. Те не жили, а прозябали — в лачугах, сколоченных из досок, кусков железа; недо-

едали, недосыпали; на работу вставали с зарей и возвращались домой поздно ночью.

— Все это в прошлом!— говорил я им.— Теперь для вас наступят новые времена. К старому возврата не будет. Будете спокойно жить, работать и отдыхать. Больше не будут над вами издеваться паны.

Я не ошибся. Труженики освобожденных областей Западной Украины и Западной Белоруссии, вступив в единую семью народов Советского Союза, обрели свободную, счастливую жизнь.

Часть пятая

**В БОЯХ И ПОХОДАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

В сорок первом году мне исполнился шестьдесят один год. Я был инспектором кавалерии Красной Армии.

На дорогах Великой Отечественной войны я встречал много ребят. Отцы их воевали, матерей они порас-теряли; бродили они по лесам и полям, жили в землян-ках и все же не унывали. Каждый из них что-то делал, каждый о чем-то хлопотал. Каждый просился, чтобы

и его с собой взяли воевать. А были и такие, что стали партизанам помогать и нам, Красной Армии.

Вот как я встретился с одним таким парнишкой. Немцы бомбили шоссе. Мы отошли в лесок и наблюдали, как фугасные бомбы с самолета плюхаются в заросшее высокой травой болото.

Кто-то из командиров сказал:

— Не точно бомбит, дьявол. Пожалуй, безопаснее было бы на шоссе оставаться. А то будет целить в шоссе, промажет да в нас и влепит.

В это время другой командир закричал:

— Ложись!

Я поглядел: кому это он кричит? Вижу — бегут к нам через поляну несколько колхозников. Это под непрерывной-то бомбежкой!

Тут и я приказал им:

— Ложись!

Они легли в высокую густую траву. Теперь их совсем не было видно, но трава колыхалась. Я понял, что они скрытно к нам ползут. Значит, имеют военные навыки.

А самолеты продолжали над нами носиться на бреющем полете с таким гулом, что хоть уши затыкай, и черные тени их скользили по траве.

Трава продолжала шевелиться. Самолеты сбросили бомбы и скрылись за лесом. Из травы показались люди: старик, несколько мужчин и женщин и парнишка лет тринадцати-четырнадцати. Курносый, в веснушках, глаза круглые, волосы русые, вихор торчит.

— Можно вылезать?— спросил парнишка.

— Теперь вылезайте.

Колхозники окружили нас, стали расспрашивать.

— Вот видите,— сказал я им,— теперь вы сами убедились, что каждому надо иметь военные навыки. Незаметно для фашистов проползли. А умели бы стрелять да было бы у вас оружие — могли бы сбить самолет...

— Я стрелять умею,— вдруг пробурчал парнишка.— Да только у меня винтовки нету.

— Кто тебя стрелять выучил?

— Батяка.

— А где твой батяка?

— В партизанах.

— Тебя как зовут?

— Васькой. Товарищ генерал, возьми меня с собой!
— Взять мне тебя некуда.
— Ну во-от,— протянул Васька.— А я знаю, где немецкие офицеры живут.
— Где?
— В деревне, недалеко отсюда.
— Правильно говорит. У них в деревне штаб,— подтвердил дед.— Офицеры кур едят, молоко пьют, карты по столам разложили.
— Сумеешь незаметно провести? — спросил я Ваську.
— Сумею.

Через несколько минут Васька повел группу конников к немецкому штабу.

А вечером мне доложили, что штабных офицеров захватили живьем. Васька провел конников незаметными тропками и вывел прямо к дому, где расположился штаб. Налет был так стремителен, что офицеры не успели оказать сопротивления.

Васька снова проводил конников до дороги, простился с ними и нырнул в кустарник. Больше мы его не видели. Но я надеялся, что не раз еще услышу о смелом курносом парнишке и встречу немало таких же смелых и отважных ребят.

ИДЕМ В ТЫЛ К ВРАГУ

Едва началась война, немцы повели в наступление сильные танковые части. Меня не раз спрашивали:

— Разве может конница действовать против танков? В гражданскую войну она была белую кавалерию и нагоняла страх на белогвардейскую пехоту. Мы знаем также, что вам приходилось встречаться и с танками и лихие буденовцы кидались к танкам и в упор расстреливали прислугу в смотровые щели. Но ведь в гражданскую войну танки были маленькие и тихоходные. А теперь это бешено мчащиеся бронированные крепости, движущиеся доты, за ними не угонишься. Как теперь будет действовать конница?

Я отвечал:

— Конница будет действовать и против конницы, и против пехоты, и против танков, и я уверен, что наши

молодые конники драться станут неплохо... Мы с честью сумеем встретить любую танковую колонну. Ведь у конницы есть и противотанковые пушки.

Через несколько дней, в штабе я стоял у карты с полковником Бацкалевичем и подполковником Корпачевым. Через густую зелень болот и лесов тянулись черные змейки тропинок. Мы знали, что гитлеровцы ведут свои группировки на главных направлениях по большим дорогам. Ведь лесá для тяжелых танков труднопроходимы, а болота во многих местах им и вовсе не пройти.

На дороге колонна растягивается на многие километры. Значит, у немцев очень растянутые тылы. Вот по ним-то и должна ударять конница!

Конным частям не нужны дороги. В лесисто-болотистых районах конница очень подвижна. Там, где машина не пройдет, завязнет, конь легко проберется. Конники быстро выйдут во фланг и в тыл растянутой колонне противника, внезапно нападут на нее, отрежут прорвавшиеся вперед танки от пехоты, от горючего, от обозов. Конники задержат пехоту, а танки одни, без пехоты, долго удержаться не смогут. Им одним будет трудно драться с нашими частями. У них, наконец, не хватит горючего, и они вынуждены будут или остановиться, или повернуть обратно.

Итак, мы выступили ночью...

ЗАМАСКИРОВАННАЯ ПЕРЕПРАВА

Стало едва светать... Конники двигались лесом, еле слышно. Лишь хрустнет ветка под копытом, и опять все смолкнет. Никто со стороны не мог бы подумать, что лес кишит всадниками, артиллерией — большой войсковой группой, направляющейся в глубокий тыл к врагу. Когда мы вышли к реке, над ней плыл предутренний туман. В тумане темнели быки и фермы недавно взорванного моста. Проводники, местные жители, знавшие эти места как свои пять пальцев, показали нам броды. Кони осторожно вошли в воду, нащупывая илистое дно. Началась переправа.

Мы знали, что неподалеку, на железной дороге, переправу нашу охраняет импровизированный бронепоезд —

несколько подбитых в бою танков: двигаться они не могли, но, сохранив свою артиллерию, стояли на плац-формах и в случае чего могли открыть по противнику губительный огонь. Но пока в этом не было надобности. Туман стал рассеиваться, рассветало, через реку переходили сотни конников и словно испарялись на том берегу. На нашем берегу тоже никого не было видно, хотя берег был заполнен конниками, ожидающими своей очереди. Саперы постарались: отлично замаскировали всю переправу.

Даже когда высоко в небе появились два неприятельских самолета, мы продолжали переправляться как ни в чем не бывало. Покружившись над рекой и ничего не заподозрив, самолеты полетели дальше. Само собой разумеется, что по ним мы не стреляли, хотя конники и были хорошо вооружены против воздушного врага.

Через полтора часа мы вошли в болотистый и густой лес, где пахло сырой листвой и грибами.

Вскоре стало совсем светло. В лесу наступил день, а кавалеристы собирались отдыхать. Таков уж порядок был на войне у конников: днем отдыхай, а ночью дерись. И привыкаешь спать днем, а ночью драться. Тем более, что немцы совсем не переносили ночного боя. А конники наши, как раз наоборот, любили внезапные ночные налеты. И враг боялся и ненавидел нашу кавалерию.

Бойцы накормили коней, поели сами, стали укладываться спать. В лесу, несмотря на лето, было и холодно и сыро. Под ногами хлюпала вода. Один кавалерист покрыл коня своей шинелью.

— А сами-то как же? — спросил я. — Замерзнете.

— Сам-то ничего! — ответил весело боец. — Вот возьму попрыгаю и согреюсь, а конь — он не догадается согреться. А промерзнет — заболит. Вот я его и согреваю. Да как же иначе, товарищ генерал-полковник, ведь конь меня выручает, а я его!..

Через полчаса в лесу все, кроме дежурных, спали. Разведчики ушли вперед, в ближайший город. Стала согреваться земля, от болотистой почвы поползли теплые испарения. По кочкам запрыгали огромные зеленые лягушки. Никакой наблюдатель с воздуха не обнаружил бы в лесной чаще конников, отдыхающих перед налетом на город.

И вот настала ночь — рабочий день для кавалеристов. Люди покормили коней, сами поели.

В лесу стало темно, мрачно, но ни один из нас не подумал бы разложить костер, закурить или чиркнуть спичкой.

Вернулись разведчики, усталые, но довольные: все, что было нам нужно, разведали. Они доложили:

— Город охраняется заставами. Возле города разбросаны палатки, где спят немцы. На улицах сгруппировано множество грузовых машин, битком набитых боеприпасами. На площади стоит несколько цистерн с горючим. В таких-то домах, на такой-то улице спят офицеры и солдаты заготовительного отряда. Они отбирают у населения все съестное и отправляют в Германию.

Отлично! Мы налетим со всех сторон, внезапно. Нас не ожидают. Молодым конникам придется впервые держать боевой экзамен.

Я сказал им:

— Вы должны хорошо владеть холодным оружием. Придется вам не лозу рубить, как в мирное время, а живого врага. Приобретайте же навыки! Применяйте шашку! Патроны и снаряды надо экономить — действуйте больше шашкой.

Тщательно разработав план налета, конники выступили. Мы шли лесом, притихшими полями. Проходили мимо сожженных деревень. Ночь была темная.

Город, набитый до отказа фашистами, спал. Окружив город, мы пропустили вперед те группы, которые должны были заняться штабом, цистернами и заготовительным отрядом. В определенный час мы одновременно ударим и в центре города, и на окраинах. Гитлеровцам будет некуда податься.

Конники спешили и неслышно подошли к заставам...

Наконец время настало. Фашистские заставы были сняты так бесшумно, что это сделало бы честь и старым конноармейцам. А действовали тут наши молодые конники. Мои слова об уничтожении врага шашкой, как видно, пошли впрок. В тот же момент конники, пробравшиеся в город в пешем строю, напали на штаб. Штаб помещался в бывшем советском учреждении в большом доме

на площади и охранялся. Часовые заметили конников лишь тогда, когда те выросли из темноты у них перед глазами. Началась беспорядочная стрельба. Из штаба стали выбегать полураздетые, ничего не соображавшие фашисты. Конники рубили их шашками, расстреливали на бегу в упор. Многих взяли в плен. Несколько бойцов вбежали в помещение штаба. Там они увидели разбросанную одежду, бутылки на столах, несколько пар сапог, офицерское оружие, ящики с оперативными документами. Мигом собрали все документы, собрали и оружие.

Другие группы тем временем расправлялись с «храбрыми воинами» из заготовительного отряда. Гитлеровцы спали, их поднимали с постелей. Эта нечисть была храброй и наглой тогда, когда врывалась в дома, — забирала кур, яйца, масло, а заодно прихватывала одежду, одеяла — словом, все, что можно захватить у незащитных жителей.

Теперь эти «заготовители» валялись в ногах у наших конников и рыдали: «Рус! Пощади!»

На этом фашистский заготовительный отряд навсегда прекратил свое существование.

Каждый боец и командир выполнял то, что ему было поручено заранее. Были захвачены склады, загорались машины и цистерны с горючим. Последний эшелон кавалеристов ворвался в город на конях... Они окончательно очистили его от гитлеровцев.

Через полчаса перед командирами стоял один из пленных — немец лет пятидесяти. Он трясся от страха и твердил:

— Мы пришли в Россию кушать!.. Кушать!.. У нас нечего кушать! Мы пошли воевать, чтобы не умереть с голоду... Мы пришли кушать!.. Мне капут, да? Мне капут? Мне капут?

Другой пленный рассказывал:

— Мы еще ни разу не были в боях. Нас только что подтянули к участкам фронта. Мы спали спокойно, мы знали, что русские далеко, и никак не думали, что вы появитесь здесь, в тылу...

А третий только повторял как помешанный:

— О, казаки! О, казаки!..

Под утро стали собираться крестьяне и жители, узнавшие, что конники пришли в город. Им вернули все награбленное гитлеровцами продовольствие.

Последний эшелон кавалеристов ворвался в город...

Перед рассветом, зная, что враг бросит сюда новые большие силы, конники ушли. Ведь им предстояло еще много дел в тылу врага. И дольше оставаться здесь было неразумно.

Через час молодые бойцы, получившие наконец боевое крещение, чистили в лесу своих коней. Бойцы были взволнованы, возбуждены. Я понимал их: когда-то и я в молодости так же чувствовал себя после первой лихой атаки. Они шепотом обменивались впечатлениями.

— Спать, спать! — говорил я бойцам. — Ночью нам опять предстоят дела.

Мы разобрали документы, захваченные в штабе. Они раскрыли нам всю группировку немцев и замыслы их в этом районе фронта.

Вскоре в лесу все угомонилось. Сквозь густую листву пробивались солнечные лучи, зайчики бегали по лицам спавших...

Где-то высоко над нами прерывисто гудел самолет. Это разыскивали нас спохватившиеся фашисты. Относительно того, что им нас не найти, я был совершенно спокоен.

ФАШИСТЫ ИЩУТ НАС И НЕ НАХОДЯТ

Противник принялся бомбить все леса вокруг города. Он знал, что конная группа, начисто уничтожившая гитлеровский гарнизон, скрывается где-нибудь поблизости, в лесах. Ведь больше ей быть нигде! Но в болотистый лес с танками и машинами не полезешь: завязнешь по уши.

Поэтому на лес посыпались фугасные бомбы. Бомбы со свистом и визгом сыпались вначале поодаль, потом все ближе, ближе, как раз туда, где отдыхала после боевой ночи часть командира Сидельникова. Разрывались далеко не все «фугаски», как называли их красноармейцы. Многие бомбы глубоко уходили в болотистую почву, и болото засасывало их раньше, чем они успевали взорваться. Бомбежка длилась три часа подряд, и кто-то подсчитал, что в расположении части упало не меньше ста бомб. Но конники были так хорошо рассредоточены и укрыты, что, когда бомбежка окончилась, оказалось: ранило всего двух бойцов и трех коней. Кони дрожали и

храпели. Но бойцы вышли из лесу в поле, достали ячменя, овса, принялись кормить своих боевых друзей, и те скоро успокоились.

Снова все заснуло, и лес притих.

Заснул и я. К вечеру меня разбудили. Это вернулись разведчики. Они сообщили: немцы убеждены, что разбомбили и уничтожили всю нашу конную группу.

«Что ж, тем лучше! — подумал я. — Пусть думают, что с нами покончили, что мы не существуем. А мы как раз тут и выйдем!»

Едва стемнело, бойцы уже были готовы к походу. Они выступили, разделившись на небольшие подразделения. У кавалеристов есть старое, буденовское правило: двигаться врозь, драться вместе. Расчлененной коннице, мелким подразделениям фашистская авиация большого вреда нанести не могла: ведь они малоуязвимы с воздуха. Зато, когда они сожмутся в кулак и ударят все вместе, враг чувствует грозную силу конницы!

Нам предстояло перейти шоссе, по которому непрерывно курсировали танки и моторизованная пехота противника. Мы решили ночью уничтожить часть танков. После этого большая часть конной группы Бацкалевича прорвется через шоссе на север, уйдет в тыл к противнику, в глубокий рейд... Другая, меньшая, часть группы останется действовать здесь по эту сторону шоссе.

Останутся здесь и все подразделения, обслуживающие тыл, — хозяйственники, обозные, писаря, медицинские сестры, повара... Ведь в тылу у врага конная группа должна быть стремительной, подвижной. Как «тыловики» были огорчены и недовольны! Как им хотелось идти в опасный рейд вместе со своей частью! Они убеждали, что владеют и штыком, и шашкой, и винтовкой и могут драться не хуже остальных. Они рвались в бой.

Я утешил их:

— Будет время, когда и вам придется драться, и, поверьте, тогда принесете во сто раз больше пользы, чем сейчас.

«Тыловики» повеселели.

К вечеру Бацкалевич, опытный и хладнокровный конник, получив последние указания, стал готовиться к прорыву. Я от души пожелал отважным конникам удачи.

Ночью мы неслышно, лесом, подошли к шоссе. Там двигалась колонна танков и автомашин. Прорыв был неожиданный для гитлеровцев, стремительный, как налетевший во тьме вихрь. Оставшиеся в живых шоферы бежали, бросая на шоссе машины. Теперь шоссе было запружено до отказа. Что делать? Надо сдвинуть машины, отвести их в сторону, открыть проходы. Нашелся военный врач, пожилой человек в очках, умеющий, оказывается, управлять автомобилем. Он сел за руль, отвел машину, вернулся к следующей — и так освободил широкий проход. Я благодарил его, думая: вот как хорошо, когда человек владеет не только своей основной специальностью, но и еще одной, дополнительной!

Конники перешли шоссе и исчезли в густом лесу. Они ушли на север, в тыл к противнику. Умолк конский топот, не слышно было больше звуков ломающихся веток...

А фашисты опомнились. По шоссе загудели танки и машины. Началась беспорядочная стрельба. Теперь они обрушились на нас. И мы приняли удар на себя, чтобы дать возможность Бацкалевичу уйти как можно дальше.

Мы дрались до утра, дрались весь следующий день и следующую ночь. Гитлеровцы пытались окружить нас, но мы все ушли из окружения.

А Бацкалевич начал действовать у гитлеровцев в тылу. Он нападал внезапно, неожиданно, всегда ночью. В одном месте целый батальон моторизованной пехоты врага беспечно расположился в лесу. Конники опрокинули фашистов, разгромили весь батальон, захватили радиостанцию, мотоциклы, велосипеды, грузовики с продовольствием. Исчезли они так же быстро, как и появились.

За голову Бацкалевича гитлеровцы назначили награду. Мотомеханизированные части пытались перехватить конную группу на дорогах. Отряды гитлеровцев рыскали по лесам, и им удалось случайно наткнуться на конников и окружить их.

Вот когда пришло время показать себя «тыловикам». Им поручили ударить по немцам с тыла, выручить свою часть.

— Обстановка требует теперь и вашего участия, — сказал я им. — Надеюсь, покажете, что вы — настоящие конники.

И «тыловики» отличились. Они дрались смело, мужественно. Окружение распалось. На болотистых кочках лежало триста трупов гитлеровцев. Под деревом нашли мертвого гитлеровского генерала...

Конная группа исчезла в неизвестном для гитлеровцев направлении. И, пока они кинулись ее искать, она в следующую же ночь вынырнула в другом месте, где ее никак не ждали. Здесь, в одном селении, был захвачен со всеми документами немецкий штаб. Тогда по пятам конной группы двинулась вражеская мотопехота. Конники снова уничтожили целый фашистский батальон. И опять — словно сквозь землю провалились.

Через несколько дней в тылу у противника был взорван важный мост. На следующую ночь — еще один мост. Фашистские танки и броневики застряли возле переправы. Конники принялись уничтожать их, жечь цистерны с горючим. Прошло много дней. Группа Бацкалевича провралась обратно и соединилась со своими.

Результаты ее действий были отличны. Кроме того, что она уничтожила мосты, орудия, бронемшины, горючее, солдат, группа надолго оттянула с фронта значительные немецкие силы. И это принесло облегчение всем нашим частям на данном участке фронта.

НЕУЛОВИМЫЕ

Группа, которой командовали храбрые, боевые командиры Якунин и Кулиев, собиралась в глубокий рейд по тылам врага.

Несколько фашистских бомбардировщиков гудели над лесом. Вдали слышались глухие разрывы бомб. Немцы бомбили наугад.

— Знают, что где-то в лесу кавалеристы. Вот и стараются, — сказал один из командиров.

— Ночью «люстры» вешают, зажигательные бомбы кидают. Да разве в лесу нас найдешь?! Это тебе не шоссе бомбиты! Лес — он кругом зеленый, на сотни километров. Попробуй-ка найди.

— У них о конниках слава идет, — сказал другой. — Недавно мы пленных захватили, так они говорят: «У вас тут кругом фронт: и спереди, и сзади, и в ста километрах

от фронта. По ночам к нам в тыл налетают казаки, все сметают с лица земли». Это Бацкалевич их перепугал.

Якунин и Кулиев тщательно разрабатывали план операции. Моторизованная группа противника движется на город Р. Наши конники должны войти противнику во фланг и задержать его. Выступят конники, как только стемнеет.

Мы подошли к роднику, выбивавшемуся из-под черных корней, и напились чистой холодной воды. В лесу начало темнеть. Было слышно, как просыпался наш лагерь. Лес оживал. Как только окончательно стемнело, кавалеристы выступили.

События этой ночи развивались стремительно. Якунин со своей частью внезапно вышел как раз во фланг фашистской мотомеханизированной группы. Прежде чем фашисты успели сообразить, в чем дело, Якунин с ходу развернулся, открыл артиллерийский огонь и удачными выстрелами уничтожил пятнадцать немецких танков. Гитлеровцы всполошились, принялись отчаянно защищаться. Якунин принял бой. Тем самым он привлек на себя группу противника и отвлек внимание от Кулиева. Кулиев, как только увидел, что противник нацелился против Якунина, сильным ударом прорвался на север. Теперь он оказался в тылу немецкой группы, действовавшей против Якунина, и яростно обрушился на нее. Конники принялись уничтожать танки и машины, живую силу противника. Это был великолепный ночной бой, один из тех, которых так боялись фашисты. Они запросили помощь, и к ним спешили уже на подмогу крупные фашистские соединения...

Кулиев расчленил группу. Его часть мигом рассыпалась на небольшие подразделения и в ночной темноте стала неуязвимой. Кулиев уходил все дальше от шоссе — в лес, в болота, где не могли пройти ни танки, ни фашистские машины... На рассвете Кулиев соединился с Якуниным, и днем группа снова «ночевала» в лесах. Противник беспорядочно бомбил лес, болота, не причиняя никакого вреда конникам...

Зашел разговор о метком огне артиллеристов, подбивших пятнадцать танков. Нашей артиллерии немцы боялись и признавали, что она была без промаха.

— Молодцы! — хвалил артиллеристов Якунин.

Мы проходим через сожженную немцами деревню. От домов остались только обгорелые стены да почерневшие трубы. Несколько хат догорало.

— Товарищ генерал-полковник! Глядите-ка: живьем сожгли!

Мы увидели несколько обуглившихся трупов. Старая женщина вышла из-за развалин. Она рассказала нам, что, когда гитлеровцы, разграбив деревню, подожгли ее, несколько стариков не успели выйти из домов и сгорели. В деревне побывали немецкие кавалеристы. Мы не встречали их на полях сражения. Они перерезали всех кур, все растащили, согнали в поле коров. Усаживались по двое возле коровы, начинали доить. Мальчика-пастушонка они забили насмерть. Эх, ведь я тоже был когда-то пастушонком!..

Конники слушали молча, со стиснутыми зубами. Из переулка вышла еще одна женщина, с посеревшим от горя лицом. На руках она несла двух ребят, третий шел, уцепившись за подол. Женщина показала нам свою сгоревшую хату. Глядя на пожарище обезумевшими глазами, прижимая к себе ребят, женщина твердила:

— Куда мне теперь идти? Проклятые! Проклятые!..

Мы помогли ей добраться до партизан. Партизаны подвели нас к лежащей под деревом молодой женщине. Немцы бомбили лес, и ее убило взрывной волной. Двое ребятишек, еще не научившихся как следует ходить, тормошили ее, будили, не понимая, что мать мертва. Мы с трудом оторвали ребятишек от похолодевшего тела. Мать похоронили. Мы часто видели смерть — война-то ведь не прогулка, на войне везде смерть витает, к смерти в бою привыкли. Но на этот раз я почувствовал, что в глазах у меня защипало...

А Кулиев заставил гитлеровцев пережить четыре страшных дня. Днем он отправлял бойцов в разведку, устанавливал уязвимые места противника. Ночью вел свою часть в атаку. Он стремительно бил по танкам, по машинам, по пехоте, наносил поражение и, прежде чем противник успевал опомниться и ответить на удар, расчленял свою часть на мелкие подразделения и ускользал от преследователей.

За четыре дня Кулиев нанес такое сильное поражение немцам, что задержал всю их группу, направлявшуюся на восток.

Фашисты стали простреливать леса из минометов, сносить деревья артиллерийским огнем. Однажды, когда мы стояли днем в лесу, на опушку вдруг вылетели три мотоциклиста в красноармейской форме. Прежде чем их окликнули, они открыли бешеную стрельбу. Вот оно что! Переодетые фашистские разведчики! Им не удалось уйти далеко — их сразу поймали. В тот же день мы узнали, что немецкие мотоциклисты в красноармейской форме рыщут по всем окрестностям, ищут конников. Немцев выловить было несложно.

Вечером Кулиев снова ушел в тыл к противнику. Он почти не спал, но выглядел свежим, был спокоен, подтянут, чисто выбрит.

Кулиев разгромил несколько фашистских гарнизонов. Его группу со всех сторон окружили озверелые фашистские части. Тогда она собралась в кулак. Разведчики нащупали наиболее слабые места противника. Выставив вперед огневые средства, группа открыла сильный огонь в том направлении, где хотела прорваться. Вслед за огнем бойцы ударили штыками по противнику, окружавшему их стальным кольцом, прорвались и присоединились к своим частям.

В то же утро я увидел кулиевских бойцов. Замаскировавшись, они что-то собирали в поле.

— Почему не спите? — спросил я.

— Собираем зерно для коней; товарищ генерал-полковник, — ответил один из бойцов. — Мало оставили, гады. Все увезли даже не молотивши: и хлеб, и лен, и коноплю. А у нас тут фуража с собой нету. Коня покормить надо. Поспать всегда успеем.

И боец раскрыл ладонь, на которой лежал овес для его боевого друга...

ЖИВУТ БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ!

Мы приехали в часть, которой командовал полковник Михаил Семенович Шишкин. Я давно знал полковника. Он служил со мной еще в Червонном казачьем корпусе.

Человек исключительной силы воли, он не задумался бы расстрелять труса и всегда горячо поддерживал храбрца. Полковник вывел бойцов. Они окружили нас тесным кольцом. Среди молодых загорелых лиц я увидел несколько знакомых пожилых бойцов и командиров. Это были старые кавалеристы Первой Конной. Двадцать два года назад мы вместе дрались с врагами и совершали тысячеверстные походы.

— Есть кто из Шестой кавдивизии? — спросил я.

Из рядов вышло несколько человек.

— А есть из Четвертой дивизии?

Вышло еще несколько человек.

В Первой Конной армии, как вы помните, я командовал Четвертой и Шестой кавдивизиями.

Среди вышедших ко мне командиров я сразу узнал храброго эскадронного Четвертой кавалерийской дивизии Герасимова. Узнал и своего командира взвода Васильева. Герасимов вместе со мной участвовал в самых жестоких боях Первой Конной армии с белогвардейщиной, а Васильев однажды был свидетелем одного забавного случая на станции Сватово.

— Помните подполковника Голодовского? — спросил я Васильева.

— Еще бы не помнить, Ока Иванович!

А вы помните, дорогие читатели, как лихим налетом мы заняли станцию Сватово? И на платформе я увидел прикрепленную к двери записку: «Дежурный по станции подполковник Голодовский». И подумал: «А что, если позвоню от имени подполковника Голодовского на станцию Купянск? (Там стояли богатые эшелоны.) Прикажу-ка я им выслать эти эшелоны сюда, к нам». Соединился с Купянском. Отвечал мне какой-то ротмистр. Я сказал: «С вами говорит подполковник Голодовский. Срочно все эшелоны направляйте через Сватово». — «Слушаю, господин подполковник», — ответил ротмистр и немедленно выслал мне несколько эшелонов. Мы их соответствующим образом приняли.

Взводный Васильев присутствовал тогда при этом моем разговоре с ротмистром. После он участвовал вместе со мной во многих боях. Теперь я встретил Васильева перед боем.

— Вы — старые конноармейцы, — сказал я ему, Гера-

символу и другим.— Покажите молодым, как нужно драться. Ведь они еще не обстреляны, первый раз идут в бой.

Конноармейцы твердо обещали показать в бою пример молодым.

— Знаете старый боевой лозунг Первой Конной? — спросил я молодых бойцов.— «Конники никогда не сдаются и, даже умирая, бьют врага». Нам, старым конникам, много раз приходилось встречаться с сильным и хорошо вооруженным противником. Пусть Герасимов, Васильев и другие расскажут вам, как мы дрались под Белоглинской, под Великокняжеской, под Касторной, как проходили по степному безлюдью, в тридцатиградусный мороз по четыреста километров. Вокруг нас бушевали бураны, противник вел по нас ожесточенный огонь, степь дрожала от гула орудий. И все же мы, конники, шли вперед и уничтожали врага. Помните: трус никогда не победит и погибнет от первой же вражеской пули. Зато храбрец и жив останется, и возвратится с победой! Вы встречаетесь с сильным врагом. Вам придется действовать против танкового корпуса противника. Но никогда конноармейцы не спрашивали, сколько войск у противника. Они спрашивали: где противник? И, найдя его, разбивали!

Один из молодых командиров вышел вперед.

— Товарищ генерал-полковник! — сказал он.— Указания партии и правительства мы выполним. Драться будем, не считаясь с жизнью, смерти не боясь.

Через несколько дней конники полковника Шишкина встретились с танковой группой немецкого генерала Гудериана.

КОННИКИ ПРОТИВ ТАНКОВ

Враг напирал. Одно из подразделений части полковника Шишкина в густом лесу встретило три танковые роты врага. Не задумываясь, бойцы спешились и взяли наизготовку бутылки с горючим. Как только танки прошли, они забросали их бутылками. Горючее разливалось по броне, и машины охватывало пламенем. Бутылки обычно полагается бросать лежа. Но бойцы, желая уничтожить как можно больше танков, с криком «ура» вскакивали, бежали вслед за танками, кидая в них

все новые и новые бутылки. Уцелевшие танки открыли огонь из пулеметов. Майора Дементьева смертельно ранило. Но он собрал остаток сил и бросил в стрелявший танк свою последнюю бутылку. Фашистский танк сгорел вместе с танкистами. Конники, даже умирая, били врага...

Гибель Дементьева видела молоденькая медицинская сестра. Пренебрегая смертью, она подползла к командиру, потащила его на себе до медицинского пункта. У нее у самой одежда была пробита пулями в нескольких местах, и она была ранена в плечо...

Противник подводил все новые и новые танки. Конники Шишкина вели бой с пяти утра до одиннадцати часов ночи. К вечеру противник потерял свыше тысячи солдат, а конники — сто три бойца. Ночью разведка обнаружила автоколонну. Два эскадрона пошли в атаку в конном строю и захватили восемьдесят автомашин, шесть кухонь, три санитарных автомобиля и сожгли восемь танков.

В ту же ночь к полковнику Шишкину подскочил командир взвода Шевченко, воспитанник Первой Конной:

— Товарищ полковник, неподалеку отсюда, в селе, стоят шесть танков...

— Возьмите двадцать человек и уничтожьте танки.

Шевченко забрал с собой двадцать бойцов, бутылки с горючей жидкостью, пробрался в село, и среди ночной тьмы запылали шесть танков. Все небо осветилось заревом. А Шевченко вернулся обратно, и конники продолжали путь. Под утро к ним присоединились наши танки. Конники радостно приветствовали танкистов. Теперь они стали действовать против врага вместе и не раз взаимно выручали друг друга.

Командир взвода Шевченко ушел в разведку к немцам в тыл. Три дня Шевченко ходил по тылам и собрал очень ценные сведения. Он пролез там, где неопытный разведчик, не закаленный в боях, не служивший в такой армии, как Первая Конная, никогда бы не прошел.

Герасимов с тремя бойцами тоже сходил в опасную разведку. Он выявил множество спрятанных танков врага. Это помогло конникам быстро их уничтожить.

С ветеранов Первой Конной брали пример и молодые командиры и бойцы.

Молодой лейтенант, недавно окончивший училище, получил от полковника Шишкина задание отвезти ночью

приказ командиру одного из подразделений. Приказ надо было доставить во что бы то ни стало. Все дороги были противником минированы. Лейтенант вскочил на коня и скрылся в темноте. Не прошло и нескольких минут, как он наскочил на мину. Лошадь взорвалась, лейтенанта сильно ранило. Раненный, он первым делом, проверил, цел ли пакет. Потом перевязал себе раны. С трудом добрался до деревни. Крестьяне дали лейтенанту подводу. Он лег на телегу, накрылся соломой и велел везти себя в село, где стоял штаб подразделения. Временами он терял сознание. Просыпался от тряски; старик крестьянин вез его не по дороге, а стороной, полями, чтобы не наткнуться на немцев. На рассвете лейтенант передал пакет в руки командиру...

КОНЬ — НАШ ДРУГ, ВЕРНЫЙ ДРУГ

О бесстрашии конников и презрении их к смерти можно рассказывать очень много. Во время самых жестоких бомбежек с воздуха они не забывали своего друга — коня.

Вот какой был однажды случай. Самолеты противника целый день непрерывно бомбили конников, распавшихся в балке. Урона эта бомбежка почти не причинила. Конники ответили залповым огнем, бронебойно-зажигательными пулями били по фашистам и сбили один самолет. Разъяренные летчики пытались обстреливать конников из пулеметов, но конники были хорошо укрыты, и фашисты рассыпали пулеметные очереди впустую. Как раз в это время настала пора кормить коней. И бойцы стали перетаскивать снопы овса, не обращая внимания на летающие над головой самолеты.

— Ну, Васька, пока он постреляет, я тебя покормлю! — говорил один из бойцов, протягивая своему каурому коню корм. — Придет время, и ты меня не забудешь, выручишь!

В другой раз два коновода доставали под мостом из реки воду, чтобы попоить коней. Они и не заметили вначале, что по ту сторону моста стоит притихший немецкий танк, израсходовавший все горючее. Напоили они коней, собрались было обратно, вдруг видят — танк!

В танке тоже заметили их. Из машины выскочили два гитлеровца и пустились бежать. Они, наверное, думали, что конников не двое, а гораздо больше. Коноводы вскочили на коней и пустились в погоню. Гитлеровцы стали отстреливаться из автоматов. Но коноводы догнали их, захватили, отобрали пачку важных приказов...

«ТЕПЕРЬ НЕСИТЕ...»

Часть полковника Шишкина много дней провела в боях. Конники отлично знакомились с немецкими «фокусамии». Гитлеровцы любили разыгрывать «окружение». Бывало, вдруг со всех сторон начинают бить орудия. Окружены? Нет! Это выяснялось очень быстро. Несколько конников отправлялись проверить, как обстоит дело, и докладывали: ходит всего один танк с каждой стороны. Постреляет тут, постреляет там, и создается впечатление, что ты окружен. Разыскав этот бродячий танк, конники уничтожали его, и «окружение» сразу прекращалось.

Встречали конники и закопанные в землю фашистские танки. Кончится у немцев горючее — они закапывают танк в землю, и он становится неподвижной подземной крепостью. Однажды конники обнаружили десять таких закрытых в землю танков и четыре из них сразу же уничтожили.

После боев с нашими конниками танковый немецкий корпус недосчитался многих машин и большого количества людей.

В одной из горячих схваток ранило полковника Шишкина. Случилось это так. Он пошел в бой с одним из своих подразделений. Танки противника двигались в строю: слева — один, справа — другой, немного позади — третий. Конники спешили, открыли огонь. Лошадь полковника убило. Это была вторая лошадь, убитая под ним за несколько дней. Танк дал еще одну очередь — и полковника ударило пулей в ногу. Другая пуля задела лоб. Шишкин упал. Но конник, даже умирая, бьет врага... Полковник вспомнил, что на убитом коне, на вьюке, остались еще бутылки с горючим. Корчась от боли, он с трудом подполз к мертвому коню, снял с вьюка бутылки, приподнялся и кинул вслед танку сначала одну, потом другую. Бу-

тылки попали в цель. Запылавший танк ринулся вперед и скрылся в лесу.

Тут только Шишкин почувствовал, что встать не может. Страшная боль в ногах заставила его упасть. Тогда он стал пробираться ползком. Он падал, приподнимался, полз шаг за шагом несколько километров и наконец добрался до деревни.

Здесь только что побывали немцы. Они перебили всех оставшихся в деревне раненых бойцов и медицинских сестер.

Фашисты могли в любую минуту вернуться. Крестьяне обещали Шишкину достать коня, хотя это было нелегко: коней немцы забрали.

Женщины помогли Шишкину перевязать раны. Раны были на обеих ногах, была задета кость. Болела раненая голова...

Скоро послышался глухой топот, короткое ржание. Двое стариков подняли Шишкина на руки и посадили на коня. Сам бы он сесть не смог. Двадцать восемь километров раненый полковник скакал лесом. Ноги его тяжело-лели, в голове шумело, перед глазами плыл туман... Полковник добрался до своих, отдал все необходимые приказания и распоряжения. Только после этого он лег на носилки и сказал:

— Теперь несите...

Санитарный самолет в тот же день доставил его в госпиталь. Врачи сказали, что мощный организм победит, полковник будет ходить, будет снова скакать на коне, драться с врагами и командовать своей частью.

Лежа в госпитале, Шишкин узнал из сводки Советского Информбюро о разгроме гитлеровского танкового корпуса, с которым ему пришлось драться. Он читал: «Враг потерял более 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Уничтожено до 500 немецких танков, 70 бронемашин, 1525 автомашин, танковая группа потеряла две трети своих танков...» В этом была и его доля.

Шишкин торопил врачей:

— Эх, скорей лечите! Встать бы мне на ноги да обратно к своим, на фронт!

Сердце конноармейца, тоскуя, рвалось в новые бои...

Задолго до войны, навещая родные места, я заехал и в свой хутор Эльмута.

В хуторе жил мой племянник Басан, сирота, один из сыновей моего старшего брата.

Басан, еще молодой человек, малограмотный, обзавелся хозяйством, имел несколько овец, корову и соби-
рался жениться.

— Вот что, Басан,— сказал я ему.— Брось ты свое хозяйство и поедem со мной. Я тебя в школу устрою.

— Не могу бросить,— насупившись, ответил мне Басан.

На другой день я стал ему растолковывать:

— Вот ты, Басан, обзаведешься хозяйством. Кем ты хочешь быть, а? Мы строим коллективное сельское хозяйство, а не единоличное.

— Не могу же я распродать имущество, нажитое отцом,— упирался Басан.— Да и я кое-что приобрел... своим трудом приобрел! — отвечал он упрямо.

— Эх, Басан! Были мы с твоим отцом голые, босые, и все же я стал генералом. Тебе учиться надо. Из тебя человек выйдет. А пока что ты — мелкий хозяйчик.

— Ну и что? Буду хозяйствовать.

— И в коллектив не пойдешь?

Басан промолчал.

— Ну, если так, Басан, то забудь про меня. Не слушаешь добрых советов, живи как умеешь и не обращай ко мне за советом и помощью.

Басан тогда все же сказал:

— Ладно, дядя, подумаю!

На другой день я снова встретил его:

— Ну как? Надумал, Басан?

Он ответил невесело:

— Пускай будет по-вашему. Скот соседям продам...

— Нет, соседям продавать твой скот мы не будем.

— А куда же его? Раздать даром, что ли? — вспыхнул Басан.

— Зачем — даром? Государство заплатит. Ты слушай меня.

— Делай как знаешь! Мешать не буду,— согласился Басан.

Мы с Басаном поехали в совхоз. Там договорились, что совхоз купит скот у Басана. К вечеру вернулись в Эльмуту. Хату пришлось поручить соседям. Басан, забрав кое-какие вещички, выехал со мной в Элисту.

Для Басана начался новый путь, нелегкий путь к новой жизни. Не сразу ведь можно характер переломить.

Зато много позже, когда он окончил школу, техникум и поступил в военное училище, он сказал:

— Теперь я понял вашу заботу. Если бы не направили меня на верный путь, неизвестно, что бы из меня получилось. Знаете, дядя, я приложу все силы, а буду таким же героем, как вы. Фамилии нашей не посрамлю.

Басан стал конником. Служил командиром эскадрона в одном из кавалерийских полков.

Как одного из лучших командиров его направили в Москву, в Академию имени Фрунзе. Закончил он ее в 1938 году с дипломом первой степени.

Когда я его поздравлял и упомянул о дипломе, Басан, смутившись, ответил:

— Иначе и быть не могло. Фамилия моя — Городовиков...

Началась война.

Как-то, возвратясь с фронта домой, я получил письмо от Басана. Басан командовал частью, сражаясь с ненавистным врагом в Крыму.

Басан писал:

«Здравствуйте, дорогой и любимый дядя Ока Иванович!

С начала боевых действий не имел времени написать вам о наших боевых делах. Теперь же хочу коротко отчитаться.

Впервые семьдесят первый полк вступил в бой с врагом 19 октября 1941 года, в самый критический период, когда враг захватил Перекоп, Армянск, Ишунь. Полк сражался героически, выдержал восемь дневных атак с танками и четыре ночных, имея в обороне всего шестьдесят два человека: всего только и осталось от нашего полка. Полк удерживал противника в течение девяти дней; я был три раза ранен. Мне предложено было уйти, но я остался до тех пор, пока не было приказано отойти всей

Сорок восьмой кавдивизии. 29 октября наша дивизия отошла; Сорок восьмая дралась так, что если бы дрались так же все, никогда бы не войти в Крым фашистам!

Как вам известно, по всей вероятности, из сводок командования, 29 октября начался отход наших войск. 6 ноября нас окружили под Алуштой, и оттуда я вынужден был уйти партизанить, чтобы до последней капли крови уничтожить врага.

О своих партизанских действиях напишу коротко. Условия исключительно тяжелые. Близок фронт. Очень ограничено пространство. Но мы духом не падаем. Мы бьем и будем бить врага беспощадно. Будьте уверены — Городовиковы всегда останутся Городовиковыми».

Я не без удовольствия подумал, что не ошибся в Басане. «Партизанский генерал» Басан Городовиков прогремел в Крыму. Он имеет много правительственных наград.

БЫСТРОТА, НАТИСК

А слышали ли вы, ребята, о Льве Михайловиче Доваторе?

В начале войны он был кавалерийским полковником, потом был произведен в генерал-майоры. За доблесть и мужество правительство наградило его орденом Красного Знамени.

Много раз проходил Доватор по вражеским тылам, не раз наводил панику и страх на немцев. Своими смелыми рейдами он воскрешал боевые традиции Первой Конной. Вот точно так же Первая Конная во главе с Семеном Михайловичем Буденным появлялась всегда неожиданно в самом сердце вражеских войск и приводила в изумление издавших виды белогвардейских генералов.

Как сейчас, помню один из таких эпизодов. Было это зимой. Моя Четвертая дивизия шла по незнакомой, занесенной снегом дороге. Буран с диким воем кружился по полю. Было совсем темно. Каждый командир и боец чувствовал приближение решительного момента. Каждый понимал, что от его осторожности и смелости зависит не только выигрыш боя, но и собственная его жизнь.

— Стой! Без шума, пулеметы — вперед!—приказал я.

Перед бойцами в морозном тумане появились фонари станции. На путях притаился белогвардейский бронепоезд.

— Тише, ти-ше! — пронеслось по рядам.

Через несколько минут мы внезапно, без шума и крика, захватили ближайшие посты, потом — и бронепоезд. В залах первого и третьего классов, в махорочном дыму, спал вповалку белогвардейский батальон охраны. Его мы тоже разоружили. Буденный, Дундич и Зотов пришли на телеграф.

— Отойти от аппарата! — крикнул Буденный.

Телеграфисты в ужасе усталились на командиров. С дивана вскочил сонный комендант станции — молодой поручик.

— Где ленты последних разговоров со штабом и депеши по линии? — строго спросил Буденный.

Старший телеграфист протянул депеши и ленты.

— Поручик, объясните обстановку, — приказал Буденный коменданту. — Только помните, — предупредил Семен Михайлович, — вы отвечаете головой за каждое свое слово.

— В Касторной четыре бронепоезда, — выпалил поручик.

— Это хорошо! — сказал Буденный. — Связь со штабами у вас полная?

— Так точно, полная! Вот мой последний разговор со штабом группы Постовского.

Комендант передал несколько телеграфных бланков. Штаб группы предупреждал коменданта: «Будьте сугубо бдительны: кавалерия Буденного бродит где-то поблизости и может всей массой обрушиться на станцию. Вызовите из резерва штаба генерала Шкуро два полка кавалерии. Если будет нужно, группа вышлет вам бронепоезд».

— Ага! — сказал Буденный. — А вы уже вызвали бронепоезд?

— Так точно, вызвал из Касторной, минут через двадцать — тридцать сюда подойдет бронепоезд «Слава офицерам». Два полка кавалерии должны быть здесь к рассвету.

— Великолепно! — сказал Буденный. — А с генералом Мамонтовым связь у вас есть?

— Так точно, есть.

Командант, спасая свою шкуру, отвечал на все вопросы.

В этот момент вошел дежурный по станции и доложил:

— Бронепоезд «Слава офицерам» подходит к станции.

— У вас, Ока Иванович, все готово? — спросил Буденный.

— Так точно, всё!

Я знал, что мои конники уже оцепили все пути.

— Принимайте! — приказал Семен Михайлович дежурному по станции. — А вы, Ока Иванович, проследите сами за приемом, позаботьтесь, чтобы не напутали.

Я вышел на платформу.

Как только бронепоезд прошел стрелки, его сразу же окружили спешенные кавалеристы.

Я подал команду:

— Вылазь!

Белые попытались было оказать сопротивление. Но мы навели в упор пушки с захваченного нами бронепоезда «Гром победы». Новый бронепоезд сдался.

Я вернулся и доложил Буденному, что все в порядке: «Слава офицерам» в наших руках.

В это время штаб группы генерала Постовского стал вызывать по телеграфу начальника штаба корпуса Шимер-Маркевича.

Телеграфист вопросительно смотрел на Буденного.

— Что же не отвечаете? — спросил Буденный. — Отвечайте, что Шимер-Маркевич у аппарата.

Телеграфист простучал: начальник штаба корпуса Шимер-Маркевич у аппарата.

— Командующий Касторнинской группой спрашивает, — передал телеграфист Буденному, — как у вас дела?

— Отвечайте, — приказал Буденный и стал отдельно и четко диктовать: — Несмотря на снежную метель и ночь, противник сильными разъездами атакует наши передовые посты у станции Суковкино. Только что подошедший бронепоезд «Слава офицерам» был обстрелян на перегоне и сейчас вместе с «Громом победы» ведет артиллерийскую перестрелку примерно с двумя батареями противника.

— Что делает генерал Мамонтов? Мы никак не можем добиться с ним связи! — продолжал на том конце провода белогвардеец.

— Постойте!

Буденный, немного подумав, сказал телеграфисту:

— Отвечайте, что вы тоже два раза вызывали его, но он почему-то не отзывается. Сейчас попытаемся еще раз вызвать и тогда вам сообщим.

— Хорошо! — ответил белогвардеец. — Буду ждать у аппарата.

— Отлично! — сказал Буденный телеграфисту. — Теперь вот что: вызовите от имени Мамонтова штаб генерала Шкуро.

— Слушаюсь.

Телеграфист вызвал штаб генерала Шкуро.

— У аппарата дежурный по штабу корпуса генерала Шкуро, — сообщил он Буденному через минуту.

— Отлично! — сказал Буденный. — Передайте: у аппарата командующий корпусом генерал Мамонтов. Немедленно доложите генералу Шкуро, что сложившаяся обстановка вынудила меня отойти к станции Суковкино, где я в данный момент и нахожусь. Буденный крупными силами, не менее трех дивизий, стремится выбить нас со станции. Но при поддержке двух поездов, присланных генералом Пстовским, я отлично сопротивляюсь. — Буденный улыбнулся и расправил усы. — Нужна ваша срочная помощь обязательно до рассвета, не менее одной кавалерийской бригады. Со штабом Пстовского связь имею. Все.

Аппарат замолк.

Через несколько минут снова послышались вызовы.

Буденный подошел к аппарату.

— Передайте, что у аппарата генерал Мамонтов, — сказал он телеграфисту.

— Генерал Шкуро, — сообщал дежурный белый офицер, — приказал немедленно поднять гренадерскую бригаду, и она к рассвету, а может быть и раньше, будет в вашем, ваше превосходительство, распоряжении. Генерал Шкуро просит почаще информировать его о положении.

— Хорошо, — усмехнулся Буденный. — Отинформируем. Передайте генералу привет и мою искреннюю благодарность за помощь. Мамонтов.

— Мамонтов... — повторил телеграфист и спросил: — Все?

— Что же вам еще надо? — засмеялся Буденный. —

Теперь им нужно подготовить хорошую встречу. Идите приготовьте, Ока Иванович,— обратился он ко мне,— а мы пока будем вести переговоры с Постовским. Может быть, он нам еще что-нибудь пришлет.

И Семен Михайлович Буденный принялся расспрашивать коменданта:

— Главная база снабжения патронами, снарядами и прочим находится в Касторной?

— Так точно.

— Это вы хорошо знаете?

— Совершенно точно.

Я на секунду задержался и услышал приказание Буденного:

— Вызовите Касторную, штаб группы. Передайте сейчас же генералу Постовскому, что без его поддержки я вряд ли долго смогу продержаться. Хотя мне генерал Шкуро и обещал к рассвету помощь, но боюсь, что будет поздно. Считаю, что базу с огнеприпасами при создавшемся положении держать в Касторной по меньшей мере рискованно. Мой совет генералу Постовскому немедленно двинуть, под прикрытием бронепоезда и надежной охраной, все огнеприпасы, продовольственную и вещевую базы на Старый Оскол. Комкор Мамонтов...

Я вышел на платформу и стал ждать прибытия добычи.

Вскоре из темноты выполз бронепоезд «На Москву». За ним показались эшелоны. Им открыли путь, и, ничего не подозревая, они вползли в засаду. Я вызвал Семена Михайловича на платформу.

Как раз в эту минуту командир бронепоезда закричал:

— Ну, как тут?

— Да ничего, отогнали красных,— ответил Буденный.— Командир бронепоезда, немедленно к генералу Мамонтову! Он вас ждет на телеграфе.

— Слушаюсь!

— И еще вот что: прикажите команде бронепоезда построиться на станции. Генерал Мамонтов хочет поздравить ее.

— Слушаюсь! — ответил командир поезда.

Он подал команду, и белогвардейцы выстроились на платформе.

— Снимай оружие! — приказал я опешившим белогвардейцам.

Они глядели на нас, вытаращив изумленные глаза. Потом поняли, в чем дело, и принялись кидать оружие...

Под утро вся добыча была в наших руках. Эшелоны, бронепоезда, важные грузы, гренадерская бригада... Победила боевая смелость, хитрость и военная смекалка.

Так всегда действовала Первая Конная. Традиции ее продолжал и генерал-майор Доватор. Он командовал кавалерийской казачьей группой. У него было несколько тысяч молодых казаков. Все они выросли в донских и кубанских станицах, с детства пасли коней в степи, в большие праздники участвовали в скачках. Они выросли лихими кавалеристами. Их отцы еще в прошлую войну дрались с немцами, и не раз немцы дрожали от страха, увидя перед собой лихих казаков.

Ночью молодые конники переплыли глубокую реку и въехали в густой лес. Ехали вперед по нехоженным тропам.

Доватор говорил:

— Самое главное — сохранять тайну. Первая Конная всегда появлялась перед врагами внезапно и ошеломляла своим появлением. Ни один неприятельский разведчик не должен знать, что в тыл к ним движется целая казачья группа. Если немцы раньше времени узнают, что мы идем, пропадет половина успеха.

И нельзя было подумать, что тысячи всадников пробиваются лесом. Казалось, лесом движутся бесплотные тени. Люди не курили, не разговаривали, избегали лишних движений.

Девять дней Доватор со своей частью ходил по лесам, все нащупывал, где бы ударить немцев побольнее.

За эти девять дней молодые казаки прошли сотни километров.

Наконец настало долгожданное утро. Лес был окутан густым и теплым туманом. Всадники двигались словно в парном молоке. Доватор отдал последние приказания.

Кавалеристы неслышно спешили и передали лошадей коноводам. Со штыками наперевес они пошли туда, где должен был быть враг. Позади коноводы вели

лошадей. Вскоре казаки наткнулись на проволочные заграждения.

Фашисты чувствовали себя за многими рядами заграждений в полной безопасности. Но казаки прорвали эти заграждения, атаковали немецкие оборонительные линии. Никак не ждали фашисты лихой казачьей атаки! Бой длился целый день. К вечеру казаки уничтожили полностью немецкий батальон. Тогда коноводы подвели бойцам коней. Казаки вскочили в седла и стремительно скрылись в лесу. Тут конники хоронили убитых товарищей. Отсюда отправили под надежной охраной раненых. И отсюда начали свой замечательный рейд.

УНИЧТОЖАЛИ ВРАГОВ И ПРЕДАТЕЛЕЙ

В глубоком тылу немецких войск расположено наше село. Часть изб сожжена. Немцы были так уверены, что здесь никогда не появятся наши бойцы, что чувствовали себя как дома. Они даже назначили старосту — освобожденного из тюрьмы уголовного преступника. Ведь ни один честный советский человек не стал бы выполнять должность предателя, фашистского холоуя.

Конники ворвались в село. И через несколько минут крестьяне привели связанного старосту. Следом за ним других негодяев — тоже уголовников, которых немцы назначили старшинами.

— Вот они, изверги! — кричали крестьяне.

Староста упал на колени. Он что-то невнятно лепетал о пощаде. Немцы, мол, его заставили стать предателем.

— А крестьян истязать они тебя тоже заставляли?! — спросил командир эскадрона.

Староста поник головой.

— Отвести их!

Через несколько минут на огородах предатели получили по заслугам. На негодяев не стоило даже тратить пули.

Рейд группы Доватора продолжался.

По шоссе в глубоком тылу врага спокойно двигались к фронту немецкие машины со снарядами и продовольствием. Казаки уничтожили начисто эту немецкую часть.

Солдаты, поднимая руки, успевали только в ужасе восклицать:

— Казаки!

В одной из деревень был расположен фашистский штаб. Ни генералы, ни офицеры не подозревали о близости конников. Офицеры выскакивали в одном белье и бежали куда глаза глядят. Казаки преследовали их и на бегу рубили. Потом захватили важные документы и исчезли в лесу.

Казаки выходили из леса и минировали дорогу. С удовольствием наблюдали они потом, как одна за другой взлетали на воздух вражеские машины.

Казаки появлялись то тут, то там. Они были совершенно неуловимы.

Немцы в отчаянии окружили весь лес на сотни километров. Построили завал, выставили пулеметы. Посадили на деревья у опушек снайперов.

Провоевав две недели по фашистским тылам и выполнив полностью задание командования, группа Доватора вышла к своим войскам.

И те, кто еще сомневался в силе кавалерии, говорили потом:

— Да! Мы думали, что в нынешней войне коннице далеко до моторизованной пехоты, артиллерии, авиации и танков. Теперь мы видим, что ошибались. Рейды Бацкалевича и Доватора доказали, что сила кавалерийского удара по-прежнему велика и страшна для врага. Наши кавалеристы продолжают бессмертные подвиги Первой Конной, наводя панику и ужас на врага...

Я ПОЛЖИЗНИ СВОЕЙ ОТДАЛ КОННИЦЕ

Победы, одержанные Советской Армией над германским фашизмом под Москвой, Сталинградом, под Курском, доказали, что конницу можно использовать в современных боях. Конница показала себя с наилучшей стороны.

В 1944—1945 годах я был заместителем командующего кавалерией Советской Армии. Так же как и в первые годы войны, мне пришлось совершить немало поездок на фронт. Несмотря на свой возраст, усталости я не

чувствовал: работа захватывала всецело. Времени не хватало.

Я получал много писем от командиров; они писали о действиях конницы.

«Дорогой Ока Иванович,— писал генерал-майор Белов.— Мы, конногвардейцы, уже несколько дней находимся в рейде, в глубоком тылу у противника. Сегодня мы соединились с Тридцать третьей армией. Наступаем на Вязьму. Идем по глубокому снегу, без дорог. Артиллерия отстала. Духом сильны, хотя живем впроголодь — обозы отстали; лошадям даем солому с крыш и берестовую кору. Я жив благодаря случаю и счастью. Фашиста взяли за горло и не выпустим. Гитлеровцы бросают листовки... Видимо, мы им здорово насолили. Деремся поконноармейски. Вчера забрали сто пятьдесят пушек, много снарядов, патронов. Фашистских трупов нашли более четырехсот. После взятия Вязьмы прошу вас настоять на предоставлении всей кавгруппе отдыха. Отдохнем — будем бить врага с новой силой. Сейчас люди спят — в седлах и на саях. Ваш Белов».

Писали письма и кубанские казаки:

«Казаки и офицеры Десятой гвардейской казачьей кавалерийской Кубанской Краснознаменной ордена Суворова дивизии шлют вам пламенный привет и пожелания крепкого здоровья.

В ходе наступательных операций Красной Армии, начиная со Сталинградской битвы, в которой вы принимали непосредственное участие (в корпусе генерал-лейтенанта Шапкина), и в последующих операциях конные корпуса показали на деле, что конница при умелом использовании дает блестящий эффект.

Оснащенная конница не потеряла способности драться с моторизованными и танковыми частями противника.

История Отечественной войны отметила случаи, когда противник под ударом конницы бросал машины, танки, орудия — так было в Таганроге, Николаеве, Новом Буге, Николаполе, в Одессе.

Последние операции — Николаевская, Одесская показали, что конница жива...»

...Великая Отечественная война окончилась. Советская Армия разгромила фашистские полчища, победоносно вступила в Берлин.

Вновь, как и после гражданской войны, наш народ взялся за мирный, созидательный труд.

Постепенно уходят люди, творившие революцию, участвовавшие в гражданской войне. На смену им приходят молодые, крепкие, сильные. Молодая поросль, достойная своих отцов, стремится к свету, к знаниям и к сияющим вершинам коммунизма.

В армии появляется много новых и талантливых командиров; их вырастила и воспитала война. Они закалились в битвах с фашизмом. Они получили хорошую практику.

Прикинув, что мне уже шестьдесят восемь, я решил посторониться, дорогу дать молодым. Армия должна быть молода и сильна.

«Это будет для пользы дела»,— сказал я себе. Подал рапорт: «Ввиду намечающегося сокращения армии я, будучи в преклонном возрасте, прошу уволить меня в отставку.

В армии я прослужил сорок три года; начал свою службу солдатом. В армии вырос от солдата до генерала. Безусловно, когда я буду в отставке, я совершенно не думаю отставать от армейской, общественной и партийной жизни.

Буду так же по мере сил отдавать свой труд, свои знания на благо Родины и, как член КПСС, принимать активное участие в партийной и общественной жизни...»

Прошло еще много лет.

Скоро я буду отмечать свое восьмидесятилетие. Половину жизни своей я отдал своей армии, любимой мной коннице. Я горжусь тем, что служил под руководством Ворошилова и Буденного.

Когда Семену Михайловичу Буденному было одиннадцать-двенадцать лет, он собрал своих станичных товарищей и создал из них «хуторскую команду». Они завидовали мальчикам-казакам, которых с малых лет обучали военным наукам на плацу старые казаки-инструкторы.

В казачьих станицах мальчишки с ранних лет привыкали к строю, к коню, к военной службе и вырастали лихими бойцами.

Когда мне было лет двенадцать, я страстно хотел стать конником, но у меня не было своей лошади, у отца моего ее тоже не было. Как я завидовал мальчуганам, принимавшим участие в праздничных скачках, лихо скакавшим на конях! Я все же научился ездить верхом. Взрослые пастухи посмеивались над моим горячим желанием стать конником и часто предлагали мне покататься на необъезженных лошадях. Что ж, я готов был и на это! И на коня, на которого не каждый взрослый сядет, я садился верхом. Конь пугался, сбрасывал меня на землю, но я упорно садился опять и опять...

У меня сломаны ключицы, зато я с детства научился ездить верхом. И потом, когда меня призвали на военную службу, мне уже легче было стать отличным ездоком-джигитом.

Мы не хотим войны. Мы предлагаем полное разоружение. Но мы всегда готовы встать на защиту своей любимой Родины.

Так учите же, ребята, честно трудиться! Учитесь защищать свою родину умело, мужественно. Закаляйте себя в труде, умеете переносить трудности, привыкайте к дальним походам в дождь, в бурю, в мороз и вьюгу. Воин должен всегда иметь перед собой ясную цель — защиту мирного труда советских людей, строящих самое мирное, самое справедливое общество на земле — коммунизм. И в мирное время надо быть готовым к любым испытаниям, любым переходам: через пустыни, льды, через самые высокие снежные горы. Воин должен иметь хорошо закаленное сердце, выносливое тело, крепкие ноги, всегда свежую голову.

Воин должен хорошо знать доверенное ему оружие и всю технику, которая пока еще существует для обороны границ нашей родины, и уметь ею пользоваться.

Мы предлагаем полное разоружение. И я надеюсь дожить до поры, когда все оружие на земле будет превращено в никому не нужный лом и мир воцарится повсюду.

Я надеюсь дожить. А вы-то уж наверняка доживете!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, СОЛДАТЧИНА 3

Часть вторая

В БОЯХ И ПОХОДАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ . 57

Часть третья

ПОХОД ЧЕРЕЗ СТРАНУ СМЕРЧЕЙ . 134

Часть четвертая

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД 178

Часть пятая

В БОЯХ И ПОХОДАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 188

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для старшего возраста

Городовиков Ока Иванович

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Воспоминания

Ответственный редактор
С. М. Пономарева

Художественный редактор
Т. М. Токарева

Технический редактор
В. К. Егорова

Корректоры
В. Е. Калинина и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 20/III 1970 г. Подписано к печати 18/VIII 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂. 7 печ. л. 11,76 усл. печ. л. (11,24 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. А10307. Цена 46 коп. на бум. м/мел. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц фабрики «Детская книга» № 1, Москва, фабрикой «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 884.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Прочитайте книги, выпущенные издательством
«Детская литература»:*

Дангулов С.

ТРОПА.

Книга рассказов о первых годах Советской власти, о В. И. Ленине, о том, как он налаживал и укреплял международные связи молодой республики

Драбкина Е.

БАЛЛАДА

О БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ.

Автор рассказывает о жизни большевиков, о Ленине, об условиях партийной работы до Октябрьской революции

Рутько А.

СУД СКОРЫЙ.

Повесть о трагической судьбе рабочего-большевика Якутова, который в 1905 году был председателем республики в Уфе

Сняенко В.

ЧЕЛОВЕК С ГОРЯЩИМ СЕРДЦЕМ.

Книга о большевике Артеме (Ф. А. Сергееве), жизнь которого поистине была легендарным подвигом.